

ISSN 1993-4750

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

**ФОНЕТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА УСТНОЙ РЕЧИ:
ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ**

20 (759)
2016

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Moscow State Linguistic University”

VESTNIK
of Moscow State Linguistic University

The year of foundation – 1940

Issue 20 (759)
LINGUISTICS

**PHONETIC SPEECH CULTURE:
TRADITIONS AND INNOVATIONS**

Moscow
FSBEI HE MSLU
2016

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный лингвистический университет»

ВЕСТНИК

Московского государственного лингвистического университета

Год основания издания – 1940

Выпуск 20 (759)
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

**ФОНЕТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА УСТНОЙ РЕЧИ:
ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ**

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2016

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор серии «Языкознание»
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК МГЛУ»

А. А. Гаджиев, д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)	Лю Лиминь, Ph. D., проф. (КНР)
Н. П. Баранова, канд. пед. наук, доц. (Беларусь)	Д. С. Маркес, Ph. D., проф. (Испания)
З. К. Бурнацева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Т. В. Медведева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Б. Воронина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Л. В. Моисеенко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Р. Гаспарян, д-р филол. наук, проф. (Армения)	А. И. Мусаев, д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
К. В. Голубина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Л. А. Ноздрина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Гусейнова, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)	Р. К. Потапова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Н. А. Дудик, канд. филол. наук (МГЛУ)	Ю. Е. Прохоров, д-р пед. наук, д-р филол. наук, проф. (Россия)
Г. Ершов, Ph. D., проф. (Германия)	О. А. Радченко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
М. С. Имомзода, д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)	М. Н. Русецкая, д-р пед. наук, проф. (Россия)
К. М. Ирисханова, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Т. С. Сорокина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
О. К. Ирисханова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)	А. Н. Тарасова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. Я. Касюк, д-р истор. наук, проф. (МГЛУ)	И. И. Убин, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Краева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	Х. Ли-Янке, проф. (Швейцария)
Г. Ф. Красноженова, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)	А. Д. Ченки, Ph.D., проф. (Нидерланды)
С. С. Кунанбаева, д-р филол. наук, проф. (Казахстан)	Н. А. Шулепов, д-р юрид. наук, проф. (МГЛУ)
Ф. Г. Лодейро, Ph. D., проф. (Испания)	М. Форстнер, Ph. D., проф. (Германия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

кандидат филологических наук, профессор Г. Б. Воронина
(ответственный редактор)
кандидат филологических наук, профессор Л. М. Карпова
(ответственный секретарь)
кандидат филологических наук, доцент Е. А. Калашникова
кандидат филологических наук Г. А. Соколова
кандидат филологических наук Д. А. Зимарин

Вестник входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016

Издание зарегистрировано 10 октября 2014 г. ЭЛ № ФС77-59634 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)

Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.RU

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Безбородова М. В.</i> Влияние социума на вектор развития британской произносительной нормы	9
<i>Болотова Ю. С., Мороз Н. Ю.</i> О стратегиях и тактиках дискурса моды	23
<i>Глушак В. М., Калашникова Е. А.</i> Современные тенденции реализации немецкого [ə] в конечных слогах <i>-en, -em, -er, -el</i>	33
<i>Горожанина Н. И.</i> Фонетические средства оформления высказывания и их восприятие в рамках публичного выступления (применительно к немецкому языку)	40
<i>Горожанов А. И.</i> Компонент узла обучающей виртуальной среды для работы с заданиями открытого типа на иностранном языке	46
<i>Григорьев Е. И., Евтеев С. В.</i> Фактор интонации в формировании концептов речевых актов	53
<i>Демина М. А.</i> Прагматическая обусловленность интонационных единиц в концепции британской фонетической школы	64
<i>Демина М. А., Карташевская Ю. В.</i> Фонетические средства реализации «small talk» в британском социокультурном контексте	74
<i>Елизарьева М. А.</i> К истории немецко-чешского языкового контакта	97
<i>Зимарин Д. А.</i> Современные методы обучения ритму иностранного языка	109
<i>Митягина В. А.</i> Перевод как фактор формирования поли-, транс- и межкультурного туристического дискурса	114

<i>Поздеева Д. Т.</i>	
Словесное ударение в канадском варианте английского языка: норма и узус	127
<i>Ускова Т. В.</i>	
Особенности структуры текста англоязычного законодательного акта	136
<i>Шевченко Т. И., Сокорева Т. В.</i>	
Социофонетический взгляд на вариативность речевого ритма	141
<i>Явиц И. И.</i>	
Просодические особенности жанра <i>стендап</i>	155

CONTENTS

<i>Bezborodova M. V.</i> The Impact of Society on the Changes within the British Pronunciation Standard	9
<i>Bolotova Yu. S., Moroz N. Yu.</i> About Strategies and Tactics of the Fashion Discourse	23
<i>Glushak V. M., Kalashnikova E. A.</i> The modern tendencies of realization of the German [ə] in the words ending <i>-en, -em, -er, -el</i>	33
<i>Gorozhanina N. I.</i> Phonetic Means of Utterance Building and Their Perception in the Framework of Public Speech (Applied to German)	40
<i>Gorozhanov A. I.</i> The Component of a Virtual Learning Environment Node for Using Open Type Tasks in Foreign Language Acquisition Process	46
<i>Grigorev E. I., Evteev S. V.</i> The Intonation Factor in Forming of Speech Acts Concepts	53
<i>Demina M. A.</i> Pragmatic Conditionality of Intonation in the Conception of the British Phoneticians	64
<i>Demina M. A., Kartashevskaya Y. V.</i> Phonetic Means of “Small Talk” Realization in British Sociocultural Context	74
<i>Yelizaryeva M. A.</i> History of German-Czech Language Contact	97
<i>Zimarin D. A.</i> Modern Methods of Teaching the Rhythm of a Foreign Language	109
<i>Mityagina V. A.</i> Translation as a Factor in Poly-, Trans- and Cross-Cultural Tourism Discourse Formation	114
<i>Pozdeeva D. T.</i> Word Stress in Canadian English: Norm and Usage	127

<i>Uskova T. V.</i>	
Structural Peculiarities of the Text of English Language Laws	136
<i>Shevchenko T. I., Sokoreva T. V.</i>	
Speech Rhythm Variation: a Sociophonetic Perspective	141
<i>Yavits I. I.</i>	
Prosodic Features of Stand-Up Comedy	155

УДК 81'34

М. В. Безбородова

кандидат филологических наук, доцент
кафедры фонетики английского языка ФАЯ МГЛУ;
e-mail: mvb87@rambler.ru

ВЛИЯНИЕ СОЦИУМА НА ВЕКТОР РАЗВИТИЯ БРИТАНСКОЙ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОЙ НОРМЫ

В статье исследуется вопрос степени влияния социума на изменения, произошедшие в системе британского произносительного стандарта (далее – RP) за последние полвека. Социальная неоднородность общества оказывает влияние на то, как используют язык различные группы говорящих. В целом RP, представляя собой малоподвижную систему фонетических норм, кодифицированных в английских национальных словарях, в последнее время претерпевает изменения. Среди носителей этого акцента всё чаще слышны элементы нестандартных произносительных форм. Можно утверждать, что представители обоих полов и всех социальных слоев британского общества в разной степени оказывают влияние на изменение RP, а сама произносительная норма находится в процессе постоянной эволюции, подчиняясь закону социума.

Ключевые слова: социум; социальное варьирование языка; социальный класс; британский произносительный стандарт (RP); гендер; диалект; нестандартные произносительные формы.

M. V. Bezborodova

Ph.D., Associate Professor, Department of English Phonetics,
English Language Faculty, MSLU;
e-mail: mvb87@rambler.ru

THE IMPACT OF SOCIETY ON THE CHANGES WITHIN THE BRITISH PRONUNCIATION STANDARD

The article is an attempt to investigate the effect of the social factor on the changes in the British pronunciation standard RP for the past 50 years. Social heterogeneity influences the way language is used by various social groups. Though RP is often perceived as a stable standard system of forms, codified in the English national dictionaries, it is prone to change. Nowadays RP speakers are more likely to use some elements of non-standard accents. It can be considered that the representatives of both genders and all social layers may contribute to changes within the RP accent, and the pronunciation norm is constantly evolving under the influence of society.

Key words: society; social variation; social class; British pronunciation standard (RP); gender; dialect; non-standard pronunciation forms.

Введение

В настоящее время социум чаще всего рассматривают как многомерное пространство, в котором носители языка классифицируются в зависимости от их возраста, пола, места рождения, воспитания, социальной и профессиональной принадлежности. Эти характеристики не являются неизменными: в течение жизни человек может продвигаться по служебной лестнице или наоборот, изменить место жительства, перейти в другую возрастную группу, но на каждом этапе его жизни эти параметры остаются четко заданными. В соответствии со своим статусом человек имеет доступ к различным формам языка. Существует корреляция между вариативностью языковых средств, используемых языковым сообществом, и социальной структурой общества.

Социальное варьирование языка проявляется на всех его уровнях: в звуковых и интонационных особенностях, употреблении характерных слов и фразеологических оборотов, морфологических форм или синтаксических конструкций.

Взаимосвязь социального статуса и языковых форм

Социальный статус определяет те социальные роли, которые выпадают на долю говорящего. В одной и той же коммуникативной ситуации люди, принадлежащие к разным социальным слоям, используют разные языковые средства. Так, люди, принадлежащие к низшим слоям общества, в любой ситуации шире используют нелитературные средства общения, нежели люди из высших социальных слоев. Но у всех говорящих в официальных ситуациях общения возрастает частотность употребления литературных форм. Замечено, что в ситуациях формального общения представители низших слоев среднего класса употребляют даже большее количество «престижных» языковых форм, чем представители верхушки среднего класса. Причиной такой гиперкоррекции является социальная неуверенность людей, принадлежащих к низшим слоям среднего класса. Но может возникнуть и другая ситуация – явление «скрытого престижа», когда представители социальных низов хотят намеренно подчеркнуть дистанцию между собой и собеседником из социальных верхов, начиная употреблять большое количество нелитературной лексики (диалект или жаргон социальных низов).

Любое общество характеризуется неравенством при распределении богатства, привилегий и возможностей. И в каждом обществе люди, обладающие одинаковыми благами, возможностями и привилегиями, обычно имеют похожие взгляды и ценности, таким образом отличаясь от других социальных групп, стоящих выше или ниже их [2].

Существует объективный принцип соответствия класса и рода занятий, согласно которому к высшему среднему классу относятся владельцы компаний; директора; люди, унаследовавшие состояние; к средней прослойке среднего класса – специалисты и управляющие; к низшему среднему классу – мелкие служащие и полупрофессиональные служащие. К высшей прослойке низшего класса относятся служащие, квалифицированные рабочие; к среднему низшему классу – рабочие средней квалификации, к низшей прослойке низшего класса – разнорабочие и сезонные рабочие [7].

Деление на классы привело к речевым различиям на уровне диалекта и акцента. В XIX в. британский вариант английского языка распался как на региональные, так и на социальные диалекты – «социолекты» [14].

Многие лингвисты рассматривают RP (далее – Received Pronunciation) как социолект, определяя его как самый престижный стиль произношения в британском варианте английского языка, который является классовым диалектом.

Статус Received Pronunciation

Различное отношение к RP вызывает большое количество споров: разделение лингвистически образованного населения на общество «пуристов», которое стремится не допустить происходящих в английском языке изменений и восстановить его былое превосходство, и на демократично настроенное общество людей, стремящихся рассмотреть альтернативные типы произношения (например, EE) как претендующих на роль произносительной нормы [20].

Речь принца Уильяма имеет много нареканий со стороны лингвистического сообщества, так как она близка к речи среднестатистического англичанина. Полагают, что если он когда-нибудь станет монархом, то, возможно, будет первым в истории членом королевской семьи, говорящим на языке обычных людей. Многие критикуют принца за то, что он имитирует кокни («*mockney*» accent), однако другие считают, что его не слишком благородная манера произношения

звучит восхитительно, так как он остается верным своему поколению и Британии, в которой вырос. Среди характерных особенностей в речи Уильяма можно отметить ретардацию ядра дифтонга /aɪ/ и продвижение вперед ядра дифтонга /əʊ/. Возможно, предрассудки по поводу «изысканного» диалекта, возникшие в эдвардианскую эпоху, вскоре исчезнут. И тогда, скорее всего, уже не останется людей, которые бы сохранили «королевский английский» [27; 28].

Некоторые исследователи придерживаются социального подхода в рассмотрении RP как феномена, возникшего в среде образованных представителей высших и средних классов обществ. Другие же рассматривают RP как наддиалектное образование, своего рода язык-посредник, лишенный территориальных и, в определенной мере, социальных ограничений, минимально зависящий от контекста и приемлемый для широкого круга людей [23].

Существование различных вариантов внутри RP не вызывает никакого сомнения, есть лишь расхождения в терминологическом аппарате при описании данного явления. Например, дифференциации внутри RP были зафиксированы А. Гимсоном в 1970 г. (general RP, conservative RP, advanced RP) и Дж. Уэллзом в 1982 г. (mainstream RP, upper-middle class RP, near RP, adoptive RP) [11; 25]. Заметим, что Дж. Уэллз объясняет неоднородность внутри произносительной нормы с точки зрения социальных изменений, происходящих в современном английском обществе: рост общественного самосознания представителей среднего и низшего сословий, усиление роли рабочего класса, интеграционные процессы привели к тому, что прежний стандарт произношения, исторически связанный с высшими слоями общества, начинает осознаваться как архаизм, на смену которому должен прийти более демократичный произносительный стандарт [24].

Социофонетическая вариативность в Великобритании

Изучение собственно социальной вариативности в Великобритании показало, что разные классы и группы людей демонстрируют различную вероятность употребления определенных фонетико-фонологических черт [4].

В своих ранних работах, посвященных исследованию социального класса новаторов, вызывающих лингвистические изменения, У. Лабов подчеркивал, что речь высшего социального класса не является,

как правило, источником инноваций, но одновременно указывал и на то, что примеры распространения тенденций речи низшего класса на речь высших слоев общества крайне немногочисленны. Помимо этого отмечалось, что новаторами, в основном, являлись представители высшей или низшей прослойки среднего класса [19].

А. Кроуч указывал на то, что нельзя привести примеры систематических лингвистических изменений, инициаторами которых выступали бы представители высшего класса. Он предложил дихотомическую модель, согласно которой источником естественных лингвистических изменений служит речь рабочего класса, в то время как представители среднего и высшего классов реагируют на это, так или иначе «корректируя» свою речь согласно естественным изменениям [16].

Говоря о языковых изменениях, У. Лабов различает изменения «сверху» и изменения «снизу». Термины «сверху» и «снизу» относятся к позиции в социальной иерархии. Изменения «сверху» представляют собой заимствования из более престижных вариантов языка; они осознанно копируются говорящими, так как привносятся людьми, принадлежащими к господствующему социальному классу. Изменения «снизу» берут свое начало из просторечных форм и принадлежат речи низшей социальной прослойки. Изменения подобного рода носят системный характер и бессознательно копируются говорящими – только после того, как они становятся частью языка, люди начинают их осознавать [19].

Б. Бернстайн и У. Лабов усматривают прямую зависимость между социальной принадлежностью и речевой практикой индивида. Первые лингвистические исследования, проведенные Б. Бернстайном в Лондоне в 1956 году были направлены на то, чтобы выяснить соотношение речевого поведения человека с его социальным статусом. Основным положением теории Б. Бернстайна является утверждение о том, что выходцы из среды рабочего класса и выходцы из среды среднего класса пользуются разными формами языка [5]. Интервью У. Лабова, проведенное в Нью-Йорке в 1964 г., также подтвердило социальную стратификацию образцов речевого поведения. В своих дальнейших исследованиях он зафиксировал, что разные формы существования языка представляют собой континуум: говорящий использует тот или иной вариант произношения с разной частотностью. Однако все информанты обнаруживают тенденцию чаще употреблять более

престижные варианты в официальных ситуациях общения и активнее используют субстандартные языковые средства в непринужденной обиходной речи. Это свидетельствует о наличии в речевом коллективе общих идеалов речеупотребления: все говорящие осознают, какие языковые единицы являются одобренными, а какие – нет, хотя и употребляют их с разной частотностью [5; 19].

Автор и говорящая на RP телеведущая И. Найт признает, что меняет свое произношение в зависимости от ситуации: «Дайте мне вести передачу на “Радио-4” и я буду говорить правильно, но посадите меня в такси – и мой собственный акцент RP мгновенно исчезнет» [15].

Некоторые лингвисты утверждают, что данные о социальном положении можно не учитывать, и отрицают существование социоэкономической стратификации. По их мнению, при исследовании лингвистического поведения говорящих следует принимать во внимание такие факторы, как количество представителей конкретной группы или место их проживания, а не социоэкономическое расслоение. Однако, по мнению У. Лабова, подобный подход невозможен для исследования многочисленной по количеству представителей группы [19].

Социолингвистическое исследование П. Традгилом речи жителей г. Нориджа в 1974 г. показало, что различия в языке между социальными классами существуют ввиду того, что средний класс лояльно относится к стандартным нормам литературного английского языка, а рабочий класс отрицает эти нормы и предпочитает «сниженный» разговорный стиль. Исследование Р. Макаулэем английского языка в Глазго в 1978 – 1979 гг. показало аналогичный результат: каждая социальная группа использует пропорционально больше престижных форм, нежели группа, стоящая на ступеньку ниже в социальной иерархии [3].

Интересные результаты дало исследование речи подростков двух небольших городков на юге Англии – Рединга (старый город) и Милтон Кинз (новый город, основанный в 1967 г.) [8; 13]. Для эксперимента были выбраны учащиеся школ разного социального статуса. В соответствии с этим параметром подростков поделили на представителей рабочего класса и среднего класса. Результаты исследования свидетельствуют о том, что средний класс использует меньшее количество нестандартных форм. Подобная тенденция в значительной степени проявляется и в Рединге, где отличия между представителями разных классов проявляются еще более отчетливо [14].

Возможность получить образование и растущая социальная мобильность привели к тому, что акцент RP стал более доступным для людей, которые прежде не могли бы учиться в университете и получить квалифицированную работу. Уже в 1964 г. А. Гимсон писал, что всё в меньшей и меньшей степени RP остается прерогативой определенного социального класса, и благодаря постепенному размыванию классовых границ этот акцент характеризует речь всё более значительной части населения. Таким образом, результатом изменений социального характера стала тенденция к стандартизации речи представителей низших социальных слоев [12].

Нельзя не согласиться с утверждением П. Традгилла, что потеря и приобретение произносительных черт являются результатом контакта диалектов и коммуникативного взаимодействия. Однако есть доказательства того, что изменения могут быть вызваны источником извне, и стирание произносительных различий может происходить независимо от процесса коммуникации. Недавние исследования показали наличие юго-восточных произносительных черт в отдаленных от Лондона городах – Глазго и Нале. Более того, эти произносительные черты заимствуются подростками из семей рабочего класса, у которых нет возможности перемещаться по стране. Предположительно, средства массовой информации, прежде всего телевидение, могут играть важную роль в этих изменениях. Молодые британцы постоянно находятся под влиянием лондонской речи посредством СМИ и ассоциируют эти акценты с элементами молодежной субкультуры [25]. Черты, присущие лондонскому акценту, активно усваиваются, так как ассоциируются с теми качествами, которыми обладают жители этого региона. Таким образом, это является мотивирующим фактором изменений, происхождение которых невозможно объяснить с точки зрения традиционной модели о распространении спонтанных изменений, а средства массовой информации усиливают эффект, заставляя людей позитивно воспринимать новые явления.

В то же время, поскольку исчезают предрассудки по поводу использования региональных вариантов языка, людям совершенно не обязательно отказываться от своего родного диалекта, чтобы продвигаться по служебной лестнице. Нестандартные языковые формы всё чаще слышны в обществе и в формальных ситуациях общения, где раньше преобладал только RP, например, Estuary English (далее – EE)

описывается как результат акцентной конвергенции, при которой говорящие на RP, принадлежащие к среднему классу, приспосабливаются к местному акценту представителей низшего класса, и наоборот [20].

Еще в 60-е гг. XX в. У. Лабов разработал методологию, которая позволила установить взаимоотношение между вариативностью языковых форм и структурой общества: в Великобритании, где произношение говорящего играет значительную роль при создании положительного образа в бизнесе, политике и свидетельствует об образовательном уровне, существует немало ситуаций, когда более благоприятное впечатление на аудиторию производят носители менее престижных произносительных вариантов – региональных диалектов [19].

Когда в 1984 году английский лингвист Д. Розварн впервые заявил о появлении нового диалекта EE, ученые-лингвисты во всем мире отнеслись к обозначенному явлению с интересом, но неоднозначно. П. Традгилл считает, что у данного диалекта отсутствуют характерные особенности на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях [13]. За последнее время практически не было выявлено новых произносительных черт данного акцента. Все основные особенности были отмечены первооткрывателями данного произносительного варианта в конце XX в. (Д. Розварном, П. Когглом, Дж. Уэллзом и др.). Некоторые черты EE закрепились в речи высшего и среднего класса, таким образом обновив произносительную базу RP. Например, использование гортанной смычки (glottal stop) в интервокальном положении (*bottle* [bɔʔl]). Лингвисты предполагают, что это черта, намеренно используемая говорящими с целью сделать свою речь менее претенциозной [27].

Молодые носители языка среднего и высшего классов придерживаются «менее высокомерных» и более демократичных произносительных форм, что выражается, например, в потере гласными их количественных характеристик. В современном произносительном варианте уже не встречается дифтонгическое звучание в таких словах, как *poor* [pʊə], *hair* [heə] и *mature* [mə'tʃʊə]. Молодые носители произносят их как [pɔ:], [hɔ:] и [mə'tʃu:] [1; 27].

Произносительные изменения характерны и для речи королевской семьи. В то время как представители старшего поколения – королева и Принц Чарльз – всё еще придерживаются традиционного RP, молодые члены королевской семьи – Герцог Кэмбриджский и Принц

Гарри – используют молодежные формы. На ЕЕ говорила в неофициальной обстановке принцесса Диана, даже в личном произношении и словоупотреблении королевы Елизаветы заметны сдвиги в сторону ЕЕ (предполагают, что это следствие ее тесного общения с внуками).

Среди говорящих на более современном RP можно назвать некоторых дикторов BBC (Фиона Брюс, Эмили Майтлис, Джереми Паксман) и мэра Лондона Бориса Джонсона [27].

В начале XXI в. Британская Библиотека провела исследование с целью зафиксировать меняющийся характер произносительного стандарта. Ученые собрали базу данных, состоящую из 15 тыс. образцов прочтений вслух отрывка из книги «Mr. Tickle» детского английского писателя Роджера Харгривса. Выбор произведения обусловлен тем, что там встречаются все гласные и согласные, которые могут меняться в зависимости от акцента.

Собранные данные позволяют зафиксировать изменения в речи английского среднего класса. Джонни Робинсон, куратор и лингвист библиотеки, отмечает: «RP не исчез. Он просто меняется как лингвистическая единица. Он подвергся изменениям за последние 50 лет. Сейчас люди используют более современный произносительный вариант» [27].

Изменения RP на примере молодежной речи

Проведенное нами исследование вокалической составляющей речи образованных англичан (18–39 лет) также подтверждает данный вывод. RP претерпел изменения, в том числе и под влиянием ЕЕ. В речи английской образованной молодежи закрепилось лишь небольшое количество элементов данного типа произношения, а именно – экстремальное продвижение вперед монофтонгов /ʊ/ и /u:/, сужение монофтонга /ɒ/; расширение ядра дифтонга /eɪ/, продвижение вперед ядра дифтонга /aʊ/ [1].

Необходимо также отметить неразрывную связь между понятиями «гендер» и «социальный класс». Насколько нам известно, на современном этапе отношения между представителями разных полов качественно не изменились. Женщины по-прежнему несут на себе основную долю обязанностей по воспитанию детей и считаются вторичной социальной группой, несмотря на радикальные изменения в восприятии их роли в экономическом отношении. Гендерные

различия являются, главным образом, результатом общественных факторов, приобретающих все большие масштабы, которые меняются медленнее, чем другие социальные отношения. Следовательно, гендерная дифференциация как социальный фактор должна быть объяснением непрерывно происходящих лингвистических изменений.

Говорящие, имеющие более высокий социальный статус, проявляют как большие гендерные различия, так и большую степень лингвистической нестабильности, а также резкий перепад стилистических вариантов. Тенденция избегать стигматизированных форм и предпочитать престижные варианты характерна для женщин средней прослойки среднего класса, но абсолютно не свойственна представительницам низшего или высшего среднего класса.

Мужчины, принадлежащие к низшей прослойке среднего класса, в большей степени используют непрестижные формы по сравнению с представителями высшего среднего класса. Однако женщины, принадлежащие к низшему классу, используют меньше некорректных языковых форм по сравнению с женщинами высшего среднего класса [19].

Общее утверждение о том, что женщины всех возрастов и классов придерживаются более нормативных произносительных форм по сравнению с мужчинами, требует уточнения. У. Лабов ограничивает это обобщение социолингвистическими константами, т. е. теми формами, которые не подлежат лингвистическим изменениям, а Р. Хадсон добавляет, что переменные должны подвергаться социальной стратификации, при которой высшие слои общества используют стандартные формы чаще, чем представители социальных низов. Женщины, в свою очередь, отдают предпочтение явно выраженным престижным вариантам, в то время как мужчины могут использовать разговорные формы «скрытого престижа» (термин, введенный У. Лабовым). Скрытым престижем обладают стигматизированные языковые формы, демонстрирующие верность говорящих ценностям своего социального круга и противопоставление себя чужакам. Подтверждается, что женщин привлекают нормы литературного английского языка, а мужчин – скрытый престиж разговорной речи [11; 17].

П. Традгилл утверждает, что женщины проявляют больше внимания к изменениям в произношении. Этот повышенный интерес к акценту проявился в том, что в рамках всех социально-экономических классов и слоев общества женщины демонстрировали наибольшее

число престижных форм и наименьшее число – непрестижных [21; 22]. В данном случае заметно наибольшее различие в показателях между группами мужчин и женщин в нижнем слое среднего класса, где женщины демонстрируют гиперкорректное речевое поведение. Хотя считается, что гендерные различия встречаются только в контексте лингвистических переменных, которые стратифицируются в соответствии с принадлежностью к определенному социальному слою, есть основания утверждать наличие гендерных различий вне контекста социального положения, например, переменные, относящиеся к фонологическим процессам редукции и ослабления звучания. Некоторые исследования доказывают, что женщины стремятся использовать четко артикулируемые «канонические» формы и стараются избегать вариантов, которые являются результатом разговорных речевых процессов.

В случае с RP данные свидетельствуют о том, что его использование гораздо более выгодно женщинам, чем мужчинам. Женщины, говорящие на RP, по мнению окружающих, являются одновременно и более женственными, и более мужественными, чем обладательницы региональных акцентов. О. Элиан утверждает, что женская речь с акцентом RP обладает свойством андрогинизма (понятие, введенное американским психологом С. Бемом для обозначения людей, успешно сочетающих в себе как традиционно мужские, так и традиционно женские психологические качества). Такому восприятию женской речи он предложил следующее объяснение: акцент RP ассоциируется одновременно с утонченностью и властью, с речью людей, которые могут иметь влияние в обществе. Эти качества у женщин, с одной стороны, помогают подчеркнуть их женственность, а с другой – способствуют их продвижению по службе [9]. Таким образом, можно сделать вывод, что женщины, говорящие на RP, оставляют гораздо более благоприятное впечатление, чем мужчины с тем же акцентом, и подобное стереотипное мнение окружающих может служить причиной того, что женщины используют более стандартные формы, чем мужчины.

Например, герцогиня Кембриджская использует более изысканный вариант RP, чем ее муж. Она очень аккуратна в выборе произносительных моделей. Вне всякого сомнения они оба придерживаются произносительной нормы. Однако тот факт, что происхождение Кэтрин не аристократическое, позволяет ожидать более «королевского» RP от принца Уильяма, но все получается наоборот [27].

По мнению Дж. Чамберса и П. Традгилла, в ситуациях повседневного общения женщины стараются быть более консервативными и предпочитают наиболее престижные варианты. В эмоционально нестабильных ситуациях женщины проявляют себя лидерами лингвистических изменений, которые будут ассоциироваться с престижными вариантами, в то время как мужчины, принадлежащие к низшему классу, обычно являются проводниками изменений, которые привносят или возрождают просторечные формы [6]. У. Лабов говорит о том, что женщины являются проводниками изменений произносительной нормы: «В лингвистических изменениях “извне” женщины усваивают престижные формы быстрее мужчин» [19].

Заключение

Итак, связь между акцентом RP и принадлежностью к определенному классу явно ослабевает. Современный RP в разной степени (в зависимости от ситуации) используют все слои населения. Говорящие начинают воспринимать новые, возникшие в RP, тенденции уже не как маркер принадлежности к определенному социальному классу. Слишком ярко выраженный локальный характер произносительных форм может рассматриваться ими как старомодный и нежелательный, в то время как надрегиональные черты, не являющиеся характеристикой какой-либо прослойки населения, рассматриваются как современные и передовые. Такое мнение является мотивацией для усвоения новых черт: говорящие используют более распространенные произносительные варианты с целью обозначить свою прогрессивность. Процесс выравнивания (levelling) может повлиять на все стороны социального континуума. Результатом может стать параллельное развитие системы, в процессе которого стираются границы между наиболее яркими вариантами, принадлежащими представителям высшего и низшего классов, а представители среднего класса, являясь самой многочисленной прослойкой населения, говорящей на современном RP, выступают в роли основного вектора его развития в настоящее время. Причем женщины всех социальных слоев сохраняют в современном RP многие элементы классического стандартного акцента, а мужчины, принадлежащие к низшему классу, привносят в данный акцент часто нестандартные (просторечные) формы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Безбородова М. В.* Вокалическая составляющая современной молодежной речи с учетом гендерных различий (экспериментально-фонетическое исследование на материале британского варианта английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – 24 с.
2. *Вахтин Н. Б., Головкин Е. Б.* Социоллингвистика и социология языка. – СПб. : Издательский центр «Гуманитарная академия», 2004. – 388 с.
3. *Кириллина А. В.* Гендер и язык / Московский гос. лингвистический ун-т; Лаборатория гендерных исследований. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 624 с.
4. *Шевченко Т. И.* Фонетика и фонология английского языка: Курс теоретической фонетики английского языка для бакалавров. – Дубна : Феникс+, 2011. – 256 с.
5. *Bernstein B.* Class, Codes, Control : in 2 Vols. – London : Routledge, 1971–1973. – Vol. 1. – 238 p. ; Vol. 2. – 377 p.
6. *Chambers J. K., Trudgill P.* Dialectology. – 2nd ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 1998. – 216 p.
7. *Chambers J. K.* Sociolinguistic theory: linguistic Variation and its social significance. – Oxford: Blackwell, 2009. – 308p.
8. *Cheshire J.* Sociolinguistics and mother-tongue education // U. Ammon, N. Dittmar, K. Mattheier and P. Trudgill (eds.). Sociolinguistics: An Introductory Handbook of the Science of Language and Society. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2005. – P. 2341–2350.
9. *Elyan O., Smith P., Giles H. and Bourhis R.* RP-accented female speech: the voice of perceived androgyny. In P. Trudgill (ed.), Sociolinguistic patterns in British English. – London : Arnold, 1978. – P. 122–131.
10. *Gimson A. C.* British English pronunciation: standards and evolution // Praxis des Neusprachlichen Unterrichts 17. – 1970. – P. 17–20.
11. *Hudson R. A.* Sociolinguistics. – 2nd ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 1996. – 279 p.
12. *Kerswill P.* Mobility, meritocracy and dialect levelling: the fading (and phasing) out of Received Pronunciation // P. Rajamäe and K. Vogelberg (eds.). British studies in the new millennium: challenge of the grassroots. – Tartu : University of Tartu, 2001. – P. 45–58.
13. *Kerswill P., Williams A.* New towns and koineisation: linguistic and social correlates // Linguistics 43(5). – 2005. – P. 1023–1048.
14. *Kerswill P.* Migration and language // Sociolinguistics. An international handbook of the science of language and society. – 2nd ed. – Vol. 3. – Berlin : De Gruyter, 2006. – P. 2271–2285.
15. *Knight I.* Speak proper? Not likely // Sunday Times. – 11.11.2001.

16. *Kroch A.* Grammatical ideology and its effect on speech linguistic variation. Models and Methods // Center for Mathematical Research University of Montreal / ed. by D. Sankoff. – Quebec : Academic Press, – 1978. – P. 45–55.
17. *Labov W.* The intersection of sex and social class in the course of linguistic change // Language Variation and Change 2: 2. – 1990. – P. 205–254.
18. *Labov W.* Principles of Linguistic Change // Internal Factors. – Vol. 1. – Oxford : Blackwell Publishers Inc., 1994. – 572 p.
19. *Labov W.* Principles of Linguistic Change // Social Factors. – Vol. 2. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2001. – 572 p.
20. *Rosewarne D.* Estuary English: tomorrow's RP? // English Today 37. – 1994. – P. 3–8.
21. *Trudgill P.* The Social differentiation of English in Norwich. – Cambridge : Cambridge University Press, 1974. – 211 p.
22. *Trudgill P.* Sociolinguistics. – Harmondsworth : Penguin Books, 1974. – 189 p.
23. *Trudgill P.* Standard English: what it isn't // Bex and Watts. – 1999. – P. 117–128.
24. *Wells J. C.* Accents of English. – Cambridge : Cambridge University Press, 1982. – 465 p.
25. *Williams A. and Kerswill P.* Dialect levelling: continuity vs. change in Milton Keynes, Reading and Hull // P. Foulkes & G. Docherty (eds.). Urban voices Accent studies in the British Isles. – London : Arnold, 1999. – P. 141–162.
26. William and Kate's accent. – URL : <http://dialectblog.com/2011/05/01/william-and-kates-accent/>
27. William's cut-glass accent. – URL : <http://www.telegraph.co.uk/news/news-topics/howaboutthat/9653166/Prince-Williams-cut-glass-accent-is-a-little-less-polished-than-Kate-Middletons.html>

УДК 81'42

Ю. С. Болотова, Н. Ю. Мороз

Болотова Ю. С., ст. преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий МГЛУ;
e-mail: yulia.bolotova@yandex.ru

Мороз Н. Ю., кандидат филологических наук, заведующая кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий, МГЛУ;
e-mail: nataschamoroz@yandex.ru

О СТРАТЕГИЯХ И ТАКТИКАХ ДИСКУРСА МОДЫ

В статье рассматриваются основные стратегии и тактики дискурса моды, используемые для реализации прагматического воздействия на адресата, и описываются средства их реализации.

Ключевые слова: дискурс моды; стратегия; тактика; средства реализации.

Yu. S. Bolotova, N. Yu. Moroz

Bolotova Y. S., Senior Lecturer, Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Media Technologies, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU;
e-mail: yulia.bolotova@yandex.ru

Moroz N. Yu., Ph.D., Head of the Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Media Technology, MSLU;
e-mail: nataschamoroz@yandex.ru

ABOUT STRATEGIES AND TACTICS OF THE FASHION DISCOURSE

The article deals with the basic strategies and tactics of the fashion discourse used to realize the pragmatic impact on the recipient. The means of their realization are described.

Key words: fashion discourse; strategy; tactics; means of the realization.

В настоящее время актуальным является изучение различных видов дискурса, в том числе дискурса моды (далее – ДМ). Под дискурсом моды мы понимаем сложное коммуникативное событие, происходящее между производителями и потребителями моды в определенный отрезок времени в сфере СМИ, маркетинга и рекламы, реализуемое в виде тематически связанных текстов, посвященных моде, в их взаимосвязи с внеязыковой действительностью. ДМ представлен

три подвидами: информирующим, инструктирующим, маркетинг-ориентированным.

Интенция информирующего подвида ДМ заключается в том, чтобы ознакомить читателя с историей моды, биографией ее деятелей, направлениями, стилями и т. д.

Интенция инструктирующего подвида ДМ состоит в том, чтобы в доступной форме помочь адресату изготовить понравившееся ему изделие.

Интенцией маркетинг-ориентированного подвида ДМ является не только ознакомление адресата с последними новинками из мира моды, но и способствование воспитанию и формированию у него собственного вкуса относительно модных форм, цветов, сочетаний и пр., а также побуждение адресата приобрести модную новинку.

Для выявления особенностей ДМ существенным является выявление используемых в нем стратегий и тактик.

О. С. Иссерс под речевой стратегией понимает некий «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели». По ее мнению, любая речевая стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации, а также реализацию запланированного с целью достижения долговременных результатов [1, с. 54].

Е. В. Клюев под коммуникативной стратегией понимает «совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [2, с. 11]. Коммуникативная цель – «стратегический результат, на который направлен коммуникативный акт» [там же]. Коммуникативная тактика рассматривается Е. В. Клюевым как «совокупность практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия» [там же].

Составляющие коммуникативной стратегии, по мнению Клюева, представлены следующим образом: «Используя коммуникативную компетенцию, говорящий ставит перед собой коммуникативную цель (определяя или не определяя коммуникативную перспективу) и следуя определенной коммуникативной интенции, вырабатывает коммуникативную стратегию, которая преобразуется (или не преобразуется) в коммуникативную тактику как совокупность коммуникативных намерений (коммуникативных задач), пополняя коммуникативный опыт говорящего» [там же, с. 12].

Т. Е. Янко, вслед за Бергельсон и Кибрик, включает в коммуникативную стратегию, следующее: «1) выбор глобального речевого намерения ...; 2) отбор тех компонентов семантики предложения и экстралингвистической конситуации, которые соответствуют модифицирующим коммуникативным значениям; 3) определение того, какой объем информации придется на одну тему, одну рему; 4) соотношение квантов информации о ситуации с состояниями сознания собеседников и фактором эмпатии ...; 5) определение порядка следования коммуникативных составляющих ...; 6) настройку коммуникативной структуры предложения на определенный коммуникативный режим» [3, с. 38].

Под коммуникативной стратегией, вслед за О. С. Иссерс, Е. В. Ключевым и Т. Е. Янко, мы будем понимать «совокупность коммуникативных ходов, направленных на достижение глобального коммуникативного намерения». Тактику мы рассматриваем как «практический ход, в процессе устной и письменной коммуникации».

В ДМ можно выделить следующие стратегии:

- а. Стратегия популяризации (личности знаменитости из мира моды, тренда, модного изделия).
- б. Стратегия побуждения адресата к творческой активности.
- в. Стратегия навязывания адресату изделий индустрии моды.

1. Стратегия популяризации (личности знаменитости из мира моды, тренда, модного изделия) заключается в том, чтобы привлечь внимание к тому или иному лицу из мира моды, тенденции или производимой индустрией моды продукции и способствовать их популяризации. Стратегия популяризации типична для информирующего подвида ДМ.

Коммуникативной целью данной стратегии является создание положительного и привлекательного образа знаменитости, тренда или модного изделия. Стратегия популяризации реализуется при помощи следующих тактик:

- «живой рекламы»;
- привлечения внимания к личности (через компрометирующие материалы).

Тактика «живой рекламы»

В качестве основного аргумента при использовании данной тактики является обращение к авторитету. Данная тактика состоит в указании

имен знаменитостей, пользующихся услугами, продукцией известного лица или поддерживающих определенный тренд в моде.

В качестве примера приведем отрывок статьи «Биографии» о Донателле Версаче, в котором личность модельера обретает особую притягательность благодаря тому, что в ней содержатся указания на знаменитостей (из сферы моды, политики, шоу-бизнеса и т. д.), отдающих предпочтение этому бренду:

Um die Marke weiterhin *weltweit* bekannter zu machen verkleidet sie persönlich *prominente* Größen wie *Eric Clapton*, *Jennifer Lopez* und *Lady Gaga* (https://de.wikipedia.org/wiki/Donatella_Versace).

В качестве средств, реализующих данную тактику, используются:

- имена собственные, называющие знаменитых людей современности носящих изделия этой марки (*Eric Clapton*, *Jennifer Lopez*, *Lady Gaga*);
- прилагательные с положительной оценочностью, подчеркивающие значимость знаменитостей в мировом масштабе (*weltweit*, *prominent* и др.).

Тактика привлечения внимания к личности в мире моды (через компрометирующие факты его биографии)

Суть данной тактики состоит в том, чтобы повысить интерес к личности знаменитости, используя компрометирующие факты, связанные с его жизнью (скандалы, интриги, обман и т. д.). Для ее реализации автор использует провокационные материалы «желтой прессы».

Например, в статье об известном модельере Карле Лагерфельде, манипулирующим датами своего рождения:

Sein Geburtsjahr gab er öffentlich mit 1938 an, neuerdings mit 1935. *Bild am Sonntag* veröffentlichte im Jahr 2008 jedoch *Auszüge des kirchlichen Taufregisters Hamburg* sowie *Kommentare seiner Lehrerin und eines Klassenkameraden*, die als sein Geburtsjahr 1933 angaben. Am 10. September 2008 ließ sich Karl Lagerfeld gleichwohl zum „70. Geburtstag“ gratulieren. Entsprechendes geschah im Jahr 2003 zu seinem „65.“. Einige *Medien* richteten sich nach den Angaben des Modeschöpfers, andere nicht. Am 7. Juli 2013 meldete die „*Welt am Sonntag*“, das wahre Geburtsdatum von Lagerfeld sei der 10. September 1933. Die Information stützt sich auf *ein Buch der Hobby-Historiker Maïke und Ronald Holst* aus dem Hamburger Stadtteil Blankenese. Sie fanden bei Recherchen zu ihrem *Buch „Blankeneser Frauen“ eine Karte mit einer Geburtsanzeige*, in der „Otto Lagerfeld und

Frau Elisabeth, geb. Bahlmann“ die Geburt ihres Sohnes bekanntgeben. An der Karte ist mit einem blauen Seidenschleifchen *ein kleines Extra-Kärtchen* befestigt. Auf dieser steht: „Karl Otto“ und darunter „*Sonntag, 10. September 1933*“ (https://de.wikipedia.org/wiki/Karl_Lagerfeld).

Из приведенного выше примера видно, что известный модельер Карл Лагерфельд тщательно скрывает свой реальный возраст, манипулируя датами своего рождения, а немецкая газета Bild am Sonntag, решившая разоблачить обман, приводит доказательства, противоречащие его словам, ссылаясь на книгу «Регистрации актов крещения города Гамбурга» и свидетельства очевидцев тех событий, например его одноклассников (*Auszüge des kirchlichen Taufregisters Hamburg, Kommentare seiner Lehrerin und eines Klassenkameraden*).

Одним из основных средств реализации данной тактики являются темпоральные маркеры, ведь именно они помогают правильно сориентироваться во времени и разобраться в последовательности излагаемой информации. Автор использует порядковые и количественные числительные, указывающие реальную дату (*10. September 1933*) и предполагаемые даты его рождения, вступающие с ней в противоречие (*1938, 1935, am 10. September 2008, zum „70. Geburtstag“, im Jahr 2003 zu seinem „65.“*).

Прибегая к данной тактике, автор создает некий ореол загадочности личности модельера и одновременно намекает на его неискренность.

2. Стратегия побуждения адресата к творческой активности заключается в том, чтобы вызвать потребность, побудить адресата сделать модное изделие своими руками. Автор апеллирует к умениям, способностям и креативности адресата. Данная стратегия характерна для инструктирующего подвида ДМ.

Стратегия побуждения адресата к творческой активности реализуется при помощи следующих тактик:

- апелляции к ностальгическим воспоминаниям;
- предоставления адресату свободы выбора;
- объяснения необходимости создания изделия;
- предупреждения адресата от возможных ошибок.

Тактика апелляции к ностальгическим воспоминаниям

Цель данной тактики заключается в том, чтобы побудить адресата к творчеству, обращаясь к его воспоминаниям и переживаниям. Автор

напоминает адресату о тех чувствах и эмоциях, которые тот переживал, имея те или иные вещи, например, играя с любимой игрушкой, тем самым стимулируя его на создание подобной вещи для своего ребенка.

Например, статья-инструкция «Сделай сам» по составлению рождественского календаря своими руками апеллирует к воспоминаниям читателя о прошлом, о рождественском календаре, сделанном когда-то в прошлом мамой:

So einen Adventskalender hatte ich auch. Handgemacht von meiner Mutter und ich liebte ihn. Das besondere daran ist, dass er jeden Tag eine neue Überraschung bereit hält. Ich stand jeden Morgen früh auf, weil ich es nicht mehr erwarten konnte das Säckchen für den heutigen Tag endlich zu öffnen (<http://www.naehen-schneidern.de/bunter-adventskalender>).

Языковыми маркерами данной тактики являются: претериальные формы глагола, используемые для рассказа о прошлом: *hatte, liebte, stand auf*; словосочетания, передающие эмоциональные состояния и чувства, например: *das besondere daran, Handgemacht von meiner Mutter, eine neue Überraschung, nicht mehr erwarten können*.

Тактика предоставления адресату свободы выбора

Суть данной тактики состоит в том, что автор оставляет за адресатом свободу выбора при изготовлении модного изделия. Автор не только рассказывает о способе изготовления изделия, но и охотно делится своими идеями, предлагая адресату разные варианты исполнения.

Например, в статье-инструкции «Сделай сам» по изготовлению игрушек автор предлагает различные варианты твердого и мягкого наполнителя для придания формы игрушкам:

Füllen kann man die Monster-Stofftiere dann mit verschiedenen Dingen. Von Reiskörnern über Kirschkerne stehen einem noch Baumwolle, Schaumstoff (besonders gut bei Allergikern), Füllwatte, Füllfaserkügelchen, Stopfwatte oder Granulat zur Verfügung. Die Bastelgeschäfte bieten für jede Idee das passende Füllmaterial. Je nachdem obs lieber kuschelig sein soll oder lieber etwas robuster zum drauf rumknabbern (<http://kindersachen-selbermachen.de/kuscheltiere-stofftiere-selber-machen-naehen-stoffreste/>).

Адресат сам должен выбрать предпочтительное решение. Языковыми маркерами альтернативных решений будут являться:

- союзы (*je nachdem, oder*);

- предлоги *von...über* в сочетании с частицей *noch* (что позволяет передать весь спектр предлагаемых на выбор вариантов наполнителя);
- антонимы, обозначающие возможные свойства готового изделия (*kuschelig, robust*).

Тактика объяснения необходимости создания изделия

Данная тактика состоит в объяснении адресату необходимости создания конкретного изделия и его практического применения в жизни. Автор стремится привести доводы в пользу изготовления изделия.

Например, в предлагаемом примере автор приводит доводы о необходимости самому сшить новую сумку:

Als Frau kann man ja nie genug Taschen haben. Deswegen ist mal wieder selber machen angesagt und wenn man mit Kindern unterwegs ist, ist eine Umhängetasche bei der man die Hände frei hat am praktischsten. Da ich vor kurzem eine alte Tasche ausgeschlachtet habe, lagen Schultergurt und Reißverschluss schon parat. Aus einem strapazierfähigen Wachstuch und derbem Deko-Stoff habe jeweils ein Beutelchen genäht. Innen habe ich noch eine ganz einfache Einstecktasche angebracht und beide Teile mit dem Reißverschluss vernäht. Den Praxistest hat die Tasche schon überstanden: Sehr geräumig, nahezu wasserdicht und individuell (<http://kindersachen-selbermachen.de/tasche-selber-machen-aus-planenstoff/>).

Аргументами являются современная тенденция, а именно – «женщина должна иметь много сумок»: *nie genug Taschen haben*; со старыми вещами необходимо расстаться, не жалея их: *alte Tasche ausgeschlachtet haben*; преимущества нового изделия и его практичность: *den Praxistest überstehen, sehr geräumig, nahezu wasserdicht und individuell*.

Тактика предупреждения адресата от возможных ошибок

Суть данной тактики состоит в разъяснении автором возможных трудностей, возникающих при изготовлении изделия, и предотвращении их.

В статье-инструкции «Сделай сам» по изготовлению фартука для гриля автор как бы «забегая вперед» дает рекомендации на протяжении всего текста, как не ошибиться и сделать изделие лучше.

Um eine echte Grillschürze zu nähen, muss man kein Profi sein. Mit nur wenigen Handgriffen ist das Erstlingswerk schon vollendet und kann den

Grillmeister bei seiner Aufgabe vor Fettspritzern schützen. Wenn Sie in den Stoffladen gehen, um sich das geeignete Arbeitsmaterial zu kaufen, bedenken Sie, dass eine Grillschürze auch eingesetzt werden will. Wählen Sie also einen Stoff, *der sich gut waschen lässt*. Die richtige Farbe muss natürlich auch auf dem Grillfest gut aussehen. *Sommerliche Farben wirken hier meist besser als winterliche Töne*. Der Grillmeister selbst hat das letzte Wort. Wenn ihm die Grillschürze nicht gefällt, wird sie auch nicht getragen. Eine Grillschürze muss nicht nur Fettflecken, sondern auch gelegentlichen Funkenflug ertragen können. *Wählen Sie also einen robusten Stoff; am besten aus Baumwolle. Achten Sie auf die Stoffbreite. Bei Standardstoffen, die meist 150 cm breit liegen, kommen Sie mit einem Meter Stoff leicht hin. Für schlanke Köche reicht sogar weniger* (http://www.helpster.de/grillschuerze-fuer-einen-grillmeister-selber-naehen-anleitung_45453).

В качестве основного аргумента выступает простота исполнения изделия (*kein Profi sein, mit nur wenigen Handgriffen*). Предостережению от возможных ошибок служат рекомендации, выраженные с помощью инфинитивных форм глагола, глаголом *lassen* и сравнительными формами прилагательных (*einen Stoff wählen, der sich gut waschen lässt; Sommerliche Farben wirken hier meist besser; am besten aus Baumwolle*).

3. Стратегия навязывания адресату модного изделия заключается во внушении и побуждении адресата к приобретению изделий индустрии моды. Коммуникативная цель данной стратегии заключается в создании и продвижении наиболее привлекательного для адресата изделия. Данная стратегия наиболее ярко представлена в маркетинг-ориентированном подвиде ДМ.

Данная стратегия реализуется при помощи следующих тактик:

- приобщения адресата к модному коду;
- усовершенствования образа адресата через приобретение товара.

Тактика приобщения адресата к модному коду

Суть данной тактики заключается в стремлении автора объяснить адресату «язык моды», научить расшифровывать его символическое значение. Аргументом является указание на авторитет известных деятелей моды.

Авторитетом в данной тактике выступают известные модельеры, звезды кино и шоу-бизнеса.

Например, в статье «Тенденции», посвященной вязаным шапочкам, автор освещает тенденцию сезона и одновременно прослеживает ее воплощение в коллекциях современных дизайнеров.

Hauptsache warm: Von Elfenbein- bis Nougatfarben meliert sorgen Strickmützen jetzt für *einen zuckerweichen Look* mit Schutzfunktion. Bei *Missoni* sind diese Modelle *die Krönung eines Komplettlooks* in Pastellfarben, *Victoria Beckham* kombiniert sie zu schimmernden Materialien (<http://www.vogue.de/mode/mode-trends/winter-2011-strickmuetzen#galerie/1>).

Языковыми маркерами данной тактики являются:

- имена видных модельеров, поддерживающих и продвигающих данную тенденцию в моде: *Missoni*, *Victoria Beckham*;
- словосочетания с лексемой «Look», обозначающие законченный образ потенциального потребителя данного изделия, который будет выдержан в данном тренде: *einen zuckerweichen Look*, *die Krönung eines Komplettlooks*.

Тактика усовершенствования образа адресата через приобретение товара

Суть тактики заключается в стремлении автора через описание изделия привлечь внимание адресата, помочь ему создать свой желаемый образ и скорректировать свои недостатки (например, фигуры). В данной тактике используется манипулирование сознанием адресата. Так, обращая внимание на возможные недостатки адресата или его проблемы с внешним обликом, автор как бы создает у него иллюзию того, что с приобретением товара он решит свою проблему. Например, в статье-описании «из каталога мод» речь идет о джинсах с моделирующим эффектом фигуры:

Stretch-Jeans von ARIZONA. Five-Pocket-Style mit abgerundetem Sattel für *einen tollen Push-up-Effekt am Po*. Hoher, etwas breiter Bund mit 2 Knöpfen für einen „Bauch weg“-Effekt (OTTO, *Mea mein Stil*, gültig bis Ende Januar 2015, 60).

Описывая достоинства товара, автор тем самым убеждает адресата, что с приобретением товара он получает и «идеальную фигуру».

Языковыми средствами реализации данной тактики являются средства словообразования, позволяющие представить ожидаемый результат: *für einen tollen Push-up-Effekt am Po*, *für einen “Bauch weg“-Effekt*.

Приведем еще один пример, иллюстрирующий данную тактику в статье-описании «Из каталога мод» о вязаном платье:

Strickkleid. Reine Schnurrwolle – Modern und so komfortabel – mit diesen Attributen präsentiert sich das Strickkleid. Das Vorderteil inszeniert sich mit gekonnt platziertem, grafischem Intarsienmuster in harmonischen Winterdarks. Für *das luxuriöse Wohlfühl-Feeling* sorgt der supersofte Feinstrick in Merinoqualität (*Madelein, Herbst/Winter 2014, 44*).

Автор, описывая изделие, стремится вызвать ощущение того, что через обладание этим изделием, адресат приобретает не только чувство комфорта, но и значительно повышает свою самооценку в глазах окружающих. Языковым средством реализации данной тактики является: гибридный англо-немецкий неологизм (*das luxuriöse Wohlfühl-Feeling*), выражающий эмоции и чувства, возникающие у обладательницы модного изделия.

Как показал наш анализ, данные стратегии и тактики используются для эффективности популяризации дискурса моды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Изд. 3-е, стереотип. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 284 с.
2. *Клюев Е. В.* Речевая коммуникация : учеб. пособие для университетов и вузов. – М. : ПРИОР, 1998. – 224 с.
3. *Янко Т. Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 384 с. – (Studia philologica).

УДК 81.34

В. М. Глушак, Е. А. Калашникова

Глушак В. М., доцент, доктор филологических наук,
профессор кафедры немецкого языка МГИМО;
e-mail: glushakvm@mail.ru

Калашникова Е. А., кандидат филологических наук,
доцент кафедры фонетики немецкого языка
факультета немецкого языка МГЛУ; e-mail: elk99@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РЕАЛИЗАЦИИ НЕМЕЦКОГО [ə] В КОНЕЧНЫХ СЛОГАХ *-en, -em, -er, -el*

В статье проводится сравнение двух наиболее авторитетных словарей произношения немецкого языка «Duden. Aussprachewörterbuch» и «Deutsches Aussprachewörterbuch» с целью выяснить фонетические особенности реализации конечных слогов и возможности их кодификации.

Ключевые слова: произносительная норма; кодификация норм; конечный слог; ассимиляции; элизия.

V. M. Glushak, E. A. Kalashnikova

Glushak V. M., Professor, Department of German Language,
MGIMO-University (MSIIR); e-mail: glushakvm@mail.ru

Kalashnikova E. A., Ph. D., Associate Professor,
Department of German Phonetics, German Language Faculty, MSLU;
e-mail: elk99@mail.ru

THE MODERN TENDENCIES OF REALIZATION OF THE GERMAN [ə] IN THE WORDS ENDING *-en, -em, -er, -el*

In the article the two most authoritative dictionaries of the German pronunciation “Duden. Aussprachewörterbuch” and “Deutsches Aussprachewörterbuch” are compared with an aim to clear up the phonetic specifics of realization of the German [ə] in the words ending *-en, -em, -er, -el* and possibilities of codification of their norm.

Key words: pronouncing norm; codification of the norm; words ending; assimilation; elision.

Произносительная норма немецкого языка зафиксирована в трех основных словарях произношения: «Deutsche Hochsprache – Bühnenaussprache» Т. Зибса [8], «Duden. Aussprachewörterbuch» под редакцией М. Мангольда [3] и «Deutsches Aussprachewörterbuch» Э.-М. Крех, Э. Штока, У. Хиршфельд и Л. К. Андерса [4]. Известно, что Т. Зибс был

первым, кто кодифицировал немецкое произношение, взяв за основу произношение актеров в немецких театрах. Особенностью такого произношения являлась повышенная четкость произнесения отдельных слов, отсутствие ассимиляции и редукции звуков.

Изначально словарь «Duden. Aussprachewörterbuch» базировался на концепции, разработанной Т. Зибсом и подразумевавшей произношение актеров как единственно возможную норму [1]. Однако уже во втором издании составители словаря отходят от этой трактовки произносительной нормы и рассматривают произношение дикторов радио и телевидения как норму, применимую для всех ситуаций общения [2].

Отличительной особенностью словаря «Deutsches Aussprachewörterbuch» Э.-М. Крех, Э. Штока, У. Хиршфельд и Л. К. Андерса является тот факт, что он построен на основе собственных обширных эмпирических и социофонетических исследований. К анализу звучащей речи были привлечены 1600 экспертов-непрофессионалов из разных регионов Германии, разных возрастов и социальных групп. Эксперты должны были представить свои ожидания в реализации звучащей речи различных типов текста и дать оценку представленным образцам.

В дальнейшем мы проанализируем тенденции реализации немецкого [ə] в конечных слогах *-en*, *-em*, *-er*, *-el*, зафиксированные в последних изданиях «Duden. Aussprachewörterbuch» под редакцией М. Мангольда (далее – Duden) и «Deutsches Aussprachewörterbuch» Э.-М. Крех, Э. Штока, У. Хиршфельд и Л. К. Андерса (далее – DAWB).

Как в Duden, так и в DAWB отмечается, что [e] в конечном слоге *-er* произносится как слоговой [ɐ], например:

Meister [ˈmaɪstɐ] (Duden) – [mˈaɛstɐ] (DAWB).

Оба словаря едины также и в транскрипции конечных слогов с «e» после щелевых звуков, указывая, что в данной позиции происходит элизия звука *шва* и произносится слоговой [ɪ], например:

	<i>Duden</i>	<i>DAWB</i>
Rosen	[ˈroːzɪ]	[ʁˈoːzɪ]
waschen	[ˈvaʃɪ]	[vˈaʃɪ]

Реализация [ə] в окончаниях *-en*, *-em* и *-er* в немецком стандартном произношении определяется конечным звуком основы, к которой

прибавляется окончание. Как Duden, так и DAWB обозначает полную реализацию конечного слога *-en* после предшествующих гласных, дифтонгов, назальных, а также после *m, r, j*, например:

	<i>Duden</i>	<i>DAWB</i>
bauen	[¹ 'bauən]	[b ¹ ʌɤən]
verjüngen	[fɛɐ̯jʏnən]	[f ^ɤ 'jʏnən]
erbarmen	[ɛʁ ¹ 'barmən]	[ɛʁb ¹ ʌ ^ɤ mən]
boren	[¹ 'bo:rən]	[b ¹ o:ɤən]
artikulieren	[artiku ¹ lɪ:rən]	[a ^ɤ 'tikul ¹ :ɤən]

Следует отметить в этой связи, что в разговорной речи может происходить полная редукция гласного или даже отпадение целого слога [6, с. 70], например:

gehen [ge:n], kommen [kɔm:], kennen [ken:], singen [zɪn:], knallen [knaln].

Duden кодифицирует полную реализацию звука *шва* после сонорного. В данной позиции DAWB транскрибирует слова с элизией конечного [ə], например:

	<i>Duden</i>	<i>DAWB</i>
wählen	[¹ 'vɛ:lən]	[v ¹ 'ɛ:ln]
bellen	[¹ 'bɛlən]	[b ¹ 'ɛln]

Основные разногласия анализируемых словарей в кодификации произношения конечных слогов с «е» касаются позиций с предшествующими смычными согласными. Еще в словаре «Großes Wörterbuch der Deutschen Aussprache» (GWDA) 1982 года издания, в составлении которого принимали участие и соавторы DAWB Е.-М. Крех и У. Штётцер, отмечалось, что редуцированный [ə] после смычных согласных, как правило, не произносится, за исключением ситуаций, когда требуется замедлить темп речи, сделать акцент на определенном слове, что предполагает полную реализацию звука *шва* [7, с. 35]. Таким образом, GWDA кодифицирует два контекстозависимых варианта реализации конечного *-en*, причем формы с элизией стоят на первом месте, а реже проявляющиеся полные формы – на втором, например:

loben [¹'lo:bm̩] / [¹'lo:bən]
 Faden [¹'fa:dɪ] / [¹'fa:dən].

В отличие от GWDA в DAWB кодифицирован лишь вариант с элизией и слоговым [m̥], являющийся результатом ассимиляции по месту артикуляции звуков. В зависимости от места артикуляции предшествующего смычно-взрывного согласного при редукции конечного слога происходит ассимиляция, результатом которой являются:

- слоговой [m̥] после конечных корневых [b] и [p], например:
haben [h'a:bm̥], rauben [ʁ'aʊbm̥];
- слоговой [ŋ] после конечных корневых [g] и [k], например:
liegen [l'i:gŋ], drücken [dʁ'ʏkŋ];
- слоговой [ŋ] после конечных корневых [d] и [t], например:
treten [tʁ'ɛ:tŋ], wenden [v'ɛndŋ].

В Duden обнаруживаются разногласия в кодификации произношения конечных слогов с «е» в позиции с предшествующими смычными согласными. В предисловии к Duden указывается, что на месте слогового [ŋ] после смычных взрывных [p], [b], [k] и [g] чаще произносятся [pm̥], [bm̥], [kŋ] и [gŋ] [3, с. 38]. В словаре, тем не менее, представлены варианты со слоговым [ŋ]. В Duden слоговой [ŋ] возможен только после *d* и *t*, так как все три звука [d] [t] и [ŋ] образуются на альвеолах. Соответственно происходит ассимиляция по месту артикуляции. Как отмечалось выше, DAWB допускает в данной позиции нередуцированную реализацию окончания. Отмеченная в Duden кодификация слогового [ŋ] как результат ассимиляции *-en* после [b], [p], [g] и [k] представляется спорной, поскольку альвеолярный [ŋ] располагается достаточно далеко от двугубных [b], [p] и заднеязычных [g], [k], что делает невозможным ассимиляцию по месту артикуляции данных звуков. Стоит заметить, что при перестановке языка с губ или мягкого неба к конечному пункту произнесения [ŋ] – альвеолам – автоматически совершается полная реализация, т. е. со звуком *шва*. Геро Литц объясняет такую непоследовательность кодификации произношения конечных слогов с «е» в позиции с предшествующими смычными согласными в Duden уступками письменному языку, т. е. упрощениями, на которые пошли авторы словаря. В то же время Г. Литц предостерегает от чрезмерного упрощения фонетической транскрипции, особенно если кодифицируются заведомо невозможные варианты фонетической реализации звуков [5, с. 360].

В Duden [ə] сохраняется в конечном слоге *-em* после смычно-взрывных в отличие от слога *-en*, где он выпадает, а [ŋ] становится слоговым [ŋ̩]. DAWB в этой позиции указывает на произношение окончаний *-em* и *-en* как слогового [m̩], например:

	<i>Duden</i>	<i>DAWB</i>
Atem	[ˈa:təm]	[ˈa:t̩m̩]
Apen	[ˈa:p̩ŋ]	[ˈa:p̩m̩]
blödem	[ˈblø:dəm]	bestem [b'ɛst̩m̩]
feigem	[ˈfaigəm]	großem [gʁos̩m̩]

В рассматриваемых словарях имеются разногласия в обозначении произношения сочетания конечных слогов *-igen*. Duden не делает никаких исключений для этого случая, транскрибируя, например, *berichtigten* как [bə'riçtɪçn̩], хотя исходя из места артикуляции более правильным был бы ассимилированный вариант со слоговым носовым [ŋ̩] вместо [ŋ]. DAWB дает полную реализацию конечного слога *-en* [bə'riçtɪçən], несмотря на то, что в остальных случаях после [g] представляется вариант элизии звука *шва* со слоговым носовым [ŋ̩]. В словаре не приводится объяснение фонетических механизмов реализации данных сочетаний звуков, указывается лишь на связь морфологической принадлежности (суффикс *-igen*) с произносительными особенностями. Мы можем лишь предположить, что в скоплении окончаний, суффиксов или полусуффиксов как в *-igen*, а также *-iken* (как, например, в слове *Basiliken*) звук *шва* реализуется полностью, если ударение падает не ранее чем на третий от конца слог, так как при произнесении многосложных слов в силу ритмических тенденций говорящему не хватает артикуляционного напряжения для реализации ассимиляции. В словах с тремя слогами, два из которых являются окончаниями или суффиксами, *шва* выпадает только в первом заударном слоге, например: *rasenden* [ʁ'a:z̩ndən].

Еще одним исключением является диминутивный суффикс *-chen*, в котором не происходит ассимиляции и, соответственно, наблюдается полная реализация редуцированного [ə], которая может быть также обусловлена ритмической организацией слова, например: *Mädchen* [m'ɛ:tçən].

Кодификация произношения конечного *-el* обнаруживает некоторую непоследовательность в словаре *GWDA*, касающуюся фонетической реализации звука *шва* в позиции после смычно-взрывных. Отмечается, что после звонкого заднеязычного [g] в конечном слоге реализуется [ə], в то время как после глухого заднеязычного [k] *шва* выпадает, что приводит к образованию слогового [ɪ], например:

Prügel ['pɾy:ɡəl] (*GWDA*)

Deckel ['dekɪ] (*GWDA*)

Впрочем, эта необоснованная особенность фонетической реализации конечного *-el* была устранена позднее авторами *DAWB*. Как в *Duden*, так и в *DAWB* применяется единое правило для конечного слога *-el*, т. е. выпадение [ə] во всех позициях, кроме позиций после и перед гласными, а также после *r*.

В заключение можно отметить, что редукция конечного гласного и ассимиляция является продолжением общей тенденцией в истории развития немецкого языка, связанной с принципом языковой экономии и, как следствие, редукцией и элизией безударных гласных. Кроме того, авторы современных словарей кодифицируют ассимиляцию по месту образования согласных, в то время как в более ранних изданиях это фонетическое явление связывалось с фоностилистическими особенностями произношения и являлось характерным признаком спонтанной речи. В то же время сохранение реализации [ə] возможно в многосложных словах, если ударение падает не ранее чем на третий от конца слог, что можно объяснить существующими ритмическими тенденциями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. DUDEN-Aussprachewörterbuch. Bearb. von Mangold, M. und der Dudenredaktion. – Mannheim etc., 1962. – 827 S.
2. DUDEN-Aussprachewörterbuch. Bearb. von Mangold, M. und der Dudenredaktion. – Mannheim etc., 1974. – 791 S.
3. DUDEN-Aussprachewörterbuch (Der Duden, Band 6). 6., überarbeitete und aktualisierte Auflage. – Mannheim / Zürich, 2005. – 794 c.
4. *Krech E.-M., Stock E., Hirschfeld U., Anders A. Ch.* Deutsches Aussprachewörterbuch. – Berlin / New York, 2009. – 1076 S.
5. *Lietz G.* *GWDA vs. Duden-Aussprachewörterbuch.* Die IPA-Transkription im Phonetikunterricht // *Convivium. Germanistisches Jahrbuch Polen.* – Bonn, 2008. – S. 341–374.

6. *Meinhold G.* Deutsche Standardaussprache. Lautschwächungen und Formstufen (=Wissenschaftliche Beiträge der Friedrich-Schiller-Universität Jena). – Jena, 1973. – 145 S.
7. GWDA – Großes Wörterbuch der deutschen Aussprache / E.-M. Krech, U. Stötzer. – 1 Aufl. – Leipzig, 1982. – 599 S.
8. Siebs-Deutsche Hochsprache – Bühnenaussprache / Hg. de Boor, H. / Diels, P., 16. völlig neubearb. Aufl. – Berlin, 1957. – 353 S.

УДК 81'33

Н. И. Горожанина

докторант кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики
Института прикладной и математической лингвистики МГЛУ;
e-mail: nigorozhanina@yandex.ru

**ФОНЕТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОФОРМЛЕНИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ
И ИХ ВОСПРИЯТИЕ В РАМКАХ ПУБЛИЧНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ
(применительно к немецкому языку)**

В статье затрагиваются проблемы прикладной фонетики, публичного выступления; рассматриваются фонетические характеристики речи и их влияние на силу убеждения.

Ключевые слова: языкознание; фонетика; межкультурная коммуникация.

N. I. Gorozhanina

Post-doctoral Scholar, Department of Applied and Experimental Linguistics,
Institute of Applied and Mathematical Linguistics, MSLU;
e-mail: nigorozhanina@yandex.ru

**PHONETIC MEANS OF UTTERANCE BUILDING
AND THEIR PERCEPTION IN THE FRAMEWORK OF PUBLIC SPEECH
(applied to German)**

The paper deals with a problem in applied phonetics and public speech. The issues discussed are as follows: phonetic parameters of speech and their impact on the power of persuasion.

Key words: linguistics; phonetic; intercultural communication.

Взросший интерес к изучению влияния звучащей речи на поведение человека вызван в первую очередь изменением акцентов в процессе коммуникации [2, с. 13]. Всё чаще звучащая речь рассматривается не только, а порой и не столько как средство передачи информации, но и в большей степени как инструмент достижения поставленной цели. То, как говорит человек, подчас важнее, чем то, что он говорит.

Принимая во внимание то, что в процессе коммуникации большую часть информации человек получает на невербальном уровне и благодаря звуковым средствам (ритм речи, мелодические компоненты, темпоральные характеристики, тембр голоса и т. д.), значимым представляется исследование перцептивно-слуховых характеристик говорящего.

«Публичная речь, являясь, с одной стороны, социально и культурно обусловленной ритуализированной формой общения, регламентированной правилами и предписаниями многовековой риторической традиции, с другой стороны, это всегда новое и неповторимое риторическое событие» [3, с. 1]. Главная цель оратора – убедить слушающего.

Просодические характеристики как раз и приходят на помощь оратору. Они помогают не только реализовать замысел говорящего, но и эмоционально воздействовать на публику. Риторическая функция просодических единиц заключается в том, «что просодия реализует звучащий текст как законченное риторическое произведение и включает его в социально-культурный контекст» [там же, с. 13].

В настоящей статье представлен результат пилотного проекта, целью которого является определение универсальных, одинаково значимых для представителей различных культур, и специфических, характерных для представителей одного языкового пространства, просодических характеристик, выступающих базовыми при восприятии публичного выступления в рамках межкультурной коммуникации, на материале русского и немецкого языков.

Материалом для проведения эксперимента, базирующегося на авторской методике и оригинальных концептуальных разработках Р. К. Потаповой, послужили записи публичных выступлений общественных деятелей Германии второй половины XX в. Было проанализировано более десяти часов звучащего текста. Для анализа в рамках пилотного исследования были отобраны записи публичных выступлений К. Аденауера, В. Брандта, Р. Вайцекера и Г. Коля. Аудиторам не были известны имена ораторов.

В качестве аудиторов выступали студенты университета г. Лейпцига (Германия) и студенты МГППУ (г. Москва, Россия). Все аудиторы владеют знаниями по фонетике немецкого языка в рамках подготовки бакалавров по специальности «Немецкий язык как иностранный».

В ходе эксперимента аудиторам, носителям немецкого языка (далее – НН) (n=5) и носителям русского языка (далее – НР) (n=5), было предложено ответить на вопросы (10 вопросов) анкеты (автор Р. К. Потапова), затрагивающие фонетические характеристики говорящего.

Первый блок вопросов затрагивает *восприятие высоты тона голоса*. НР характеризуют высоту тона голоса преимущественно как низкий средний по всем ораторам, причем голоса В. Брандта и Р. Вайцекера

оцениваются как более низкие относительно высоты тона голоса К. Аденауера, оцениваемый как выше среднего (60 %) и высокий (40 %). Для НН наблюдается похожая картина, однако их оценка высоты тона голоса К. Аденауера не настолько отличается от высоты тона голоса остальных ораторов, лишь в 40 % случаев он отмечается как выше среднего. Подобная тенденция наблюдается и при описании высоты тона голоса Г. Коля. В остальных случаях тон голоса ораторов можно описать как низкий, имеющий тенденцию к среднему. Восприятие высоты тона голоса, являющейся объективной характеристикой говорящего, в меньшей степени зависит от языковой принадлежности аудитора.

И, напротив, при *восприятии диапазона изменения высоты голоса* (второй блок вопросов) наблюдаются большие расхождения. Так, НН характеризуют его как средний узкий у всех ораторов. НР слышат большее разнообразие в изменении высоты голоса. Особенно характерно это для выступления Г. Коля, при оценке изменения диапазона голоса которого нет единого мнения (широкий, средний, узкий, очень узкий). Больше всего совпадений со стороны НН и НР наблюдается при оценке выступления Р. Вайцекера.

Третий блок вопросов, затрагивающий *мелодический рисунок*, четко показывает языковое различие в восприятии речей ораторов. НР в 80–100 % характеризуют речь как плавную. НН также отмечают плавный характер речи, но связывают его с монотонностью выступления и с индивидуальной спецификой, что подчеркивает «непривычность» звучания. Скачкообразный рисунок (стаккато) единодушно подчеркивается НН и НР у К. Аденауера (80 % как НН, так и НР). Наибольшее разнообразие наблюдается при характеристике речи Г. Коля (плавный, скачкообразный, монотонный).

Восприятие темпа речи (четвертый блок вопросов) носит более универсальный характер и совпадает у НН с НР. Следует подчеркнуть, что темп речи ораторов также характеризуется одинаково и описывается как средний или даже замедленный в 80–100 % случаев. Эта характеристика может рассматриваться в качестве универсалии публичного выступления, поскольку сила воздействия звучащего текста напрямую зависит от темпа речи.

Наличие преимущественно средних и длинных пауз (от 60 % до 100 % по всем ораторам) (пятый блок вопросов) напрямую связа-

но с восприятием темпа речи. Полное отсутствие заполненных пауз также является характерной чертой публичного выступления.

Сила голоса (шестой блок вопросов) и ее варьирование отмечается у всех ораторов. Наибольшее варьирование отмечают в выступлении Р. Вайцекера как НН (80 %), так и НР (60 %). Но именно сила его голоса отмечается как средняя (НН – 80 %, НР – 60 %). Речь Г. Коля и К. Аденауера характеризуется по этому параметру как сильная (НН – 80 %, НР – 60 %). Восприятие речи относительно силы голоса носят, скорее, индивидуальный характер оратора и отражают ситуацию публичного выступления. Восприятие силы голоса в меньшей степени зависит от языковой принадлежности аудитора. Однако ее колебание может свидетельствовать об изменении эмоционального состояния говорящего, так, например, «в состоянии стресса наблюдается увеличение уровня интенсивности голоса» [1, с. 24]. Стабильность говорит об уверенности ораторов, их профессионализме.

Наибольшее разнообразие наблюдается при *восприятии окраски голоса* (седьмой блок вопросов), однако НН «компактнее» описывают тембр ораторов. Так, НН описывают голос Р. Вайцекера скорее как глухой, чем звонкий; чистый; певучий; мягкий (что соответствует, например, восприятию ими высоты голоса: скорее низкий; речь описывается как плавная). НР, характеризуя голос Р. Вайцекера, не пришли к единому мнению, встречается описание голоса как звонкого, так и глухого, бархатного, чистого, мягкого. НР находят его голос приятным в 100 % случаев, для НН голос Р. Вайцекера отмечается приятным в 60 % случаев, 20 % характеризуют его как неприятный.

Голос К. Аденауера практически единогласно описывается НН как звонкий (60%), мягкий (80 %). 60 % НР считают голос К. Аденауера резким. Трудности вызвала характеристика тембра голоса Г. Коля и В. Брандта как у НН, так и у НР. Аудиторы затруднились дать однозначную характеристику окраске голоса этих ораторов. Встречаются прямо противоположные характеристики, например: звонкий – глухой; мягкий – жесткий. Поскольку при восприятии «супraseгментный тембр голоса, который, в отличие от индивидуального тембра, является одним из средств смыслового выделения слов, а также выражения эмфазы и эмоционально-модальных оттенков» [2, с. 413–414] имеет языковые особенности, восприятие тембра в большей степени зависело от языковой принадлежности аудитора.

Различие в восприятии ударных и безударных слогов во фразе (восьмой блок вопросов анкеты) в большей степени отмечено языковой спецификой аудиторов. НН отмечают небольшую разницу, что соответствует ситуации (и соотносится с характеристикой речи как «монотонная»). НР чаще фиксируют большую разницу между ударными и безударными слогами (например, К. Аденауер – 80 %; В. Брандт – 60 %). В качестве средств различия между ударными и безударными слогами НН называют изменение громкости голоса (Г. Коля – 60 %, К. Аденауера – 100 %, В. Брандта – 80 %, Р. Вайцзекера – 80 %). В качестве вторичной характеристики называется изменение высоты тона голоса. Значительно реже (в 20 %) упоминаются изменения временных характеристик слогов. НР характеризуют изменение громкости голоса и высоты тона голоса как две равнозначные величины (60 % по всем ораторам).

Второй раздел восьмого блока вопросов анкеты, затрагивающий *характеристику речевого ритма*, четко показывает совпадение в восприятии ритмической организации речевого потока. Ритм характеризуется как четкий чеканный. Небольшое отклонение наблюдается при оценке НН речевого ритма К. Аденауера, 60 % характеризуют его как скандированный, что еще в большей мере подчеркивает его чеканный характер. Это позволяет предположить, что данный параметр носит универсальный характер для стиля публичного выступления.

Речевое дыхание (девятый вопрос анкеты) в большинстве случаев (60–80 %) является нормальным.

Артикуляция ораторов (десятый вопрос анкеты) описывается как НР, так и НН, как четкая в 80–100 %. НР подчеркивают очень четкую артикуляцию у Р. Вайцзекера (80 %) и в 40 % случаев менее четкую у Г. Коля.

Результаты, полученные в ходе перцептивного слухового анализа, позволили выявить следующие закономерности. Несмотря на то, что родной язык оказывает влияние на восприятие иноязычной звучащей речи, среди просодических характеристик были выявлены параметры, носящие универсальный характер. К ним относятся четкость артикуляции, ровное речевое дыхание, чеканность ритма, отсутствие заполненных пауз, «уверенная» сила голоса. Именно эти параметры характеризуют стиль публичного выступления.

Языковая принадлежность аудиторов наиболее четко прослеживалась при характеристике мелодического рисунка, несмотря на то, что как НН, так и НР охарактеризовали его как плавный, для носителей НН он был связан с параметром «монотонный».

Следующим параметром, при характеристике которого наблюдалось языковое различие аудиторов, является описание характеристик различия ударных и безударных слогов во фразе. Для НН ведущим было изменение высоты тона голоса, а изменение громкости голоса ранжировалось как второй по значимости параметр. При маркировке «ударный–безударный» в процессе восприятия немецкой речи НР оба эти параметра были равнозначными.

При описании тембра носителями немецкого языка наблюдалось больше единства, «компактности» описания.

Таким образом, можно констатировать, что при восприятии публичного выступления в рамках межкультурных контактов наблюдаются как универсальные, так и специфические особенности. Четко выделяются параметры, характеризующие стиль публичного выступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Потапова Р. К., Потапов В. В.* Язык, речь, личность. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 496 с.
2. *Потапова Р. К., Потапов В. В.* Речевая коммуникация: От звука к высказыванию. – М. : Языки славянской культуры, 2012. – 464 с.
3. *Фрейдина Е. Л.* Риторическая функция просодии (на материале британской академической публичной речи) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2005. – 33 с.

УДК 81.42

А. И. Горожанов

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка МГЛУ;
e-mail: gorozhanov@linguanet.ru

КОМПОНЕНТ УЗЛА ОБУЧАЮЩЕЙ ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ РАБОТЫ С ЗАДАНИЯМИ ОТКРЫТОГО ТИПА НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются два варианта компонентов узла обучающей виртуальной среды для работы с заданиями открытого типа при изучении иностранного языка; в качестве готового решения приводится элемент курса LMS Moodle «задание», а в качестве авторского – программный модуль для веб-приложений на фреймворке web2py; перечисляются особенности обоих вариантов решения; формулируются условия для успешного внедрения первого и второго компонентов в процесс обучения.

Ключевые слова: компонент узла виртуальной обучающей среды; задания открытого типа; изучение иностранного языка; LMS Moodle; фреймворк web2py.

A. I. Gorozhanov

Ph.D., Associate Professor, Grammar and History of German Department, the Faculty of German, MSLU; e-mail: gorozhanov@linguanet.ru

THE COMPONENT OF A VIRTUAL LEARNING ENVIRONMENT NODE FOR USING OPEN TYPE TASKS IN FOREIGN LANGUAGE ACQUISITION PROCESS

The article touches upon two variants of components of a virtual learning environment node for using open type tasks in foreign language acquisition process. As a ready-to-deploy solution the author gives the LMS Moodle module «Assignment», and then he describes his own web2py based piece of software. The main features of both solutions are being listed. The requirements for the foreign language teacher are formulated to be successful in using the named components in foreign language acquisition process.

Key words: component of a virtual learning environment node; open type tasks; foreign language acquisition; LMS Moodle; framework web2py.

Работа с заданиями открытого типа представляет наибольшую сложность при внедрении электронных учебных материалов, частным случаем которых являются узлы обучающей виртуальной среды (далее – ОВС) для изучения иностранного языка. Узел как основной структурный элемент ОВС может состоять из компонентов или

модулей, которые представляют собой относительно самостоятельные блоки программного кода.

В отличие от закрытых заданий, проверка которых может осуществляться автоматически, задания открытого типа всегда предусматривают проверку человеком – преподавателем или другим студентом. Таким образом, компонент узла ОВС для работы с этим типом заданий выступает посредником между обучающимся и проверяющим, связующим звеном, обеспечивающим их коммуникацию в рамках поставленной учебной задачи.

Рассмотрим распространенный вариант готового решения в рамках LMS Moodle. Речь идет об элементе курса «задание» (англ. assignment) [2]. Ввиду массового распространения LMS Moodle (более 67 тыс. инсталляций в 222 странах мира [3]) мы будем считать элемент курса «задание» типовым решением.

В рамках задания студент готовит письменный текст и вводит его непосредственно в текстовую область или прикрепляет в виде отдельного файла (возможно сочетание обоих вариантов). Затем результат сохраняется в базе данных. Преподаватель может настроить некоторые формальные требования к тексту: максимальное количество слов при непосредственном вводе или максимальный размер и количество прикрепляемых файлов. При этом минимальные границы никак не устанавливаются.

На наш взгляд, применительно к обучению иностранному языку следует отдать предпочтение непосредственному вводу текста. Во-первых, это позволяет использовать ограничение по количеству слов. Во-вторых, обучающемуся не приходится пользоваться сторонним программным обеспечением (текстовым редактором или процессором), что осложнило бы работу на мобильных устройствах. В-третьих, проверяющий также сможет просмотреть поданные работы в системе, не прибегая к сторонним приложениям.

Важно, что преподаватель может редактировать текст, в частности – выделить его фрагменты **полужирным** или **зачеркиванием**. При дополнительных настройках можно добавить возможность выделения цветом. Для этого нужно перейти в настройки редактора: *Administration > Site administration > Plugins > Text editors > Atto HTML editor > Atto toolbar settings*. Затем в текстовое поле «Toolbar config» добавить две строки: «fontcolor = fontcolor» и «backcolor = backcolor» [4] (см. рис. 1).

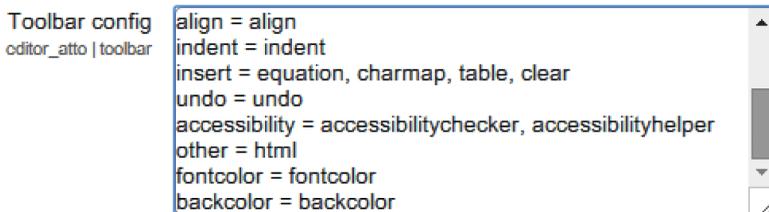

Рис. 1. Текстовое поле «Toolbar config»

После сохранения изменений во встроенном редакторе LMS Moodle появятся кнопки изменения цвета шрифта и цвета фона шрифта. Со временем преподаватель может составить свои правила разметки, например, красный – исправить, зеленый – особенно удачный вариант, желтый – переформулировать и пр.

После проверки обучающийся может внести исправления и подать работу снова и т. д. В итоге преподаватель может выставить оценку за задание и закрыть доступ к ее редактированию, чтобы гарантированно сохранить корректный вариант текста.

Безусловно, элемент «задание» является очень удобным и эффективным техническим инструментом, который можно рассматривать как компонент узла ОВС, если при этом считать узлом ОВС курс LMS Moodle. К достоинствам такого компонента можно отнести возможность встраивания в курс LMS Moodle в виде отдельного модуля, что автоматически позволяет использовать все сильные стороны систем управления обучением, заключающиеся в ограничении доступа по времени, формировании рейтинга, возможности быстрого обмена сообщениями и многое другое.

Однако нельзя не отметить и некоторые неудобства при работе с заданием. Например, ограничение по количеству слов относится также и к интерфейсу проверяющего, что мешает ему вставить свой комментарий непосредственно в текст студента (под интерфейсом проверяющего мы понимаем веб-страницу, на которой проверяющий работает с текстом студента как преподаватель). Это неудобство частично компенсировано тем, что преподаватель может оставить комментарий к тексту отдельно, но если студент работает через смартфон, то одновременное чтение текста работы и комментария может быть затруднительным. При правке заданий новая версия полностью замещает предыдущую, хотя для анализа типичных ошибок и скорости их

исправления преподавателю было бы удобно иметь все версии каждого текста.

Рассмотрим авторское решение проблемы. Оно представляет собой программный модуль, который можно интегрировать в веб-приложения, разработанные на фреймворке web2py. В реалиях web2py компонент узла представлен тремя составляющими: функцией Python, связанной с этой функцией веб-страницей и соответствующими полями базы данных. Поля базы данных предоставляют информацию для статистики о работе пользователей в веб-приложении.

Компонент рассматривается нами как часть узла ОВС, представляющего собой электронное учебное пособие. Пользователь уровня *студент* выполняет письменные задания, которые могут иметь ограничение по объему в пределах установленного преподавателем диапазона. Кроме того, могут быть заданы единицы вокабуляра, которые обязательно должны быть употреблены в генерируемом тексте (подробнее о возможностях проверки содержимого текста см. статью «Метод трехступенчатой автоматизированной проверки текста при обучении письменной речи на иностранном языке» [1]).

Оценка за выполнение задания выставляется не в виде балла, а в виде одобрения работы, т. е. текст может быть либо одобрен, либо нет. После одобрения пользователем уровня *преподаватель* студент не может больше осуществлять правку текста. В отличие от приведенного нами примера, здесь ограничение по количеству символов действует только для интерфейса студента. Преподаватель может добавлять пояснения любой длины непосредственно в текстовое поле. Как для студента, так и для преподавателя доступны некоторые редакторские функции. Текст можно сделать полужирным (кнопкой или сочетанием клавиш «Ctrl + b»), наклонным (кнопкой или сочетанием клавиш «Ctrl + i»), подчеркнутым (кнопкой или сочетанием клавиш «Ctrl + u»), выделить красным или зеленым цветом. Для улучшения восприятия при покраске красным и зеленым текст также становится полужирным (см. рис. 2).

Поскольку для студента важно следить за количеством символов, в его интерфейсе предусмотрен вывод числа знаков в составляемом тексте (включая пробелы, но не считая переносы строк), причем цвет числа меняется с черного на зеленый при нахождении в заданном диапазоне (см. рис. 3).

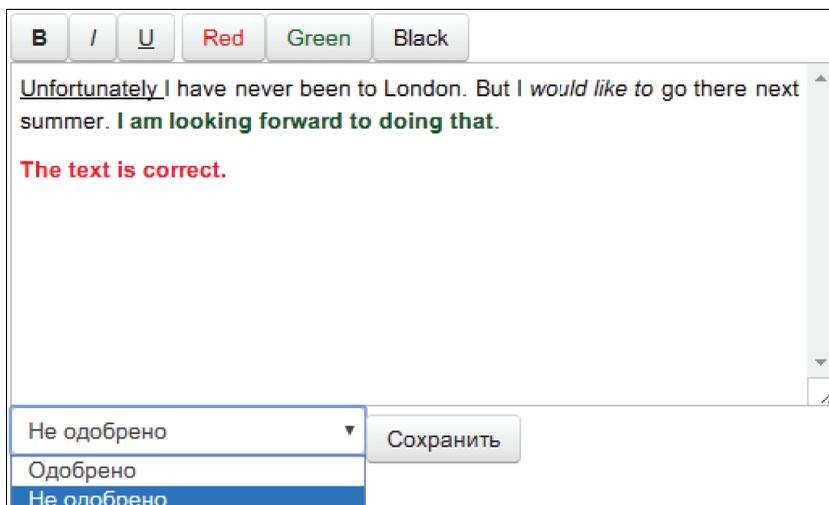

Рис. 2. Вид текстового поля из интерфейса преподавателя

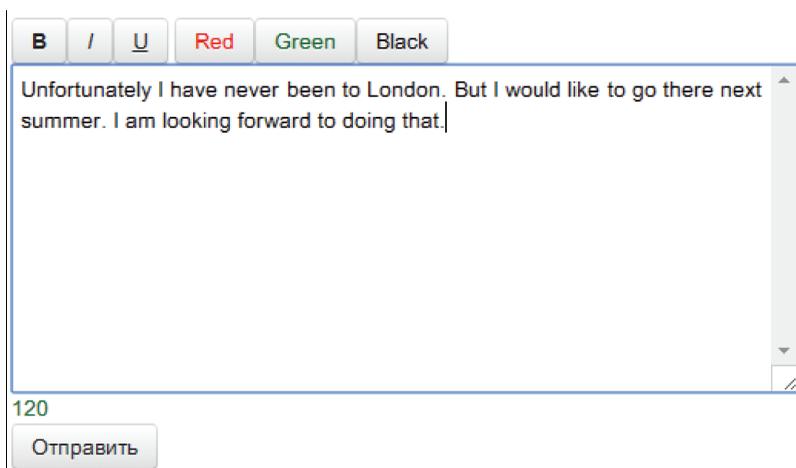

Рис. 3. Вид текстового поля из интерфейса студента

Все версии, отправленные из интерфейса студента, сохраняются в базе данных. Благодаря этому на веб-странице статистики можно увидеть все версии определенного задания определенного обучающегося, что является хорошим инструментом для общего анализа проделанной работы. С помощью такого анализа преподаватель может

корректировать задания для следующих учебных групп, расширяя особо проблемные пункты дополнительным материалом.

Сформулируем основные отличия авторского компонента от готового решения в LMS Moodle:

- оно интегрируется в веб-приложения на web2py;
- при написании текста в интерфейсе студента считаются символы, включая пробелы, а не слова, причем для преподавателя ограничение по количеству символов не имеет силы, чтобы вставлять в текст комментарии любого объема;
- в нем предусмотрен механизм проверки текста на наличие определенных лексических единиц;
- все версии правок студента сохраняются в базе данных для последующего анализа преподавателем, вместе с самим текстом сохраняется также и время создания версии;
- вместо выставления балла предусмотрено только одобрение работы преподавателем (аналог оценки «зачтено»).

Остальные отличия могут возникать из характера обработки и представления содержимого базы данных на уровне всего веб-приложения и выходят за рамки рассмотрения описываемого здесь компонента узла.

В заключение отметим, что оба приведенных решения могут успешно использоваться в качестве компонентов узлов ОВС для работы с заданиями открытого типа на иностранном языке. Типичным заданием такого рода является составление текста по заданным критериям. Очень часто одним из критериев является объем текста, который легко устанавливается программно. Более сложным является проверка содержания, что пока еще лучше доверить опытному преподавателю. Так, например, при работе с фонетическими заданиями, одним из которых может быть транскрибирование прослушанного текста, автоматически могут быть проверены наличие тех или иных знаков транскрипции и их общее количество, однако правильность выполнения задания в целом должна устанавливаться исключительно преподавателем.

Работа с элементом курса LMS Moodle «задание» избавляет преподавателя от работы с программным кодом, однако вместе с тем ограничивает его возможности. Напротив, интеграция авторского компонента в веб-приложение на web2py требует навыка работы с фреймворком и умения программировать на Python, но при этом

позволяет индивидуализировать электронные учебные материалы. Как бы то ни было, положительным, по нашему мнению, является уже само наличие выбора между первым и вторым вариантом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Горожанов А. И.* Метод трехступенчатой автоматизированной проверки текста при обучении письменной речи на иностранном языке // Современная наука: тенденции развития : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. 26 ноября 2014 г. ; в 2 т. – Краснодар : НИЦ Априори, 2014. – Т. I. – С. 54–57 (Доступ к полному тексту через URL: https://www.academia.edu/22472569/МЕТОД_ТРЕХСТУПЕНЧАТОЙ_АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ_ПРОВЕРКИ_ТЕКСТА_ПРИ_ОБУЧЕНИИ_ПИСЬМЕННОЙ_РЕЧИ_НА_ИНОСТРАННОМ_ЯЗЫКЕ)
2. Assignment module / Moodle Docs. – URL : https://docs.moodle.org/28/en/Assignment_module (дата обращения: 25.02.2016).
3. Moodle Statistics. – URL : <https://moodle.net/stats> (дата обращения: 25.02.2016).
4. Text editor / Moodle Docs. – URL : https://docs.moodle.org/28/en/Text_editor (дата обращения: 26.02.2016)

УДК 81'34

Е. И. Григорьев, С. В. Евтеев

Григорьев Е. И., профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка МГИМО (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; e-mail: ev_grig@mail.ru

Евтеев С. В., доцент, кандидат филологических наук, профессор кафедры немецкого языка МГИМО (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; начальник Управления языковой подготовки и Болонского процесса МГИМО; e-mail: sergevt@inbox.ru

**ФАКТОР ИНТОНАЦИИ
В ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПТОВ РЕЧЕВЫХ АКТОВ**

В статье обсуждаются вопросы восприятия и концептуализации иллокутивных актов в процессе непосредственного речевого общения. Речевой акт следует рассматривать как концепт речевого действия / поведения в конкретной ситуации. Формируются он как на уровне лексики, так и с участием интонационных компонентов речи. Задача когнитивной лингвистики заключается в изучении условий формирования в сознании слушающего конкретного иллокутивного образа, что совершенно необходимо для установления свободной от недоразумений коммуникации между партнерами. Иллокутивные образы формируются в устном дискурсе при активном участии интонационных средств языка.

Ключевые слова: речевая интонация; концепт; тональное и динамическое варьирование; уровни тона и громкости.

E. I. Grigorev, S. V. Evteev

Grigorev E. I., Advanced Doctor (Philology), Professor at the German Department of Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; e-mail: ev_grig@mail.ru

Evteev S. V., Ph. D., Associate Professor, Professor at the German Department of Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Director of Language Training and Bologna Process Administration at MGIMO (University); e-mail: sergevt@inbox.ru

**THE INTONATION FACTOR
IN FORMING OF SPEECH ACTS CONCEPTS**

In the focus of the article are the questions of perception and conceptualization of illocutive acts in the process of direct speech communication. Speech act should

be considered as the concept of speech action / behavior in a concrete situation. It is formed on the lexical level as well as with intonation components of speech as part of it. Cognitive linguistics is aimed at studying the conditions under which a concrete illocutive act is formed in the consciousness of a person, which is absolutely necessary to establish communication between the communicants free from any misunderstanding. Illocutive images are formed in oral discourse with an active participation of intonation means of the language.

Key words: speech intonation; concept; tone and dynamic variation; levels of tone and loudness.

Прагматика и когнитивистика являются активно развивающимися направлениями современного языкознания. Прагматика исследует системные единицы языка, которые используются интерактантами в виде речевых актов (далее – РА) для достижения коммуникативного эффекта.

Задача когнитивной лингвистики заключается в изучении условий формирования в сознании слушающего конкретного иллокутивного образа, что совершенно необходимо для установления свободной от недоразумений коммуникации между партнерами. Эти иллокутивные образы формируются в устном дискурсе при активном участии интонационных средств языка.

Цель статьи имеет – анализ процесса концептуализации речевых актов при участии интонационных компонентов устного высказывания.

Процесс концептуализации объектов окружающего нас мира является одним из ключевых векторов исследований когнитивной лингвистики. В период развития указанного направления появилось достаточно большое количество определений понятия «концепт» [1; 4; 5; 8; 10; 12–15; 17]. Специфика всех дефиниций заключается в том, что все они в той или иной мере отражают сущность содержания термина, а их многообразие может объясняться сферой научных интересов их авторов.

В понимании специалистов отечественного языкознания концепт представляется и как «оперативная единица памяти, ментального лексикона» (Е. С. Кубрякова), и «интерпретация объективного значения и понятия» (Д. С. Лихачев), и «фрагмент жизненного опыта человека» (В. И. Карасик) и, наконец, «этнокультурная идея предмета» (С. Г. Воркачев, В. В. Красных).

В дефиниции зарубежных авторов, таких как Р. Джекендофф, концепт – это ментальная репрезентация, которая может служить значением языкового выражения [22].

Как видно из процитированных подходов к пониманию данного термина, при исследовании концептов языковед исходит из характера поставленных задач. Не углубляясь в полемику относительно достоинств того или иного определения, следует остановиться на одном из них, чтобы обосновать базу настоящего исследования. Под термином «концепт» понимается «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [19].

Кратко формулируя, концепт – это мыслительная содержательная единица, дающая представление о мире.

Концептуализация объектов связывается, прежде всего, с лексическим уровнем языка: в языкознании разработана достаточно подробная типология концептов окружающего нас мира. Однако на уровне межличностной коммуникации функционируют когнитивные процессы, объединяющие отдельные лексически формируемые концепты в более сложные структуры. Поэтому в сферу концептуального анализа сегодня вовлекаются единицы более высокого порядка, чем слово – это словосочетания и предложения. В устном высказывании в процессе концептуализации активно участвует также интонация речи. Концептуальное пространство речевых действий формируется исключительно на чувственном уровне. Первой ступенью концептуализации является звуковое *восприятие* языковой конструкции. В концептуальном пространстве интонации выделяются следующие субпространства: тональное, включающее все регистры речевой фонации, независимо от гендерного фактора; динамическое, отражающее воспринимаемые диапазоны громкости человеческой речи; темпоральное, дающее ориентацию в скорости фонации; тембральное, указывающее на отношение говорящего к предмету речи и позволяющее соотносить речевое произведение с конкретным видом действия. Все четыре пространства присутствуют в коммуникации синхронно, формируя соответствующий иллокутивный акт. Слушающий фиксирует изменение тона, громкости, протяжности высказывания и, наряду

с этим, отмечает качество звучания. В одних случаях изменения могут носить плавный характер, в других – резкий, высказывание может быть одобрительным или порицательным. Эта сторона звучания относится к тембру речи.

До сих пор нет четкого ответа, какие когнитивные процессы лежат в основе смысловой обработки устного высказывания. Возникновение и развитие когнитивной лингвистики дает надежду на эффективный анализ процессов переработки и понимания звуковой информации с применением новых знаний.

А. А. Леонтьев полагает, что восприятие представляет собой «процесс отражения в сознании человека внешних признаков предметов и явлений, процесс, совершающийся при помощи органов чувств и завершающийся созданием образа воспринимаемого предмета, и оперирование этим образом» [20].

На слух воспринятый объект переживает стадию анализа и понимания. В действие вступают когнитивные механизмы обработки информации. В первую очередь происходит сличение поступившего звукового образа с иным образом, имеющимся в концептуальном пространстве слушающего, и определение его значения. Если проследить ход мыслительной деятельности человека при восприятии устного высказывания, то его можно представить как целостный динамический акт симультанно протекающих действий. Схематично данный процесс выглядит следующим образом.

- Аудитивно человек определенным образом воспринимает ритмизированный акустический поток, который периодически меняет высоту, силу, протяжность и окраску звучания.
- Концептуальная система лексического уровня на основании распознавания фонем вычленяет концепты разного содержания, в результате чего воспринимается объект коммуникации, т. е. предмет речи.
- Концептуальная система синтаксиса отражает связи слов, их функцию в рамках высказывания.
- Концептуальная система оценки ситуации общения анализирует экстралингвистические факторы протекания процесса коммуникации. Всякий устный дискурс реализуется в конкретной ситуации и при наличии свойственных только ей экстралингвистических условий, что отражается на выборе языковых средств. Поэтому экстралингвистическую ситуацию следует

рассматривать как объект анализа реальной концептуализации понятий, проявляемых в речи.

На следующем этапе действует когнитивный процесс, связывающий две концептуальные системы: происходит сличение ситуации, функциональной нагруженности слов и характера интонационной манифестации высказывания.

Складывающиеся ситуации можно воспринимать в терминах: «благоприятная», «напряженная», «тревожная», «спокойная» и др. В сходных терминах можно обозначить характер интонационной манифестации: «спокойно», «сердито», «вежливо», «радостно», «настойчиво», «недовольно» и т. д. Воспринимаемый звуковой поток определяется слушающим как благозвучный либо неблагозвучный, что сразу же позволяет оценивать его в качестве благоприятного либо, напротив, тревожного или даже угрожающего речевого акта. Далее следует категоризация типа высказывания и его интерпретация слушающим в данной ситуации. В качестве весьма важного фактора интонация речи выступает в порождении и разграничении многообразия речевых актов однонаправленного действия, например иллокутивов побудительного свойства. Интонационная структура позволяет концептуализовать их как сходные по побуждаемому воздействию, но различные по характеру осуществления действия. Один и тот же лексико-грамматический корпус может быть и просьбой, и приказанием, и мольбой, и угрозой. Подобно фонемным противопоставлениям, изменяющим восприятие лексически репрезентируемых концептов, следует признать наличие в языковой системе интонационно-контурных противопоставлений, формирующих концепты прагматически релевантных речевых актов в процессе коммуникации. В дискурсе речевые акты выстраиваются по функциональной значимости в определенной иерархической последовательности. Среди них выделяются основные и поддерживающие.

Каждое научное направление ищет свои критерии и аргументы в пользу целесообразности установления некоторого рабочего перечня иллокутивных актов, только так возможно наиболее полное описание свойств конкретного языка. Выявление категорий речевого акта дает основание типологизировать речевые акты с учетом этих характеристик. Чем шире категоризация речевых актов, тем более дробной должна быть их типология.

Основываясь на целевой направленности и интонационной манифестации речевых актов, в системе немецкого языка были экспериментально выявлены 16 рядов иллокуций, каждый из которых манифестируется на звуковом уровне конкретными признаками, что дает возможность говорящему неограниченно воспроизводить их, получая при этом планируемый эффект, а слушающему – идентифицировать названные признаки и соответственно этому реагировать на них [2; 3; 6; 9].

Как очевидно из фактов речевой действительности, различия между языками кроются не только на уровне лексических, грамматических и фонетико-сегментных, но также на уровне интонационных явлений, непосредственно связанных с формированием иллокуций. Дифференциальными служат тональные, динамические и темпоральные признаки, а более конкретно – их количественные показатели. В ходе экспериментов были установлены пять тональных и пять динамических уровней при различении иллокутивов, которые по-разному коррелируют в однонаправленных речевых актах. Для установления интонационных характеристик были определены семь зон замеров в соответствии с сегментацией высказываний, предложенной в работах О. Фон Эссена [20].

Пятишкальное тональное и динамическое варьирование относится в первую очередь к началу, середине (главноударный слог) и завершению высказывания и далее захватывает внутренние сегменты фразы (четыре точки). Детальный подсчет признаковых показателей указывает на то, что только по частоте основного тона их насчитывается 35 (семь точек замеров, помноженных на пять высотных уровней). Столько же дифференциальных признаков отмечается по показателю интенсивности. Если же учитывать отдельно и темпоральные признаки, то общее количество дифференциальных признаков может достигать 105. Значимым считается расхождение хотя бы на один из пяти уровней. Конечно, различие иллокутивов только по одному параметру едва ли будет отмечено на воспринимаемом уровне. Для уверенного распознавания типа иллокутива необходим набор множества признаковых характеристик. Чем их больше, тем меньше имеется сомнений при его идентификации слушающим. При этом каждый речевой акт обнаруживает характерный для него интонационный контур. С точки зрения распознаваемости интонационные контуры можно разделить

на контуры типа А и контуры типа Б. Контуры типа А имеют максимальное количество акустических признаков идентификации и распознаются без затруднений. В случае восприятия интонационного контура типа Б имеется достаточное количество признаков, совпадающих с характеристиками сходных по целевой направленности речевых актов (например, истинная – неистинная оценка события, мольба и императивное требование при идентичном вербальном корпусе). В этом случае распознавание типа иллюкутива затрудняется.

Помимо основных параметров мелодики, интенсивности и времени, к релевантным факторам следует отнести также качественные характеристики тона, выражающие соответствующую модальность и дающие основание типологизировать иллюкутивы по классам.

Таким образом, в системе интонации речевых актов выделяются четыре основных типа тональной манифестации, противопоставленных по характеру мелодических изменений, интервалам скорости и крутизне подъемов и падений тона: директивно-доминирующий, дружественно-коллегиальный, немаркированный и тон неискреннего суждения. Директивно-доминирующий тонотип маркирует речевые акты авторитарного свойства, накладывающие определенные обязанности: приказания, угрозы, негативные оценки и т.д. Дружественно-коллегиальный тонотип представляет речевые акты позитивной модальности: положительная оценка факта, дружеский совет, добрые пожелания. Немаркированный тонотип представляет иллюкутивы нейтрального свойства: изложения события / факта, вопросы и др. Тон неискреннего суждения формирует речевые акты очевидного неистинного характера: юмор, сатира, шутка.

На первый взгляд, тип тональной манифестации является отражением эмоционального состояния говорящего, что в определенной степени ставит под вопрос лингвистическую сущность данного понятия. Но, как показывают наблюдения, в эмоциональности интонационного средства можно выделить два уровня обозначения: коммуникативно-необходимый и избыточный. Если первый связан с выражением типа иллюкутивного акта (ср.: дружеская просьба / угрожающее принуждение совершить некое действие), то избыточность эмоционального выражения сообщает о психическом состоянии говорящего, и в этом случае факт может быть с полным правом вынесен за пределы лингвистического описания, как относящийся к компетенции психологии.

В исследовательских работах по теории интонации имеются точки зрения, связанные с адекватностью понятий эмотивной и модальной функций, выражаемыми интонационными средствами, и это уже придает интонации статус лингвистической категории. Обозначенные аспекты получили достаточно полное освещение в работах Т. Королевой [11] и Э. Нушикян [16].

Перечисленные тонотипы относятся к активным маркерам РА и объединяют по нескольку иллокутивов.

Директивно-доминирующий тип тонального выражения отмечен такими особенностями, как более низкое значение ЧОТ иллокутивов относительно среднедикторского показателя; достаточно частая дискретность тона выделенными слогами, а отсюда четкая и частая ритмика; относительно большая крутизна подъемов и падения тона на участках его изменения; более константная корреляция изменения тона и интенсивности; приближенность тональных контуров манифестации речевых актов к нормативно закрепленным коммуникативным образцам.

Немаркированный тональный тип формируется преимущественно такими факторами, как мелодическая растянутость, минимальный диапазон тональных изменений, слабая тональная выделенность ударных слогов, незначительно выраженная крутизна тональных перепадов. Средний уровень ЧОТ синхронизирует полностью с усредненным дикторским значением признака.

Дружественно-коллегиальный тональный тип находится в положении оппозиции к директивно-доминирующему типу и обладает следующими основными признаками: средний уровень ЧОТ данных речевых актов расположен выше среднего дикторского значения, относительно частая дискретность тона проминантными вершинами, широкий диапазон тона, большое количество тональных преломлений с восходящим направлением движения ЧОТ и невысокой крутизной его изменения. Максимальное значение интенсивности в равной степени коррелирует с крайними значениями ЧОТ – с максимальным и минимальным.

Наконец, четвертый тип – тон речевых актов ложного суждения – включает иллокутивы, образованные диссонансным сочетанием лексики и интонационной аранжировки. Следует, однако, заметить, что интонационная структура иллокутивных актов данной группы иногда

специально не маркируется, так как конкретизатором речевого действия является речевая ситуация, и в этом случае интонация получает факультативный статус. Там же, где интонация выступает в роли маркера неистинного суждения, максимальный выраженный репрезентант иллокутивного акта имеет, как правило, следующие параметры: большой или выше среднего диапазон тона, мелодическая растянутость ритмических тактов, плавное изменение тональных переходов преимущественно с верхних тональных регистров на нижние, соответственно, с малым углом падения тона (реже подъема).

Итак, всякий речевой акт является коммуникативным концептом. Лексическая структура такого концепта представляет содержательный компонент. Реальный концепт речевого акта формируется говорящим интонационными средствами. Оценка факта может быть искренней и ложной. Побуждения к действию могут реализовываться как просьба либо как императивное требование, что указывает на характер взаимоотношения между говорящими субъектами. Различия между речевыми актами обнаруживаются на уровне дифференциальных признаков тона, громкости, длительности и тембра звучания, которые маркируют конкретные иллокутивы. Выявленные в ходе экспериментов речевые акты дают возможность провести типологию устных дискурсов, проанализировать характер построения диалога между интрактантами и делать суждение о возможном исходе общения.

Результаты могут быть значимыми для экспертизы общения политических лидеров, а также других подобных исследований звучащей речи. Безусловно, полученный материал можно использовать в практике формирования искусства риторики ораторов на родном языке и, естественно, в преподавании немецкого языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Базылев В. Н.* Сублогический анализ языка: перспективы исследовательской парадигмы // Текст, дискурс, когниция : коллективная монография. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2010. – С. 76–104.
2. *Беленикина Л. Н.* Фоностилистическая вариативность просодических характеристик иллокутивных актов сентенциативного типа : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 169 с.
3. *Бурашникова О. Е.* Просодические характеристики истинных и неистинных оценочных иллокутивов (экспериментально-фонетическое

- исследование на материале современного немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 24 с.
4. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. – М. : Ин-т русс. яз. им. А. С. Пушкина, 1999. – 84 с.
 5. *Воркачев С. Г.* Лингвокультурный концепт: типология и области бытования : монография. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. – 400 с.
 6. *Глушак В. М.* Лингвопрагматический аспект речевого поведения коммуникантов в ситуациях повседневного общения (на материале немецкого языка) : дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2010. – 430 с.
 7. *Ершова Н. Б.* Вариативность просодических характеристик иллокутивных актов (само)оправдания : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 238 с.
 8. *Залевская А. А.* Концепт как достояние индивида // Слово. Текст. Избранные труды. – М., 2005. – С. 234–244.
 9. *Карандеева Л. Г.* Ситуативно обусловленная вариативность фонетических характеристик директивных иллокутивных актов : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 201 с.
 10. *Карасик В. И.* Языковая матрица культуры. – М. : ГНОЗИС, 2013. – 319 с.
 11. *Королева Т. М.* Интонация модальности в звучащей речи. – Киев–Одесса : Вища школа, 1989. – 146 с.
 12. *Красных В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.
 13. *Кубрякова Е. С.* Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // В поисках сущности языка. Когнитивные исследования. – М. : Знак, 2012. – С. 16–17.
 14. *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Изв. РАН – СЛЯ. – 1993. – № 1. – С. 3–9.
 15. *Попова З. Д.* Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики // Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки. – 1996. – № 2. – С. 64–68.
 16. *Нушикян Э. А.* Типология интонации эмоциональной речи. – Киев–Одесса : Вища шк., 1986. – 159 с.
 17. *Степанов Ю. С.* Понятие «концепт», «антиконцепт». Векторные явления в семантике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : сб. научн. тр. – М.–Калуга : Эйдос, 2007. – С. 19–26.
 18. *Стернин И. А.* Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 65–69.
 19. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика. – М. : АСТ : Восток–Запад, 2010. – 314 с.
 20. *Леонтьев А. А.* Эвристический принцип в восприятии, порождении и усвоении речи // Вопросы психологии. – 1974. – № 5. – С. 53–63.

21. *Essen O. von.* Grundzüge der hochdeutschen Satzintonation. – Ratingen : Henn, 1964. – 112 S.
22. *Jackendoff R.* Languages of the Mind. Essays on Mental Representation. – Cambridge, Massachusetts, London : The MIT Press, 1995. – 216 p.

УДК 81'34

М. А. Демина

кандидат филологических наук,
доцент кафедры фонетики английского языка
факультета английского языка МГЛУ;
e-mail: malvinademina@rambler.ru

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ИНТОНАЦИОННЫХ ЕДИНИЦ В КОНЦЕПЦИИ БРИТАНСКОЙ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Исследование звучащей стороны речи сквозь призму прагматики представляется важным не только для выяснения механизма семантизации высказывания, но и в аспекте обучения правильному владению приемами речевого воздействия. Без выразительного интонационного оформления языковые средства (лексические, грамматические, стилистические) теряются в потоке информации, не доходят до слушателя и, соответственно, не оказывают должного воздействия на аудиторию. В статье рассматриваются основные подходы к описанию интонационной системы английского языка авторов британской фонетической школы, а также основные средства прагматического воздействия на фонетическом уровне.

Ключевые слова: фонопрагматика; интенция; мелодический контур; контурное направление; прагматическое воздействие; локутивная стадия речевого акта; иллокутивная сила; перлокутивный эффект.

М. А. Demina

Ph.D., Associate Professor, Department of English Phonetics,
Faculty of the English Language, MSLU;
e-mail: malvinademina@rambler.ru

PRAGMATIC CONDITIONALITY OF INTONATION IN THE CONCEPTION OF THE BRITISH PHONETICIANS

The study of speech sounds through the prism of pragmatics is important not only for elucidating semantic mechanisms, but also in terms of learning the techniques of vocal influence. Without an expressive intonation manifestation, language units (lexical, grammatical, stylistic) are lost in the flow of information, do not reach the listener, and accordingly do not have the necessary influence upon the audience. This article examines fundamental approaches to the description of the English language intonation system used by authors of the British phonetic school, as well as basic means of pragmatic influence at the phonetic level.

Key words: phonopragmatics; intention; melodic pattern; contour approach; pragmatic impact; locution; illocutionary force; perlocutionary effect.

Введение

Статья посвящена рассмотрению концепции интонации, сложившейся в работах классиков британской фонетической школы. Основным направлением британских теоретических исследований в этой области признается так называемое *контурное направление*¹, представленное многочисленной группой лингвистов (Г. Суит, Д. Джоунз, Г. Палмер, Л. Армстронг, Р. Кингдон, Дж. О'Коннор, А. Гимсон и др.). Данный подход к изучению интонации может быть назван классическим, так как имеет широкое распространение в зарубежной и отечественной лингвистике.

Как известно, при контурном подходе в центре внимания оказывается модальная функция интонации, которая продолжает вызывать повышенный исследовательский интерес. Именно в контурном подходе к изучению интонационных явлений английского языка были впервые предложены и описаны эмоционально-модальные значения английских мелодических моделей, а также заложены основы прагматического рассмотрения интонационных единиц, к чему сегодня всё чаще обращаются актуальные фонопрагматические исследования.

Такие британские фонетисты, как Д. Джоунз, А. Гимсон, Г. Палмер, П. Роуч, А. Краттенден, Р. Кингдон, Дж. О'Коннор и др. неосознанно предприняли первые попытки взглянуть на интонацию английского языка с позиций прагматики. Несмотря на то, что классики британской школы в своих работах не употребляли термины прагматики, направления их исследований часто находились именно в этом русле. Подобный взгляд на функционирование интонационных средств в речи особенно актуален в современной науке, в частности в свете теории речевых актов.

Контурное направление в изучении интонации: фонопрагматическая интерпретация

Основоположителем английского фонетического учения справедливо считается Д. Джоунз [7]. Ученый предложил два основных мелодических контура английского языка: нисходящий и восходящий.

¹ В основе контурного подхода к интонации лежит положение о том, что мелодическая конфигурация фразы есть целостное образование, в котором выделяются функционально самостоятельные составляющие, соотношенные с линейно расположенными отрезками фразы [2].

Подобное деление во многом продиктовано зависимостью от структурно-функционального взгляда на язык, в котором каждая знаковая единица призвана выполнять определенную функцию. Руководствуясь этим подходом, исследователь оставался в рамках интонации традиционных коммуникативных типов высказываний и фактически не рассматривал другие возможные значения, в частности эмоционально-модальные. Однако уже его последователи, развивая интонационную теорию своего учителя, обратили внимание на богатство смысловых оттенков и отношений, которые могут выражать английские мелодические контуры в разных ситуациях. Так, один из последователей Д. Джоунза А. Гимсон [6], анализируя английскую мелодику, берет на вооружение не только коммуникативно-различительную функцию интонации, но и эмоционально-модальную. Однако ученый в большей степени концентрируется на эмоциональной нагрузке некоторых контуров, нежели на их ситуативной обусловленности и интенциональной направленности.

На наш взгляд, несколько дальше в своих исследованиях английской интонации идет Г. Палмер [10]. Лингвист, методист и преподаватель Г. Палмер рассматривал живой, разговорный английский язык, предпринимая попытки упростить его изучение иностранными студентами. Возможно, именно поэтому он стремился не ограничиваться интонацией только коммуникативных типов высказываний, а открыть своим ученикам всё смысловое богатство интонационных контуров. Исследователь характеризует не только обобщенные значения основных английских тонов, но и приводит интонационные модели, выражающие заинтересованность / незаинтересованность, а также смысловые оттенки удивления, предупреждения, настойчивости, извинения, вовлеченности, сомнения, замечания, уступки, протеста и другие. Тем не менее научный подход Г. Палмера не свободен от структурно-грамматического начала, так как только после соотнесения мелодических рисунков с основными коммуникативными типами высказываний исследователь приступает к описанию других смысловых оттенков английской интонации.

Более прагматически ориентированной нам представляется обстоятельная система Р. Кингдона [8]. Кроме основных коммуникативных типов высказываний (утверждения, вопросы, побуждения) автор выделяет также мелодические контуры речевых актов приветствий,

прощаний, извинений, восклицаний, т. е. привносит в свою классификацию элементы прагматики. Р. Кингдон называет пять самостоятельных мелодических контуров на основе общепризнанных тонов и шкал в английском языке, которые впоследствии рассматриваются на примерах основных коммуникативных типов высказываний и трех дополнительных видов речевых актов, указанных выше.

Необходимо отметить, что в работе Р. Кингдона особое внимание уделяется возможным смысловым оттенкам высказываний. Поясним на примере. Так, в классе вопросов исследователь рассматривает не только общие, специальные и альтернативные виды вопроса, но также вопросы повтора (*asking for repetition*), настойчивые вопросы (*insistent questions*), шуточные вопросы (*quizzical questions*). В ряду класса императивов по отдельности анализируются команды, нетерпеливые команды (*impatient commands*), просьбы, предупреждения, дружеские предупреждения (*friendly warnings*) и т. д. [8].

Таким образом, в своем подходе к интонации Р. Кингдон рассматривает в единстве коммуникативные и эмоционально-модальные значения высказываний, которые, на наш взгляд, необходимо всё же разграничивать, в силу того, что коммуникативные типы выделяются на основе коммуникативной цели с учетом грамматической структуры, а эмоционально-модальные отношения всё же должны изучаться обособленно от грамматической структуры, поскольку радость, раздражение, вежливость, дружелюбие, безразличие и т. п. могут звучать как в вопросе, так и в утверждении или в побуждении к действию.

Описанные выше лингвистические взгляды во многом основываются на признании доминирующего значения грамматической и эмоционально-модальной (*attitudinal*) функций интонации. Этот период был в большей степени описательным: для теоретических обобщений не существовало достаточного количества данных. Исследователи сосредоточились на эмоционально-модальных значениях (холодность, отчужденность, заинтересованность и т. п.), привносимых интонационными единицами в основные коммуникативные типы высказываний [1]. А эмоции, выражающие непосредственно состояние говорящего и не направленные на собеседника (радость, злорада, печаль), описывались через показатели изменения диапазона, громкости и темпа фразы [3].

Весьма близким к идеям исследователей, упомянутым выше, является подход к анализу английской интонации П. Роуча [11]. Однако,

в отличие от предшественников, он не обращается к подробному анализу интонационных характеристик основных коммуникативных типов высказываний, а пытается выделить обобщенные значения наиболее типичных английских мелодических тонов, к которым он относит нисходящий, восходящий, нисходяще-восходящий, восходяще-нисходящий и ровный. Как и его предшественники, П. Роуч замечает, что *общее значение* нисходящего тона – это завершенность, а восходящего – незавершенность. При этом взгляд исследователя не лишен прагматического начала, так как обобщенное значение тона выводится исходя из интенции говорящего, которая, в частности, может выражаться в намерении либо продолжать разговор, либо нет.

С позиции прагматики автор подходит также к описанию нисходяще-восходящего тона, который он характеризует в координатах *данное – новое*. Нисходяще-восходящий тон, по мнению П. Роуча, передает значение «известного», «данного», а также некоторые другие импликации в речи говорящего. При этом указанный тон в бинарной оппозиции «завершенность – незавершенность» находится ближе к восходящему тону, так как предполагает незаконченность мысли. Остальные тоны рассматриваются фонетистом в уже привычных модально-эмоциональных терминах.

Еще ближе к прагматическому описанию интонационных рисунков английского языка подошли, в нашем представлении, Дж. О'Коннор и Г. Арнольд, изложившие свои взгляды на интонационную систему английского языка в совместном фундаментальном труде «Intonation of Colloquial English» [9]. Написанная в середине прошлого века, эта книга явилась одновременно и теоретической работой, и практическим пособием. Заслуга авторов заключается в том, что они описали десять обобщенных интонационных контуров, встречающихся в английском языке наиболее часто. За основу своей классификации исследователи взяли эмоционально-модальные отношения, выражаемые этими мелодическими контурами.

Вклад исследователей в теорию интонации очевиден, так как само выделение ограниченного числа обобщенных мелодических контуров, реализующихся в живой разговорной речи во множестве вариантов, представляет собой сложнейшую задачу, которую поставили перед собой Дж. О'Коннор и Г. Арнольд. Кроме детального описания просодических характеристик, формирующих десять интонационных

моделей, авторы представили определенный контекст и в общих чертах описали ситуацию для каждого контура. Исследователи ставили своей целью научить не только основным интонационным моделям, но также и их адекватному использованию в речи, предложив прагматически обоснованные ситуации употребления этих моделей в английском языке. При этом авторы пытались показать самостоятельность значений интонационных единиц и в большей степени абстрагироваться от «привязки» к коммуникативным типам высказываний, нежели их предшественники. Задачей исследователей стало доказать, что одна и та же интонационная модель может адекватно использоваться во всех коммуникативных типах высказываний, и наоборот, определенный синтаксический тип предложения может оформляться совершенно разными мелодическими контурами в речи.

Таким образом, фундаментальный труд Дж. О'Коннора и Г. Арнольда является большим достижением британской фонетической школы, актуальным для положений современной интонологии, а также максимально приближенным к фонопрагматическому взгляду на язык. Выделенные авторами интонационные модели могут быть сопряжены с тремя фазами речевого акта: первой, *локутивной*, на которой происходит отбор подходящих языковых (в данном случае просодических) средств; второй, *иллокутивной*, на которой происходит выражение интенции речевого акта; и финальной, *перлокутивной* фазой, передающей эффект, впечатление, производимое на адресата. Следующим шагом в фонопрагматике, на наш взгляд, должно стать более глубокое изучение выделенных интонационных моделей с позиции иллокутивной силы речевого акта, т. е. коммуникативной интенции, выражаемой в каждом мелодическом контуре [4].

Коммуникативно-прагматический подход к описанию интонации

Принципиальной новизной и прагматической ориентацией отличается подход к интонационным явлениям Д. Брэзила [5]. Исследователь предлагает абстрагироваться от лексико-грамматической структуры высказывания и исходить при анализе интонации только из абстрактных значений интонационных единиц. При этом, в отличие от своих предшественников, Д. Брэзил отказывается от рассмотрения эмоционально-модальных значений мелодических тонов и шкал

и концентрирует внимание на выделении обобщенных, инвариантных интонационных значений. Неординарность взгляда на интонационную систему английского языка исследователя особенно интересна.

Отличительной чертой системы Д. Брэзила является, безусловно, прагматический подход к описанию интонационных значений на уровне дискурса, основанный на коммуникативной направленности высказываний, а также на отношениях говорящий – слушающий с учетом таких прагматических смыслов, как фоновые знания участников коммуникации, пресуппозиции и импликации. Таким образом, подход Д. Брэзила максимально прагматичен, чем представляет исключительный интерес для фонопрагматики в целом.

За основу изучения автор принимает заимствованный из других областей фонетических исследований принцип минимальных различительных пар, демонстрируя его состоятельность на интонационном уровне. К интонационным единицам автор также успешно применяет универсальный в лингвистике принцип абстрактности значения языковых единиц, противопоставленный конкретным реализациям, поясняя, что максимально обобщенное абстрактное самостоятельное значение интонационной единицы может и будет видоизменяться в речи, становясь более конкретным в определенном лингвистическом контексте. На этом более конкретном уровне и появляются эмоционально-модальные оттенки мелодических тонов и шкал, которые обычно анализируются фонетистами.

Так, исследователь предлагает рассматривать тоны английского языка в максимально обобщенной оппозиции: *proclaiming – referring*, т. е. «утверждающие – связующие» [5]. К «утверждающим» относится нисходящий тон, обобщенное значение которого, по Д. Брэзилу, – это введение чего-либо нового в разговор. К «связующим» автор причисляет нисходяще-восходящий тон, который несет информацию общего знания собеседников, т. е. то, что на данный момент обсуждается. При этом Д. Брэзил исходит из глобального понимания данной оппозиции, утверждая, что абсолютно все тоны английской системы интонации рассматриваются в парадигме «утверждающий – связующий» и классифицируются либо как первое, либо как второе.

Следовательно, «связующие» и «утверждающие» тоны, по Д. Брэзилу, вступают в логико-семантическую оппозицию *данное – новое*, сигнализируя развитие темы дискурса. Примечательно, что при этом

исследователь исходит из коммуникативных интенций говорящего. «Утверждающий» тон, в понимании автора, используется тогда, когда говорящий намерен внести изменения в мировоззрение адресата, т. е. воздействовать на него в широком смысле этого слова. «Связующий» тон используется в ситуации, когда намерением субъекта речи является подтверждение общего знания без внесения новых сведений.

Развивая мысль об «утверждающих» и «связующих» тонах, отметим, что в оппозиции, представленной Д. Брэзиллом, присутствуют немаркированные и маркированные члены. Так, нейтральным, немаркированным «утверждающим» тоном является, как отмечалось выше, нисходящий. Однако в речи возможен вариант (в представлении Д. Брэзила) «утверждающего» тона, в виде восходяще-нисходящего тона. При этом восходяще-нисходящий тон является маркированным членом оппозиции, так как помимо общего инвариантного значения сообщения *нового* имеет дополнительную смысловую окраску (доминирование над собеседником). Такая же ситуация наблюдается со «связующим» тоном, позиционным вариантом которого может быть простой восходящий тон. В этом случае «связующий» восходящий тон также передает доминирование говорящего над его собеседником. Исследователь не ищет истоки неравного положения собеседников в разговоре, концентрируясь только на значениях, которые диктуют интонационные явления в их речи. Однако представляется, что доминирование может быть ситуативно, социально (учитель – ученик, врач – пациент и т. п.) либо психологически обусловленным (позиция лидера в беседе) и продиктовано желанием воздействовать на адресата, сообщить ему определенное отношение к предмету речи и контролировать течение дискурса.

Важнейшей научной заслугой Д. Брэзила, на наш взгляд, является признание семантической автономности высотных уровней в мелодике английского языка, которые он выделяет в самостоятельную фонологическую единицу. Высокий и средний мелодический уровни сигнализируют ожидание какой-либо реакции от слушателя (в виде самостоятельного суждения или в виде согласия со сказанным соответственно), в то время как низкий уровень не предполагает ответных реплик со стороны собеседника, сигнализируя завершение темы. Таким образом, адресат ориентируется на высотные мелодические уровни в речи субъекта и понимает направление коммуникации.

Рассмотренная выше теория Д. Брэзила, безусловно, обладает большой степенью обобщенности, поскольку, как было замечено, автор сознательно игнорирует эмоционально-модальные значения, пытаясь выйти на уровень интонационной абстрактности, что представляет большой интерес для прагматически ориентированных исследований в области фонетики. И хотя определенные положения его теории на первый взгляд могут показаться спорными (так, к примеру, всеми признаваемый как нейтральный и закономерный восходящий тон общих вопросов расценивается автором как маркированный, несущий дополнительный оттенок доминирования субъекта речи над объектом), в основе своей описание интонационных единиц ведется с позиции коммуникативной направленности, т. е. интенции, выраженной непосредственно через просодические средства и иногда без ведома говорящего.

Заключение

Анализ приведенных выше интонационных систем с учетом парадигмы речеактовой теории показывает, что исследователи в большей степени предпочитают изучать интонационные средства на локутивной стадии речевого акта, т. е. на этапе отбора языковых средств. Они также предпочитают обращаться к впечатлениям, которые та или иная интонационная модель может вызывать у адресата речи, т. е. к стадии перлокутивного эффекта [4].

Однако наибольший интерес вызывает, на наш взгляд, рассмотрение интонационных моделей с позиции иллюкутивной силы речевого акта, его коммуникативной интенции, а также в отношении субъект – объект речи, представления фоновой информации, импликаций и пресуппозиций. В этой сфере накоплен определенный опыт прагматической интерпретации интонации (например, обстоятельным описанием отличаются некоторые коммуникативные интенции: намерение продолжать общение, намерение завершить общение), однако в настоящее время описываются только самые общие примеры взаимодействия интонации и прагматических компонентов, формирующих смысл высказывания. Думается, что дальнейшее развитие фонопрагматического подхода к интерпретации устного дискурса позволит выявить иллюкутивную силу интонационных явлений более конкретно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васильев В. А., Катанская А. Р., Лукина Н. Д.* Фонетика английского языка: Практический курс. Новое издание / В. А. Васильев, А. Р. Катанская, Н. Д. Лукина и др. / под ред. Ж. Б. Верениновой. – М. : Высшая школа, 2009. – 374 с.
2. *Галочкина И. Е.* Мелодика как основной компонент интонации // Фонетика современного английского языка. Теоретический курс: учебник для студ. лингв. вузов и фак. / Е. А. Буряя, И. Е. Галочкина, Т. И. Шевченко. – М. : Издательский центр «Академия», 2006. – С.152 – 182.
3. *Галочкина И. Е.* Мелодика // Текст лекций по теоретической фонетике английского языка / Е. А. Буряя, И. Е. Галочкина. – М. : МГЛУ, 1991. – С. 3–37.
4. *Демина М. А.* Фонопрагматическая обусловленность речи телеведущих информационных программ : дис. ...канд. филол. наук. – М., 2012. – 254 с.
5. *Brazil D.* The Communicative Value of Intonation in English. – Birmingham : Birmingham University Press, 2004. – 273 p.
6. *Gimson A. C.* An Introduction to the Pronunciation of English. – London : Edward Arnold, 1980. – 352 p.
7. *Jones D.* An Outline of English Phonetics. – L. : Cambridge University Press, 1976. – 328 p.
8. *Kingdon R.* The Groundwork of English intonation. – L. : Longman, 1959. – 272 p.
9. *O'Connor J. D., Arnold G. F.* Intonation of colloquial English. – L. : Longman, 1973. – 270 p.
10. *Palmer H. E.* Grammar of Spoken English. – Cambridge : University Printing House, 1976. – P. 1 – 31.
11. *Roach P.* English Phonetics and Phonology. A practical course. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – 212 p.

УДК 81'34

М. А. Демина, Ю. В. Карташевская

Демина М. А., кандидат филологических наук,
доцент кафедры фонетики английского языка ФАЯ МГЛУ;
e-mail: malvinademina@rambler.ru

Карташевская Ю. В., доцент кафедры фонетики
английского языка ФАЯ МГЛУ; e-mail: juliakar@mail.ru

ФОНЕТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ «SMALL TALK» В БРИТАНСКОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

В статье рассматривается такой вид устного диалогического дискурса, как *small talk*. Как известно, национальный стиль общения и нормативный этикет обусловлены типом культуры, которая выступает регулятором коммуникативного поведения людей. Супrasegmentные средства также отражают социокультурные основания английской фатической коммуникации, отвечая за равномерную сегментацию потока речи, а также за реализацию одной из доминантных характеристик *small talk* – эмотивности. При этом просодико-интонационное оформление выполняет и компенсаторную функцию, маскируя отсутствие информативности и поверхностность общения.

Ключевые слова: *small talk*; культура; коммуникативный стиль; фатическая коммуникация; эмотивность; мелодика; темп; паузация; частота основного тона; длительность; коммуникативный ход; наложение реплик; терминальный тон.

M. A. Demina Y. V. Kartashevskaya

Demina M. A., Ph.D., Associate Professor,
Department of English Phonetics,
Faculty of the English Language, MSLU;
e-mail: malvinademina@rambler.ru

Kartashevskaya Y. V., Associate Professor,
Department of English Phonetics,
Faculty of the English Language, MSLU;
e-mail: juliakar@mail.ru

PHONETIC MEANS OF “SMALL TALK” REALIZATION IN BRITISH SOCIOCULTURAL CONTEXT

The article focuses on *small talk* as one of the basic conversational discourse types. It's well established that national communication styles and normative etiquettes are conditioned by the type of culture that is a regulator of people's communicative behaviour. Suprasegmental phonetic means mirror a socio-cultural basis of English phatic communication, accounting for an even segmentation of

connected speech and realizing emotivity as one of the dominant characteristics of small talk. Besides, prosodic speech patterns perform a compensatory function, masking low informativity and superficial communication.

Key words: small talk; culture; conversational style; phatic communication; emotivity; speech melody; tempo; pausation; fundamental frequency; duration; turn-taking; overlapping; terminal tone.

Введение

Коммуникативное поведение людей неотделимо от их национальной культуры, которая во многом предопределяет национально-специфический стиль общения. На сегодняшний день теоретиками межкультурной коммуникации доказано, что поведение людей, принадлежащих к различным культурам, не является совсем не предсказуемым, а в определенной степени поддается прогнозированию. При этом исследователи указывают, что ядро любой культуры составляют национальные идеи, убеждения и ценности, передающиеся из поколения в поколение и задающие рамки социального поведения [16; 18]. В этом смысле культура обладает регулятивной функцией, которая в той или иной степени определяет нормативный этикет и социальный стереотип поведения людей.

Так, говоря об английском коммуникативном стиле, исследователи обращают внимание на повышенную конвенциональность общения англичан [5; 13; 19]. Истоки подобной «кодированности» межличностной коммуникации прослеживаются в глубинных установках английской культуры, центром которой, по мнению А. Вежбицкой, является безоговорочное признание автономности личности [22]. В этой связи Р. Лакофф выделяет три основные доминанты английского коммуникативного стиля, которые задаются ценностными ориентациями англоязычного сообщества и которые можно сформулировать, как: 1) *дистантность* (*distance*); 2) *уважение, почтение* (*deference*) и 3) *дружелюбие, солидарность* (*camaraderie*) [19]. Первый принцип связан с соблюдением личного пространства каждого человека в самом широком смысле этого слова и непосредственно отражает глубокое убеждение англичан в личной независимости каждого человека. Уважение и почтение, выражаемое в процессе коммуникации, можно трактовать в русле эгалитарных представлений английского общества, безоговорочно признающего равенство

и индивидуальные права всех людей. Третий принцип, на наш взгляд, отражает стремление к компромиссу, которое также, по утверждению К. Фокс, является базовой культурной установкой английского социального взаимодействия и имеет основополагающее значение для эффективной коммуникации [13].

Демонстрация солидарности и сохранение дистанции, таким образом, по мнению вышеприведенных авторов, составляют суть вежливого коммуникативного поведения в англоязычных культурах [5]. При этом представителям других культур указанные тенденции могут показаться противоречащими друг другу, поскольку основной механизм человеческих отношений в данном случае основан на противоположных действиях коммуникантов. Однако английская вежливость проявляется именно в виртуозном соблюдении баланса между сближением и дистанцированностью партнеров по общению.

Социокультурные предпосылки коммуникативного поведения англичан особенно ярко проявляют себя в таком жанре англоязычного диалогического дискурса, как *small talk*, который, несмотря на свою кажущуюся простоту, имеет особое значение в англоязычном сообществе. В современных лингвистических и культурологических исследованиях *small talk* достаточно часто упоминается в рамках изучения английского коммуникативного стиля. При этом затрагиваются такие его аспекты, как тематический диапазон [13], стратегии вежливости [5], фатический характер коммуникации [14], тактики обмена репликами и поддержания коммуникативного контакта [4] и др. Кроме того, в настоящее время также активно изучаются вопросы межкультурной [21] и гендерной [9] специфики данного жанра коммуникации.

Одной из первых феномен *small talk* в англоязычной среде начала рассматривать Д. Таннен, ассоциируя его прежде всего со стереотипами женского социального поведения. Исследователь анализировала данный вид дискурса как сознательный коммуникативный акт, направленный на установление контакта, сближение собеседников и поддержание неформальных отношений в женском коллективе [21]. Однако в настоящее время сфера подобного фатического общения более широкая и не ограничивается исключительно повседневным контекстом и, тем более, женским дискурсом. На значимость *small talk*, прежде всего, в профессиональной среде указывает К. Фокс, отмечая, что это неотъемлемый компонент сценария ситуации делового

общения, в частности начального и заключительного этапов формальных встреч и переговоров [13].

Такое пристальное внимание к феномену, который по сути представляет собой фатическое общение [14], обусловлено тем, что представители различных культур сталкиваются с большими трудностями ведения *small talk* в межкультурной среде, связанными не столько с владением навыками ведения вежливой беседы, сколько с представлениями о социокультурных функциях данного явления. Так, к примеру, по данным некоторых исследований, имплицитный английский стиль коммуникации, насыщенный разного рода этикетными формулами, своей напыщенностью и притворностью, граничащими с лицемерием, часто раздражает немцев. Англичане же, в свою очередь, считают немецкий стиль общения слишком прямым и откровенным [12].

Стоит отметить, что некоторые отечественные исследователи часто говорят о *small talk* как о «светской беседе». Мы придерживаемся точки зрения, что данные понятия не тождественны друг другу, и что «светская беседа» функционирует в русском языке скорее как архаизм, чем как реально существующая коммуникативная модель, так как не поддерживается и не развивается в практике реального общения [8]. Кроме того, не совпадают и социальные контексты данных явлений. «Светская беседа» является более статусно-ориентированным видом общения и характеризуется большей формальностью и асимметричностью ролевых позиций, тогда как *small talk* имеет заметно сниженный, более неформальный регистр. Эту особенность английской коммуникативной культуры отмечает Т. В. Ларина, объясняя ее влиянием процессов демократизации общества, характерных для последних десятилетий. Особенно ярко все возрастающая неформальность общения, по убеждению автора, проявляется в обращениях и приветствиях как маркерах симметричности взаимоотношений между участниками коммуникации [5]. Разделяя приведенное мнение, мы полагаем, что пока феномен *small talk* является лакунарным на русской почве, а сам термин может быть отнесен к безэквивалентной лексике. В этой связи *small talk* выступает национально-специфичным концептом, представленным в концептосферах англо-саксонского мира, куда также, по мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, относятся *privacy, life quality, self, quality time, fortnight, challenge* и др. [6].

Подтверждение данному положению находим в работах Т. В. Лариной: исследователь не ищет русского эквивалента *small talk*, а говорит о нем описательно, как о «бессодержательном разговоре», «поверхностном общении», основной коммуникативной функцией которого является заполнение пауз и создание доброжелательной психологической атмосферы [5]. Подобную на первый взгляд легкую, непринужденную манеру общения участники коммуникации создают совместно, учтиво подбирая речевые формулы и четко соблюдая последовательность реплик. При этом ответственность за создание бесконфликтной атмосферы и непрерывность коммуникативного контакта лежит на каждом из них.

Т. В. Ларина также указывает на такую черту английского коммуникативного стиля, как *эмотивность*, которая, на наш взгляд, довольно ярко проявляет себя именно в *small talk*. Под эмотивной коммуникацией понимается сознательная, контролируемая демонстрация эмоций, которая используется в стратегических целях. Так, например, на невербальном уровне эмотивная коммуникация, по утверждению исследователя, выражается в английской улыбке, а на вербальном – в многочисленных оценочных и комплиментарных высказываниях [5]. При этом эмотивность, являясь одной из доминантных черт английской коммуникации в целом, в *small talk* выполняет социальные функции установления контакта и коммуникативной поддержки собеседника. Однако, как это ни парадоксально, эмотивность в *small talk* не способствует сближению партнеров по общению, а наоборот, устанавливает дистанцию и выстраивает своеобразную «преграду», которая не позволяет проникнуть в личную жизнь собеседников. Подобный эффект также во многом создается за счет «тематической ограниченности», так как англоговорящие собеседники проявляют особую избирательность при выборе предмета разговора, который должен основываться на общих интересах и носить достаточно общий поверхностный характер, чтобы все партнеры по коммуникации могли равнозначно участвовать. Вполне закономерно, что при таком общении акцент делается не на содержательность, а на социальное взаимодействие, характер которого конвенционально закреплён и жестко регламентирован.

Ю. Б. Кузьменкова, говоря о культуурообусловленных коммуникативных правилах ведения *small talk*, приводит следующие стадии

подобного фатического общения: 1) приглашение к общению, сформулированное в виде вопроса или личного мнения; 2) следующие за ним выражение согласия и развернутый ответ; 3) позитивная оценка предложенной точки зрения и демонстрация внимания, интереса и т. д. При этом исследователь утверждает, что использование приемов развертывания, варьирования и реагирования позволяет коммуникантам вести беседу различной продолжительности, не выходя за рамки условностей [4].

На целенаправленность и стратегическую организацию *small talk* указывает и М. В. Романова, причисляя указанные характеристики к доминантным чертам этого жанра [8]. Именно адекватный выбор конвенционально закрепленных приемов, регулирующих по принципу равенства степень активности и продолжительность участия в разговоре, а также очередность реплик, гарантирует эффективность взаимодействия собеседников и плавное течение беседы. При этом реплики всех участников *small talk* должны быть соразмерны и относительно небольшой длины, поскольку долгие высказывания считаются неуместными и нарушающими принцип равенства.

Признаваемая многими исследователями ориентированность данного вида дискурса на форму в большей степени, чем на содержание предполагает более детальное обращение к фонетической составляющей фатического общения, так как при строгой регламентированности реплик, общей конвенциональности и десемантизации наиболее частотных речевых формул, именно просодико-интонационные средства реализуют важнейшую доминантную черту *small talk*, упомянутую нами выше, – эмотивность, отвечающую за сближение участников по коммуникации и, как следствие, за доброжелательную атмосферу вербального взаимодействия в целом.

Следует заметить, что мелодико-темпоральная организация *small talk* была описана в литературе в самых общих чертах. Так, Т. В. Ларина упоминает то, что англичане предпочитают говорить тихим голосом, в среднем темпе, не допускают длинных пауз, нетерпимы к молчанию, не перебивают друг друга и строго следуют правилу поочередности реплик [5]. Вместе с тем, мы полагаем, что просодическое оформление *small talk* заслуживает отдельного внимания, а приведенные, достаточно общие, наблюдения требуют некоторого уточнения.

Материал и методы исследования

С целью исследования фонетических средств реализации *small talk* в речи носителей английского языка с помощью прикладного программного обеспечения Praat (версия 6.0.08) и Audacity (версия 2.0.0) нами был проведен перцептивно-акустический анализ аутентичных образцов звучащей женской речи. В качестве информантов выступили носители британского варианта английского языка одной возрастной группы (35–40 лет). Исследовались следующие фонетические характеристики данного типа дискурса:

- длительность фонации и паузации (в сек); отношение фонации к паузации;
- наличие / отсутствие паузации на стыке между репликами собеседников;
- средняя длительность слога (СДС) (в мс); соотношение длительности ударных и безударных слогов;
- среднее значение ЧОТ (в Гц) в пределах интонационной фразы;
- диапазон ЧОТ (разница между средними значениями ЧОТ_{макс} и ЧОТ_{мин}) в пределах интонационной фразы (в пт);
- частотность терминальных тонов в финальных и нефинальных синтагмах;
- конфигурация мелодического контура терминального тона финальных и нефинальных синтагм.

Результаты исследования

1. Темпоральные характеристики фатического общения

Результаты проведенного эксперимента позволяют сделать ряд выводов, значимых в контексте социокультурной интерпретации фатического общения. В ходе анализа аутентичных звучащих образцов одной из ярких черт *small talk* стало своеобразное «наложение» реплик участников коммуникации, выражающееся в пересечении окончания фразы первого собеседника и начала реплики второго, что, на первый взгляд, несколько противоречит общепринятому мнению о строгой очередности и регламентированности реплик в процессе общения, упомянутому нами выше. Так, данное явление весьма показательно в следующем диалоге, на примере которого, ввиду ограниченных рамок научной статьи, мы рассмотрим основные

характеристики просодической организации *small talk*, выявленные в ходе перцептивно-акустического анализа:

- F1: (1) Hello, you made it. Nice to see you.
- F2: (2) Oh ... it's great to see you again.
- F1: (3) Welcome! [(4) Thanks for meeting me.] (5) No worries, (6) welcome to our Glasgow office. (7) Have you been here before?
- F2: (8) Um ... no, this is my first time, (9) it's really nice ... uh ... (10) great views.
- F1: (11) Yeah, the views are lovely – rea – (12) yeah, the views really are nice [(13) Yeah.] – (14) okay ... um ... (15) let me take your bag for you [(16) Oh, that's really kind of you.] (17) and then we'll head upstairs.
- F2: (18) Great, (19) that's really kind of you.
- F1: (20) How was your journey?
- F2: (21) Oh ... well ... (22) not too bad ... um ... (23) no delays, (24) so that was great ... uh ... (25) the fog cleared, (26) you know what Heathrow's like [(27) Yeah.] – (28) yeah, so it was good [(29) Yeah, yeah especially in winter.] (30) yes, it's not – it's – not good at all.
- F1: (31) Yeah, okay, we're going to [(32) What floor are we on?] the sec – second floor we're going to.
- F2: (33) Okay great. Yeah.
- F1: (34) Yeah! (35) And how was the weather where you came from?
- F2: (36) Oh well ... so, (37) really foggy first thing and I live really near Heathrow so I woke up and looked out the window and I was really nervous about the fog but ... um ... (38) yes it lifted (39) so we were able [(40) Yeah.] to leave at the right time.
- F1: (41) It's nicer up here, (42) it's not too bad up here.
- F2: (43) Yeah, it's gorgeous, (44) isn't it?
- F1: (45) Ok ... right ... um ... (46) we're just – while we're passing the café – can I get you a coffee or anything? [(47) Oh.] (48) You must be tired [(49) Oh ... yeah, that would be great, yeah.] (50) you were up so early. (51) Yeah?
- F2: (52) Thank you, that would be great.
- F1: (53) Ok, excellent!

В приведенном разговоре некоторые реплики коммуникантов F1 и F2 (например, 3–4, 15–16, 28–29, 31–32 и др.) пересекаются в процессе общения и даже некоторое время звучат одновременно (см. рис. 1). Заметим, что в зарубежных экспериментально-фонетических исследованиях спонтанной диалогической речи подобное «наложение» реплик собеседников называют *overlapping* и описывают как неотъемлемую черту вербального взаимодействия партнеров в условиях реальной коммуникации [15; 17]. Интересно, что наличие данного феномена обычно нисколько не нарушает плавный ход беседы. Так, в анализируемом примере в подобных случаях первый говорящий (F1) или спокойно продолжает свою мысль (15–16; 49–50), или без замедления темпа речи реагирует на вставленную реплику своего собеседника (F2) (4–5; 29–30).

Представляется, что подобное вербальное поведение не вносит диссонанс в общение, прежде всего потому, что не имеет своей целью перебить собеседника. Из контекста ситуации становится понятно, что второй коммуникант (F2) не претендует на лидирующую позицию в разговоре, а просто старается оказать коммуникативную поддержку говорящему, подтверждая свою заинтересованность в вербальном взаимодействии короткими вставными комментариями. Можно даже

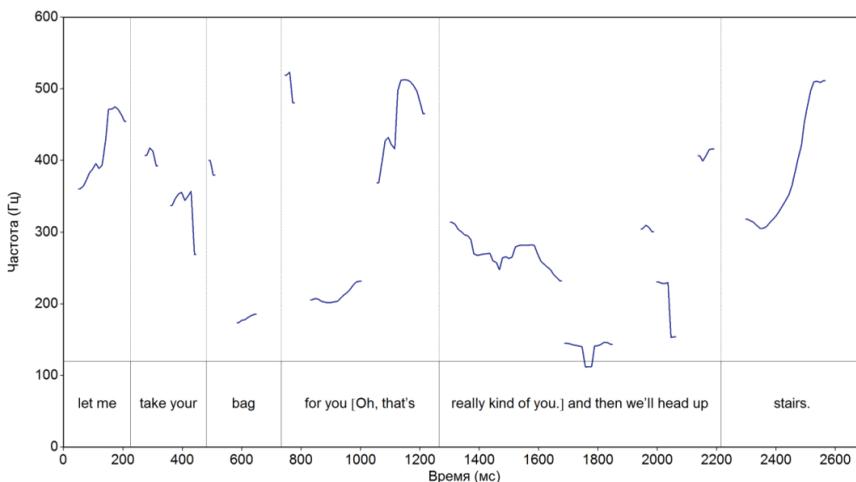

Рис. 1. F1: (15) «...let me take your bag for you
[F2: (16) Oh, that's really kind of you.] (17) and then we'll head upstairs»

сказать, что параллельно звучащие небольшие реплики реципиента призваны передать высокую степень его вовлеченности в общение и реализуют так называемую стратегию *overlap-as-enthusiasm*, которую упоминают в своих работах некоторые зарубежные исследователи [21].

Вместе с тем, описанное «наложение» реплик коммуникантов оказывает существенное влияние на темпоральную организацию *small talk*. Так, анализ длительности пауз на стыках между высказываниями говорящих (F1 и F2) в приведенном примере показывает, что «наложение» фраз собеседников имеет место в 56 % случаев, в то время как паузы появляются лишь в 44 %. При этом средняя длительность интервала в фонации составляет всего 219 мс (при общей вариативности от 53 мс до 425 мс), что согласно экспериментально-фонетическим работам можно классифицировать как сверхкраткую паузу [2]. Следует также отметить, что результаты ряда перцептивно-слуховых исследований доказывают, что длительность интервала в фонации в 200–300 мс представляет собой нижний стандартный порог восприятия паузы, а интервалы менее 100 мс и вовсе не распознаются реципиентом в качестве перерыва в фонации [7]. На рисунке 2 приведена тонограмма реплик 7–8, произнесенных с паузой в 215 мс.

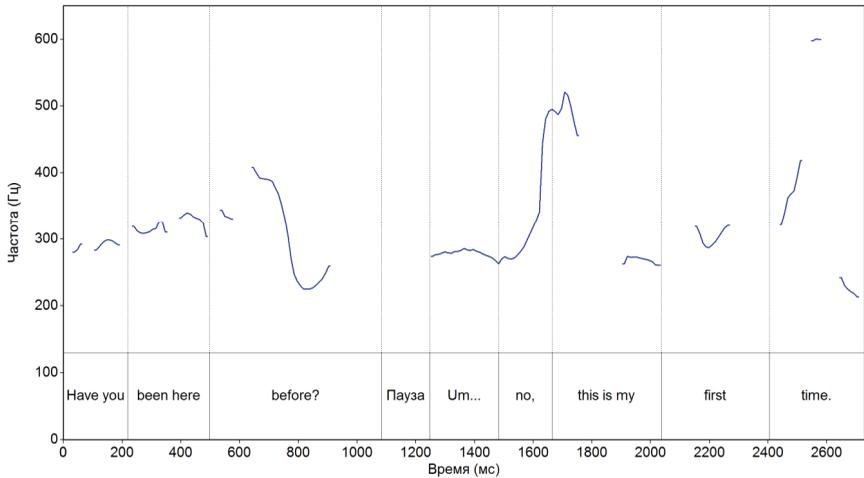

Рис. 2. F1 (7): «(Have you been here) be^vfore?»
и F2 (8): «Um... 'no, this is my first`time...»

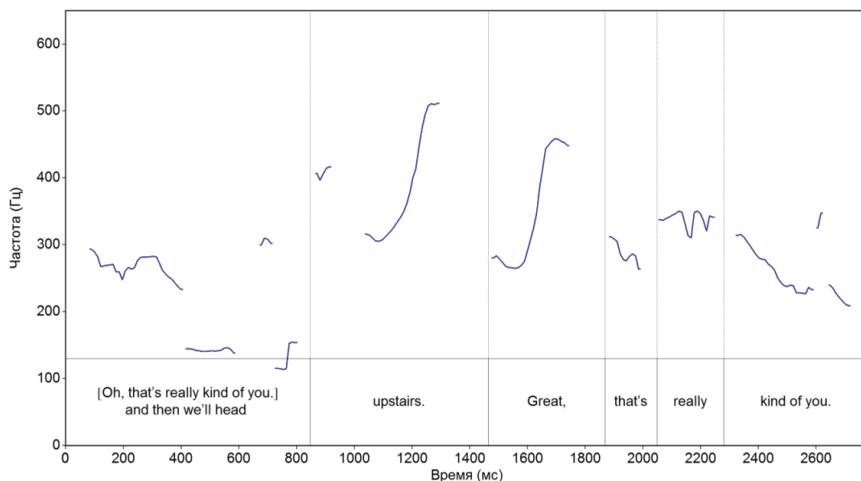

Рис. 3. F1 (17): «...and then we'll head up 'stairs»
 F2 (18): «'Great, that's very ^kind of you»

Полученные данные, таким образом, подтверждают минимальное присутствие пауз во время коммуникативного взаимодействия, что, на наш взгляд, наглядно свидетельствует об осознанном, старательном избегании участниками коммуникации неловких моментов обоюдного молчания. Рисунок 3 также иллюстрирует беспазуальное произнесение участниками коммуникации реплик 17–18.

Интересно, что в описанных выше случаях «наложения» реплик (см. рис. 1 и 3) носители английского языка верно интерпретируют просодические сигналы о смене коммуникативных ролей (адресант – адресат). Данные перцептивных исследований показывают, что в условиях отсутствия пауз перерывы в фонации отмечены эффектом временного пролонгирования длительности предстыковых звуковых и / или слоговых сегментов [7]. В ходе акустического анализа нами также были отмечены подобные случаи (см. табл. 1). Так, в приведенном выше примере (см. рис. 3) F2 интерпретирует реплику F1 (17) как приглашение к смене коммуникативных ролей, ориентируясь на следующие сегментные и просодические сигналы: удлинении конечного звонкого согласного /z/, длительность которого составляет 254 мс в слове 'stairs, и использование завышенного мелодического уровня терминальной части фразы 17: восходящее движение ЧОТ при этом реализуется в диапазоне от 305 Гц до 511 Гц

(8,93 пт). К таким же выводам приходят и зарубежные исследователи спонтанной диалогической речи, указывая на то, что передача коммуникативного хода может осуществляться за счет увеличения длительности предстыкового ядерного слога и / или конечных согласных, а также увеличения длительности безударных слогов, находящихся в зашкале [11]. В таблице 1 и на рисунке 4 приводятся примеры отдельных реплик коммуникантов в рассматриваемом диалоге, которые также подтверждают вышесказанное.

Таблица 1

Длительность предстыкового сегмента в речи информантов (в мс)

		Примеры	Терминальный тон	Конечный согласный / зашкала
F1	(1)	Nice to ↗see you//	672	364
	(17)	...and then we'll head up ↗stairs//	610	/z/ = 254
	(20)	How was your ↘journey?//	572	/ni/ = 340
	(35)	...the weather where you ↘came from?//	584	336
F2	(2)	...it's great to see you a↗gain//	387	/n/ = 174
	(10)	...great ↘views//	674	/z/ = 276
	(19)	...that's really ↘kind of you//	569	281

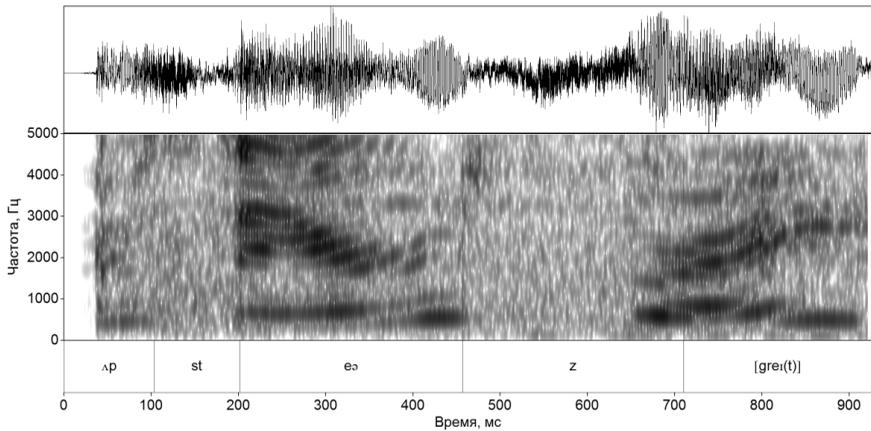

Рис. 4а. Спектрограмма терминальной части фразы 17 (F1): «up↗stairs»

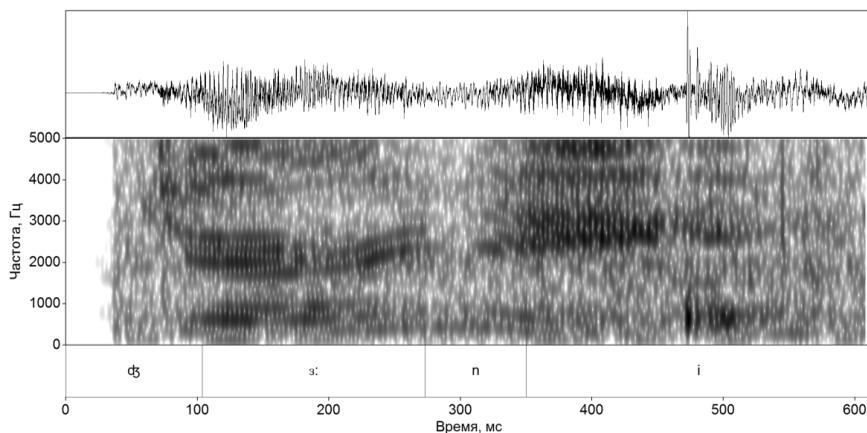

Рис. 4б. Спектрограмма терминальной части фразы
20 (F1): «¹journey»

Таким образом, как следует из таблицы 1 и рисунка 4, увеличение длительности предстыковых звуковых и слоговых сегментов довольно часто выступает в качестве дополнительного просодического маркера, регулирующего обмен репликами в коммуникативном акте.

Выше мы уже говорили о том, что ответственность за поддержание непрерывного хода беседы лежит на каждом из коммуникантов. Данное положение подтверждают и результаты анализа общей темпоральной организации отобранных звучащих образцов, которые в целом свидетельствуют о равномерном распределении времени говорения между участниками, что в определенной степени отражает эгалитарные установки британской культуры, ярко проявляющие себя в строгой регламентированности общения. Данные, представленные в таблице 2, свидетельствуют о практически сходных значениях соотношения фонации и паузации в речи двух собеседников в рассматриваемом примере *small talk*.

Приведенное соотношение длительности фонации и паузации подтверждает соблюдение коммуникантами принципов равномерного распределения степени активности и продолжительности участия в разговоре, а также строгой очередности реплик говорящих. При этом полученные данные о средней длительности слога (далее – СДС) (см. табл. 3) свидетельствуют о том, что темп речи F1 немного превышает аналогичный параметр F2. Интересно, что коэффициент

соотношения фонации и паузации при этом немного выше у F2. Данный факт говорит о некоторой «темпоральной компрессии» речи, которая наблюдается в случае реплик F1 и выражается в более быстром их произнесении по сравнению с фразами F2. При этом F1 является лидирующим партнером по общению и выступает инициатором всех коммуникативных ходов, в то время как F2 принимает роль ведомого партнера и придерживается соглашательских тактик, что, вероятно,

Таблица 2

Соотношение фонации и паузации в речи информантов

	Длительность фонации (в сек)	Длительность паузации (в сек)	Отношение фонации к паузации
F1	33,2	29,2	1,14
F2	35,1	26,5	1,32

Таблица 3

Средняя длительность слога в речи информантов (в мс)

	СДС	Ударный слог	Безударный слог	Разница	Соотношение длительности ударных и безударных слогов
F1	162	201	120	81	1,68:1
F2	195	249	141	108	1,77:1

Таблица 4

**Сопоставление средней длительности слогов
в выборочных фразах информантов (в мс)**

	Фраза	СДС	Ударный слог	Безударный слог	Разница	Соотношение длительности ударных и безударных слогов
F1	11-15	174	205	133	72	1,54:1
F1	45-46	149	197	106	91	1,86:1
F2	21-30	238	290	144	146	2,01:1
F2	36-40	193	226	163	63	1,39:1

и вызывает небольшое замедление темпа ее речи. Подтверждением этому служат и результаты анализа средней длительности интонационных фраз информантов, которая в случае F1 составляет 159 мс при СДС 162 мс, а в случае F2 – 125 мс при СДС 195 мс.

Таким образом, данные, представленные в таблицах 3 и 4, показывают, что в процессе коммуникации происходит варьирование темпоральных характеристик речи собеседников, демонстрирующее прямую зависимость показателей СДС, а также соотношения длительности ударных / безударных слогов от длительности высказывания. Так, в репликах 36–40 (F2), общей длительностью 10,48 сек, СДС составляет 193 мс, в то время как во фразах 21–30 (F2), продолжительностью 7,08 сек, данный показатель значительно выше и составляет 238 мс. Подобная компенсаторная зависимость проявляется также в том, что в репликах 21–30 присутствует большее количество пауз и наблюдается существенная разница в средней длительности ударных (290 мс) и безударных слогов (144 мс). Следовательно, с целью сохранения соразмерности реплик в высказываниях большей длительности скорость артикуляции заметно возрастает за счет сокращения количества физических пауз и уменьшения разницы в длительности ударных и безударных слогов, что в конечном итоге приводит к более низким показателям СДС.

2. Мелодические характеристики фатического общения

Мелодический компонент просодической организации *small talk* также заслуживает отдельного внимания, поскольку мелодика больше, чем другие параметры, призвана передать эмотивную составляющую данного вида дискурса. В ходе перцептивного и акустического анализа нами были отмечены подобные случаи эмотивного конформизма собеседников. Так, в приведенном выше примере (см. рис. 3) мы уже говорили о том, что F2, реагируя на определенные просодические сигналы, интерпретирует реплику F1 (17) как приглашение занять активную коммуникативную позицию. На уровне мелодики таким просодическим сигналом выступает, прежде всего, высокий восходящий тон терминальной части синтагмы 17: «...and then we'll head up'stairs», среднее значение ЧОТ которого составляет 408 Гц, а диапазон ЧОТ – 8,93 пт. Интересно то, что приведенные характеристики

ЧОТ практически дублируются F2 в ответной реплике (18), которую также отличают завышенный мелодический уровень и восходящий терминальный тон (среднее значение ЧОТ – 362 Гц, диапазон ЧОТ – 9,51 пт) (см. рис. 3). Таким образом, обсуждаемое выше беспausalное произнесение реплик 17 и 18 является коммуникативно оправданным: высокий мелодический уровень терминальной части фразы F1 (17: «.../stairs») верно интерпретируется и «подхватывается» вторым коммуникантом F2 (18: «/Great...»), что задает общую тональность взаимопонимания, согласия и эмпатии.

Подобная ориентация ведомого партнера по коммуникации на лидирующего отмечается в некоторых фонетических работах, авторы которых перечисляют схожие просодические параметры ответных реплик в диалогическом дискурсе, к которым они относят интонационный контур, высоту регистра, длительность ударных слогов и даже качество голоса [20].

Кроме того, ряд исследований указывает на то, что частично реализованная глоттальная смычка, производящая эффект так называемой скрипучей фонации (*creaky phonation*), выполняет функцию особого фразового пограничного сигнала, выступающего в качестве показателя завершения реплики и смены речевых ролей в диалоге (особенно в сочетании с нисходящим тональным движением) [3].

Вполне закономерно, что схожие средние значения ЧОТ так же, как и темпоральные особенности речи коммуникантов, приведенные выше, продиктованы принципами английского конформизма (см. табл. 5). Известно, что высокий мелодический уровень речи несет особую социокультурную нагрузку в английском языке, ассоциируясь с дружеским расположением, участием, заинтересованностью, готовностью помочь [1]. В этом смысле высокий регистр речи F1 и F2 призван продемонстрировать доброжелательность и расположенность к общению, вызывая исключительно положительные эмоции у собеседников. Наглядно это представлено на рисунке 5, иллюстрирующем использование нисходящих тонов широкого диапазона в репликах F2: «[^]time» – 18,04 пт, «[^]nice» – 12,48 пт, а также на рисунке 6: диапазон варьирования мелодического уровня фраз 12–15 составляет 9,30–18,58 пт. Заметим также, что подобное расширение диапазона ЧОТ знаменует новый коммуникативный ход (14) (см. рис. 6).

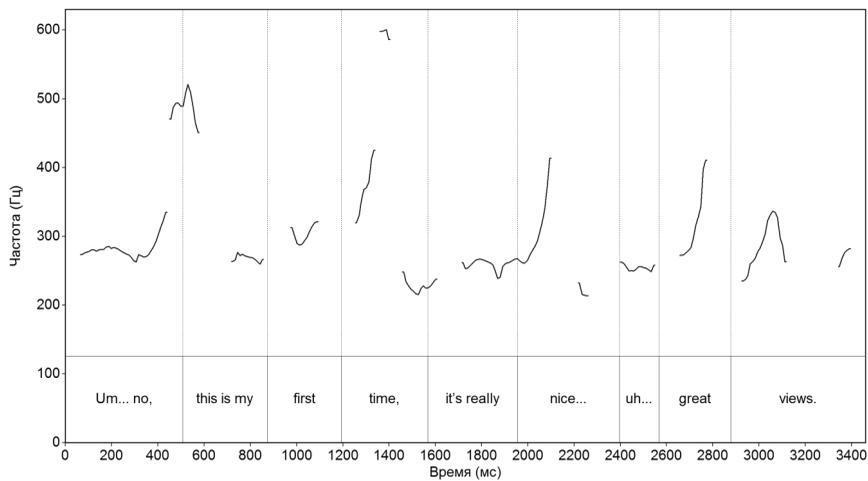

Рис. 5. F2: (8–10) «Um... ? no, this is my first ^time, it's really ^nice... uh... ^great ^views»

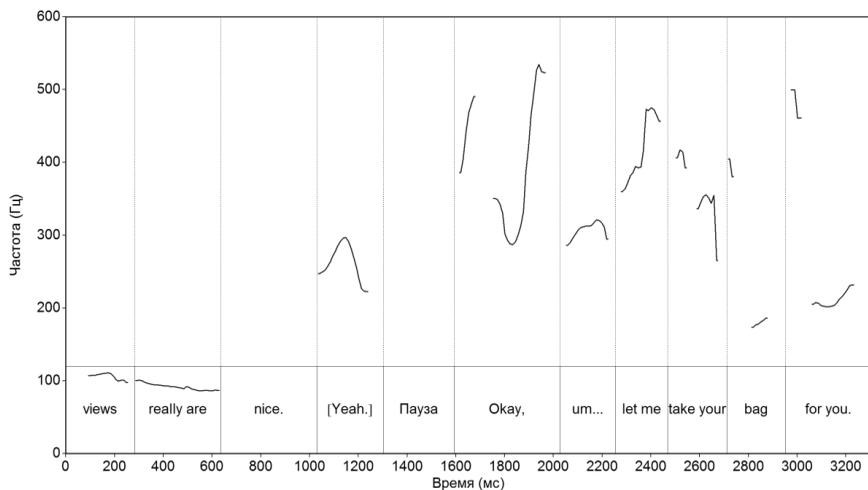

Рис. 6. F1: (12) «...views 'really are \nice [(13) Yeah.] – (14) ^Okay ... um ... (15) ^let me take your ^bag ↗ for you»

Таблица 5

**Средние значения ЧОТ (в Гц)
и интервал ЧОТ (в пт) речи информантов¹**

	ЧОТ _{макс}	ЧОТ _{мин}	Среднее значение ЧОТ	Диапазон ЧОТ
F1	440 (122)	162 (65)	301 (76)	16,59 (6,52)
F2	496 (133)	182 (64)	339 (75)	16,37 (7,43)

Как видно из таблицы 5 средний диапазон речи информантов составляет более 16 пт. Данный показатель можно интерпретировать как достаточно высокий. Так, экспериментальная оценка диапазона женской дикторской речи, которая в британском варианте английского языка традиционно считается эталонной и престижной, составляет 13 пт (при общей вариативности 6–19 пт) [2]. Представляется, что расширенный диапазон *small talk* так же, как и завышенный уровень ЧОТ, обусловлен эмотивной доминантой английского коммуникативного стиля и реализуется в большей степени за счет высоких восходящих тонов (см. рис. 2, 3, 6–8), которые, по нашим данным, достаточно частотны в этом дискурсе (см. табл. 6).

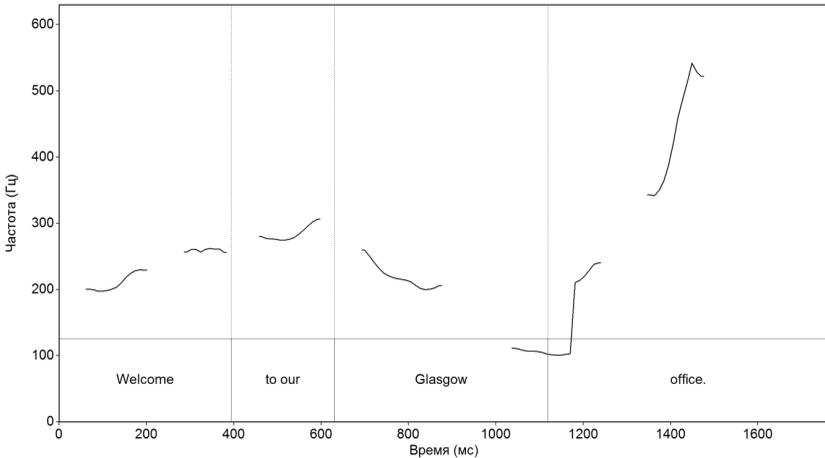

Рис. 7. Варьирование диапазона ЧОТ (25,98 пт)
F1: (6) «'Welcome to our \Glasgow ↗office»

¹ В таблицах 5 и 7 в скобках указаны показатели стандартного отклонения (SD) в герцах и полутонах.

Высокий восходящий терминальный тон, как наглядно представлено на рисунке 7, реализуется за счет увеличения длительности предстыкового сегмента (при этом длительность конечного глухого /s/ составляет 295 мс), что во многом обуславливает существенное варьирование диапазона в рамках одной интонационной фразы. Так, в речи F1, по нашим результатам, оно составляет 9,30–30,11 пт, а в речи F2 – 1,87–32,61 пт.

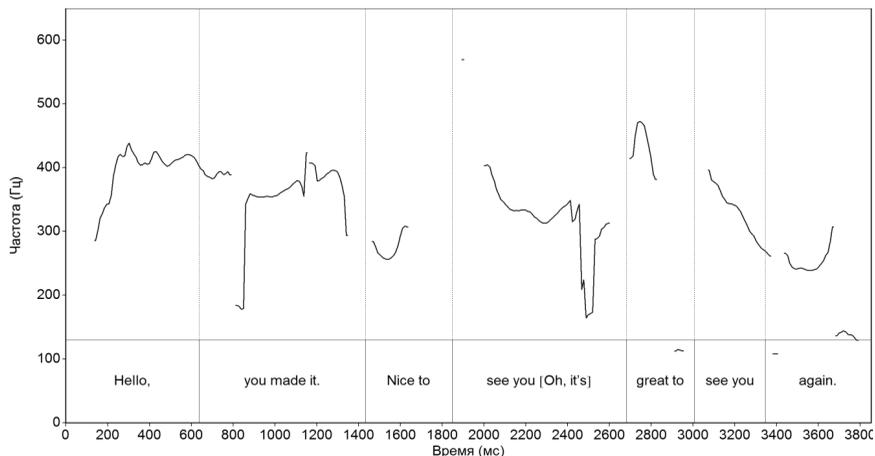

Рис. 8. Варьирование диапазона ЧОТ (21,67 пт)
F1: (1) «He → loŷ, you → made itŷ. Nice to ↗ see you»

Таблица 6

**Частотность употребления терминальных тонов
в речи информантов (в %)**

	Fall	Rise	Fall-Rise	Rise-Fall	Level
F1					
Нефинальные синтагмы	30	10	20	10	30
Финальные синтагмы	37,5	37,5	18,8	0	6,2
F2					
Нефинальные синтагмы	41,2	17,6	0	0	41,2
Финальные синтагмы	66,7	16,65	16,65	0	0

Весьма показательно то, что восходящие тоны заметно чаще используются именно в речи лидирующего партнера по коммуникации, которым в данном случае выступает F1. Как было отмечено выше, F1 берет на себя управление беседой и инициирует все коммуникативные ходы, которые затем поддерживаются ведомым партнером F2 (см. рис. 8). Очевидно, что данное распределение коммуникативных ролей во многом обуславливает интонационное оформление речи собеседников и выражается, в частности, в повышенной частотности употребления восходящих терминальных тонов в финальных синтагмах информантом F1 (37,5 %), которые, как было уже отмечено ранее, выступают одним из сигналов перехода коммуникативного хода (см. график 1).

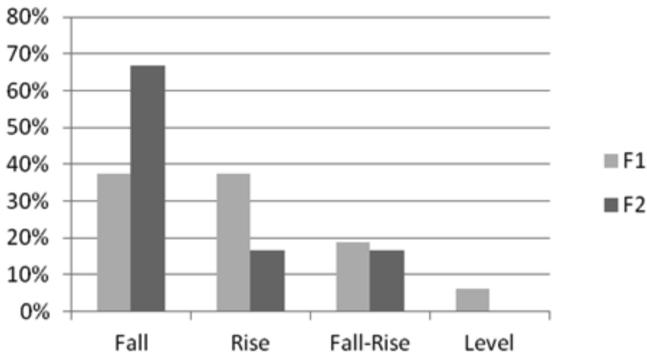

График 1. Частотность терминальных тонов в финальных синтагмах (в %)

Отдельно стоит отметить конфигурацию нисходящих тонов в речи информантов, которые в 89,7% случаев носят характер неполного падения. В таблице 7 представлены средние значения ЧОТ и интервал ЧОТ нисходящих тонов финальных и нефинальных синтагм.

Таблица 7

Средние значения ЧОТ (в Гц) и интервал ЧОТ (в пт) нисходящих тонов (финальные и нефинальные синтагмы)

	ЧОТ _{макс}	ЧОТ _{мин}	Среднее значение ЧОТ	Диапазон ЧОТ
F1	321 (133)	169 (79)	245 (101)	11,08 (6,64)
F2	426 (148)	211 (89)	319 (102)	12,37 (6,79)

Представляется, что данный интонационный контур, являясь одной из отличительных черт речи британцев, несет определенную прагматическую функцию. При этом относительно высокий терминальный уровень ЧОТ посылает определенный просодический сигнал реципиенту, указывая на то, что он может в любой момент выразить собственное мнение, так как вопрос открыт для обсуждения [1]. Таким образом, на наш взгляд, именно нисходящие тоны неполного падения способствуют выполнению одной из важнейших функций фатической коммуникации – поддержание контакта и плавного течения беседы.

Выводы

Обобщая результаты проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Темпоральные характеристики фатического общения напрямую связаны с эгалитарными социокультурными установками британского общества, что выражается в отсутствии пауз при передаче коммуникативного хода, соразмерности длительности реплик участников коммуникации, а также в их темпоральной и ритмической соотнесенности. Подобным образом в *small talk* реализуются такие ценностные ориентации английского коммуникативного стиля, как дистантность и уважение, почтение к партнеру по общению.
2. Мелодическая организация *small talk* призвана, прежде всего, передать кооперацию партнеров по коммуникации и их обоюдную вовлеченность в разговор, что выражается в употреблении схожих интонационных моделей партнерами по общению, высокой вариативности диапазона в пределах интонационной фразы и общем высоком тональном регистре речи. Таким образом, мелодика отражает эмотивную составляющую фатического общения и реализует основополагающие принципы английского коммуникативного стиля солидарности и дружелюбия.
3. Смена коммуникативных ролей партнеров по общению является неотъемлемой частью ведения *small talk* и реализуется за счет определенных просодических сигналов, к которым можно отнести конфигурацию и высотный уровень терминального тона, а также длительность предстыкового сегмента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демина М. А. Фонетические средства выражения национальной идентичности в условиях межкультурного общения // Фонетика сегодня проблемы и решения. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015. – С. 46–56. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 1 (712). Сер. Языкознание и литературоведение).
2. Демина М. А. Фонопрагматическая обусловленность речи телеведущих информационных программ : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2012. – 254 с.
3. Карташевская Ю. В. Аллофоническая вариативность стыковых фонем в американском варианте английского языка // Фонетическая вариативность современной английской речи. – М. : Рема, 2007. – С. 30–45. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 523. Сер. Лингвистика).
4. Кузьменкова Ю. Б. От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян. – 3-е изд. – М. : ИД «Сказочная дорога», 2014. – 320 с.
5. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 512 с.
6. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М. : АСТ : «Восток–Запад», 2007. – 314 с.
7. Потапова Р. К., Потапов В. В. Речевая коммуникация: От звука к высказыванию. – М. : Языки славянских культур, 2012. – 464 с.
8. Романова М. В. Формирование умений ведения светской беседы как компонента межкультурного делового общения (английский язык, экономический вуз) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 2012. – 25 с.
9. Bayles R. An investigation into politeness, small talk and gender [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.nottingham.ac.uk/english/documents/innervate/08-09/0809baylesaninvestigationintopoliteness.pdf
10. Couper-Kuhlen E. Prosody and sequence organization in English: The case of new beginnings // Couper-Kuhlen E. & Ford C. E. (eds) Sound Patterns in Interaction. – Amsterdam : Benjamins. – P. 335–376.
11. Duncan S. Some signals and rules for taking speaking turns in conversations // Journal of Personality and Social Psychology. – 1972. – V. 23. – P. 283–292.
12. Evans S. What Paddington tells us about German and British manners [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.bbc.com/news/world-europe-13545386
13. Fox K. Watching the English. – London: Hodder and Stoughton, 2004. – 424 p.
14. González Manzo F. Talking Big About Small Talk: A Contemporary Theoretical Model for Phatic Communication [Электронный ресурс]. – Режим доступа: dc.msvu.ca:8080/xmlui/handle/10587/1681

15. *Gravano A.* Turn-Taking and Affirmative Cue Words in Task-Oriented Dialogue [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.cs.columbia.edu/speech/ThesisFiles/agustin_gravano.pdf
16. *Hall E. T.* Context and Meaning // Gudykunst W. B. & Kim Y. Y. (eds.). Readings on Communication with Strangers: An Approach to Intercultural Communication. – New York : Mc Graw-Hill, 1992. – P. 82 – 89.
17. *Helder M., Edlund J., Laskowski K., Pelcé A.* Prosodic features in the vicinity of silences and overlaps [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.cs.cmu.edu/~kornel/pubs/silences_and_overlaps_submitted.pdf
18. *Hofstede G. I.* Cultures and Organisations: Software of the Mind. – London : McGraw Hill, 1991.
19. *Lakoff R.* The logic of politeness, or, minding your p's and q's // Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society. – Chicago, 1973. – P. 292–305.
20. *Szczepek Reed B.* Prosodic Orientation in English Conversation. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2006. – xiv, 231 p.
21. *Tannen D.* Conversational Style: Analyzing Talk among Friends. – Oxford University Press, 2005. – 244 p.
22. *Wierzbicka A.* Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2003. – 502 p.

УДК 81

М. А. Елизарьева

преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО (У) МИД РФ
e-mail: marycreek@mail.ru

К ИСТОРИИ НЕМЕЦКО-ЧЕШСКОГО ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА

Статья посвящена истории немецко-чешского языкового контакта – как его социолингвистической, так и непосредственно лингвистической стороне. В результате длительного контакта чешский язык заимствовал из немецкого много слов, грамматических конструкций, кроме того в нем появилось большое количество калькированных. Все эти влияния стали причиной возникновения языкового пуризма и стремления очистить язык от германизмов.

Ключевые слова: немецкий язык; чешский язык; языковой контакт; интерференция; лексические калькирования; грамматические калькирования; заимствования; языковой пуризм; германизмы.

М. А. Yelizaryeva

Teacher, Department of German Language MGIMO,
e-mail: marycreek@mail.ru

HISTORY OF GERMAN-CZECH LANGUAGE CONTACT

The article is devoted to the history of German-Czech language contact, namely his sociolinguistic and linguistic aspects. The long contact resulted for Czech in German loaned words and grammar structures as far as loan translations. This German influenced gave rise to language purism and efforts to eradicate German influence in Czech.

Key words: German language; Czech language; language contact language transfer; lexical calques; loan words; language purism; germanisms.

История культурного и языкового контакта немецкого и чешского народов насчитывает более тысячи лет. Большую часть этого времени чешский этнос, не имея собственного государства, находился в орбите непосредственного политического и культурного влияния Германии и Австро-Венгрии. События XX в. привели Чехию к политической независимости, а Вторая мировая война и последующее изгнание из Чехословакии судетских немцев положили конец существованию массового немецко-чешского билингвизма. Немецкая культура и язык оказали на Чехию значительное влияние, следы которого проявляются не только в заимствованиях материальной культуры (например, блюда национальной кухни), но и в языке. Влияние,

оказанное немецким языком на чешский, проявилось на лексическом и грамматическом уровне, в определенной степени на уровне фразеологии и синтаксиса.

Проблема языкового контакта немецкого и чешского языков на настоящий момент достаточно популярна в немецкоязычном научном пространстве (хотя, возможно, не настолько, как контрастивные исследования), в том числе среди чешских и австрийских германистов и богемистов (С. Неверкла, Т. Бергер, М. Йелинек, Б. Блахак, М. Некула, Д. Шлосар), но в отечественном языкознании освещения еще не получила, в связи с чем в данной статье мы хотим представить общий обзор истории немецко-чешского языкового контакта как в социолингвистическом, так и в лингвистическом аспекте.

Славянские племена пришли на территорию современной Чехии в V–VI вв. и именно к этому времени можно отнести первые лексические заимствования из прагерманского языка в праславянский. Д. Шлосар пишет, что «самые ранние свидетельства чешско-немецких и немецко-чешских контактов древнее, чем сами чешский и немецкий языки: это слова, заимствованные праславянским языком из прагерманского и наоборот» [9, с. 148]. К подобным словам относятся, например, праслав. **kъnędzъ* (чеш. *kněz*) от прагерм. **kuninga* (нем. *König*), праслав. **chľěbъ* от прагерм. **hlaiba*, двн. *pflug* от праслав. **pflugъ* [9; 7].

В конце VIII – начале IX вв. чешские племена попали в орбиту влияния Священной Римской империи, поскольку были завоеваны франками при Карле Великом. В IX в. на территории Чехии стало распространяться христианство. В это время через немецкий в чешский язык приходят греческие и латинские слова, связанные с религией: чеш. *opat* от нем. *Abt*, *klášter* от нем. *Kloster*, *oltář* от нем. *Altar*, *žehnat* от нем. *segnen*, *Vanoce* от нем. *Weihnachten* и т.д. Наряду с ними заметны также прочие заимствования из немецкого: чеш. *diky* от двн. *denchi* (нем. *danke*), чеш. *chvíle* (нем. *Weile*), *flétna* (нем. *Flöte*), *skříň* (нем. *Schrank*) [1; 7].

В течение X–XII вв. степень политической зависимости чешских земель от Священной Римской империи колебалась из-за их политической раздробленности. Немецкие правители старались расширить свое политическое влияние на ослабленные раздробленностью чешские земли, прибегая при этом и к экономической экспансии. В XII в.

в Чехию устремляется поток немецких эмигрантов из разных социальных слоев: как немецкая знать, которая скупает или арендует земли, так ремесленники и земледельцы. В XIV в. в Праге и некоторых других чешских городах (Колин, Часлав, Домажлице, Хрудим) формируется немецкая диаспора, что повлекло за собой распространение билингвизма. Э. Скала пишет, что «немецкая знать редко была двуязычной. В среде ремесленников билингвизм определенно был распространен гораздо шире. Низшие социальные слои по большей части владели только чешским. <...> В то время почти треть населения Богемии говорила по-немецки» [8, с. 62].

Распространение немецко-чешского билингвизма привело к двум тенденциям: взаимному проникновению чешских и немецких слов в оба контактирующих языка; онемечиванию чешской знати и распространению в ее среде немецкого языка, ставшего языком придворной культуры. Так, в немецкий язык из чешского пришли такие слова, как *Grenze* (от чеш. *hranice*), *Gurke* (от чеш. *okurka*), *Pistole* (от чеш. *píšť'ala*), *Schmetten* (от чеш. *smetana*) *Zeisig* (от чеш. *čížek*), *Zobel* (от чеш. *sobol*) и еще ряд других [2]. Однако доля чешских слов, пришедших в немецкий язык, достаточно невелика (далее мы отдельно скажем несколько слов о славянских заимствованиях в австрийском варианте немецкого языка). Чешский язык принял гораздо большее количество новых слов из тех сфер, в которых осуществлялся чешско-немецкий культурный контакт, а именно – придворная жизнь («рыцарская культура»), городское управление и торговля: *rytíř* (от нем. *Ritter*), *rathauz* (от нем. *Rathaus*) *turnaj* (от нем. *Turnei*), *rynek* (от нем. *Rink*), *rychtář* (от нем. *Richter*), *cihla* (от нем. *Ziegel*) [1; 7].

В это же время имеют место и некоторые лексико-грамматические изменения в чешском языке, вызванные немецким влиянием. Во-первых, изменяется система модальных глаголов. Ранее чешский, будучи славянским языком, располагал только одним модальным глаголом *moci* (рус. *мочь*), а также наречием *třeba* (рус. *надо*). При контакте с немецким языком в чешский приходит глагол *muset* (от нем. *müssen*) со значением «быть должным», глаголы *smět* и *mít* ранее имевшие только значение «сметь, отваживаться» и «иметь» приобретают модальность: *smět* начинает использоваться в значении «dürfen» («мочь, иметь на что-то разрешение»), *mít* – в значении «sollen» («быть обязанным») [1]. Во-вторых, появляется альтернативный

вариант образования числительных больше двадцати. В чешском, как и в русском, привычный вариант образования двузначных числительных – обозначение сначала десятков, потом единиц, например, *trícet pět* (рус. *тридцать пять*). Наряду с ним появляется и обратный порядок, привычный для немецкого языка, например, *pětatřicet* (нем. *fünfunddreißig*) [1].

Примерно до середины XIII – начала XIV вв. чешский язык практически не употреблялся в письменном виде, религиозную сферу обслуживал латинский язык, сферу управления – немецкий. С XIV в. начинается расцвет письменного чешского языка: появляются первые хроники и легенды, а также литературные переводы с других языков. Во второй половине XIV в. при Карле IV чешский язык в Чехии постепенно становится государственным, при этом немецкой части населения приходится учить его. В это время в чешский продолжают проникать слова из немецкого языка, например: *čapka* (от нем. *Kappe*), *hejtman* (от нем. *Hauptmann*), *kýtě* (от нем. *Kittel*) [7].

В XV–XVI вв. чешский язык переживает свой расцвет, вызванный ростом национального самосознания, чему немало способствовали Реформация и Гуситские войны, в ходе которых обострились противоречия между чехами и католическим немецким населением, проживавшим на территории Богемии и Моравии. Как следствие Реформации чешский становится языком церкви, а также городского управления и делопроизводства. Огромную роль в его развитии сыграла деятельность Яна Гуса, не только разработавшего диакритику, используемую чехами до сих пор, но и ставшего практически первым пуристом, порицавшим чехов, которые «наполовину говорят по-чешски, наполовину по-немецки» [цит. по: 4, с. 12]. Так, Я. Гусу были не по вкусу такие заимствованные из немецкого слова, как *hantuch* (от нем. *Handtuch*), *šorc* (от нем. *Schürze*), *knedlík* (от нем. *Knödel*), которые он предлагал заменить исконно чешскими словами *ubrusec*, *zástěrka*, *šiška* [4, с. 13].

Тем не менее вытеснение немецкого языка из определенных сфер оказалось недолгим. В первой четверти XVII в. антинемецкие настроения достигают своего апогея и выливаются в восстания протестантской Чехии против католических немецких властей, положив тем самым начало Тридцатилетней войне. В 1620 г. войско чешских протестантов было разбито объединенной армией католиков в битве

на Белой горе, вследствие чего Чехия еще на триста лет осталась во владении Габсбургов. С этого момента снова начинается период торжества немецкого языка в Чехии – Габсбурги проводят политику возвращения немецкому языку позиций, которые он потерял в ходе Реформации и Гуситских войн. В 1627 г. император Фридрих II объявляет немецкий вторым государственным языком в Чехии. При Марии Терезии и ее сыне Иосифе II немецкий объявляется единственным государственным языком, также в это время немецкий становится языком преподавания в Карловом университете (Прага). Наряду с усилением позиций немецкого языка возрастает интерес к чешскому языку: с 1746 г. чешский становится школьной дисциплиной, в 1775 г. в Венском университете учреждается кафедра чешского языка, в 1792 г. такая же кафедра появляется и в Карловом университете. В этот период чешский испытывает влияние не только литературного немецкого, но и баварских и австрийских диалектов. Заимствуются такие слова как *jo* (от нем. диал. *jo*), *kšeft* (от нем. диал. *Gschäft*), *ksicht* (от нем. диал. *Gsicht*), *koule* (от нем. *Kugel*), *hochštapler* (от нем. *Hochstapler*), *runda* (от нем. *Runde*), *celer* (от нем. *Sellerie*), *šnek* (от нем. *Schneke*) [7].

Все это подготовило почву для так называемого национально-го возрождения (чеш. *národní obrození*, нем. *nationale Wiedergeburt*) в XIX в., которое не только стало вторым расцветом чешской национальной культуры, но и открыло новый этап взаимоотношений чешского и немецкого языка. К тому моменту значительная часть лексического состава языка представляла собой немецкие заимствования, что вызывало неудовольствие многих образованных чехов. Начинается волна языкового пуризма, стремление «очистить» чешский язык от германизмов с помощью следующих искусственных изменений языка:

- 1) калькирование немецких слов: замещение нем. *Vorstellung*, *Ausflug*, *Einfall*, *Aufzug*, *Hauptstadt* на чеш. *představa*, *výlet*, *nápad*, *výtah*, *hlavní město* (в скобках отметим, что подобные калькирования более поздними пуристами будут заклеяны как германизмы, противоречащие духу чешского языка);
- 2) замена немецких заимствований словами из других славянских языков: замена нем. *natur* на *příroda* (от рус. *природа*), нем. *subjekt* на *podmět* (от польск. *podmiot*), нем. *dialekt* на *nářečí* (от рус. *наречие*);

- 3) замена немецких слов неологизмами: замена нем. *rynk* на *náměstí*, нем. *handl* на *obchod*, нем. *theater* на *divadlo*;
- 4) замена немецких слов старыми чешскими словами: замена нем. *vinšovati* на *přáti*, нем. *šmak* на *chut'* [1].

Как указывает М. Йелинек, «в период национального возрождения не считалось, что калькирования наносят урон однородности языка, их рассматривали как доказательство выразительности чешского языка. Таким образом в чешском появились многочисленные составные слова, несмотря на то, что сложение слов не является в славянских языках продуктивной словообразовательной моделью» [4, с. 16].

Тем не менее в конце XIX в. обилие подобных составных слов, образованных по немецкой словообразовательной модели, обратило на себя внимание блюстителей чистоты чешского языка, предлагавших заменить такие германизмы, как *časoslovo* (от нем. *Zeitwort*), *koloběh* (от нем. *Kreislauf*), *parolod'* (от нем. *Dampfschiff*), *parostoj* (от нем. *Dampfmaschine*), *sloupořadí* (от нем. *Säulenreihe*), *stromořadí* (от нем. *Baumreihe*), *ostrovtip* (от нем. *Scharfsinn*), *malorolník* (от нем. *Kleinbauer*), *maloobchodník* (от нем. *Kleinhändler*). Следующей лексической мишенью стали абстрактные существительные, заканчивающиеся на суффиксы *-tí, -ní*. Например, в таких выражениях, как *žebřání se zapovídá, to není k vydržení, v případě onemocnění nepřijdu* эти абстрактные существительные воспринимались как калькирования с немецких *Betteln ist verboten, das ist nicht auszuhalten, im Falle der Erkrankung* и пуристы предлагали их заменить на *žebřati se zapovídá, to nelze snést, onemocním-li, nepřijdu*. Следующим пунктом стали прилагательные, образованные путем калькирования немецких прилагательных с приставкой *-gegen* и суффиксом *-los* с помощью приставок *-bez* и *-proti*: *bezdůvodný, bezohledný, bezprostřední* от нем. *grundlos, rücksichtslos, unmittelbar*; *protivítr, protijed, protislužba* от нем. *Gegenwind, Gegengift, Gegenleistung* [4].

Не обошлось в тот период и без критики возникших под влиянием немецкого языка синтаксических конструкций, в первую очередь, управления глаголов, как с предлогами, так и без. Во-первых, под влиянием немецкого произошло вытеснение генитива и датива аккузативом, например: *hledati zisk* (вместо *zisku*), *přáti úspěch* (вместо *úspěchu*), *obdivovati co* (вместо *obdivovati se čemu*). Во-вторых, с немецкого были скалькированы некоторые предложные конструкции: *radovati se*

nad čím от нем. *sich über etwas freuen*, *vonět po čem* от нем. *nach etwas richen*, *prosba na někoho* от нем. *Bitte an j-n*, *ztráceti na síle* от нем. *an Kräfte verlieren*. Кроме предложных конструкций, скопированных с исконно немецких, к противоречащим духу чешского языка были причислены и конструкции, аналоги которых есть во многих европейских языках, например: *díky pomoci* (нем. *dank der Hilfe*), *navzdory zákazu* (нем. *trotz des Verbots*), *následkem požáru* (нем. *infolge des Brandes*), *s ohledem na jazyk* (нем. *mit Rücksicht auf die Sprache*). То же касается и устойчивых выражений, существовавших кроме немецкого и в других языках: «Многие слова и выражения, которые были признаны германизмами и должны были быть искоренены из чешского языка, входят в европейское культурное наследие» [4, с. 34]. Среди таких выражений были, например: *za žádnou cenu* (нем. *um keinen Preis*), *žít na vysoké noze* (нем. *auf großem Fuß leben*), *v první řadě* (нем. *in erster Reihe*), *hluboký spánek* (нем. *tiefer Schlaf*), *nacházeti se* (нем. *sich befinden*), *přirozeně* (нем. *natürlich*).

Тенденция к очищению чешского языка от немецкого влияния удерживается вплоть до 1930-х гг., при этом необходимо сказать несколько слов о Праге и Вене рубежа XIX–XX вв., поскольку в истории контакта немецкого и чешского языков эти города представляют особый феномен. К тому времени население Праги было представлено тремя основными этническими группами: немцами, чехами и евреями, в связи с этим главными языками коммуникации были немецкий, чешский и идиш, поэтому мультилингвизм, по крайней мере, билингвизм, был практически нормой, что не могло не повлечь за собой изменений во всех контактирующих языках. Литературный немецкий был языком высших слоев общества и интеллигенции, параллельно с ним развивался его жаргонный вариант так называемый *Kucheldeutsch*, на котором говорила чешскоязычная прислуга, привнося в немецкий элементы родного языка, а также *Kuchelböhmisches* – вариант чешского языка с высокой долей заимствованных из немецкого слов [3]. Проблема языковых контактов в Праге рубежа XIX–XX вв. активно изучается, например, М. Некулой на материале произведений Франца Кафки. М. Некула [5] дает достаточно подробное описание языковой ситуации в семье Кафки и отношения Ф. Кафки ко всем трем языкам коммуникации в Праге. Констатируя, что для Ф. Кафки с детства языками общения были немецкий (с родителями) и чешский

(с прислугой), М. Некула придерживается мнения, что для будущего писателя в детстве было свойственно не разграничивать употребление языков, поскольку его двуязычные родители в разговоре с прислугой чаще всего переходили на чешский.

Б. Блахак в статье «Regionalismen in Franz Kafkas Deutsch am Beispiel seines Romans „Der Prozess“» [3] приводит примеры грамматических калькирований в письменной немецкой речи Франца Кафки. Например, Кафка часто использует управление *an etw. vergessen*, которое является калькированием с чеш. *zapomenout na něco*; часто встречается смешение в использовании немецких предлогов *an* и *auf*, которым в чешском соответствует один предлог *na* (например, *den Hörer anhängen* вместо *den Hörer aufhängen*); опущение артикля, поскольку в чешском нет артиклей; несогласование сказуемого с подлежащим, когда последнее стоит в единственном числе и выражает неопределенное количество (например, *die meisten war schwarz angezogen* является калькой с чешского *většina byla oblečená v černém*); неправильное использование падежей и рода существительных (*dieses Einladung* от чеш. *tohle pozvání* (ср.р.)). Анализируя подобные интерференции, Б. Блахак отмечает, что они, вероятнее всего, являлись не только индивидуальными особенностями языка писателя, но были типичными для немецкого языка Праги рубежа XIX–XX вв. в целом [3].

Обратимся к языковой ситуации в Вене, где на рубеже веков контакт немецкого и чешского языков также имел место и внес свою лепту в своеобразие венского диалекта. В этот период в столицу Дунайской монархии на заработки устремляются потоки чехов и словаков, что привело, с одной стороны, к укоренению богемизмов в разговорном венском диалекте, с другой – к распространению австрицизмов в чешском языке благодаря тому, что многие чехи, заработав деньги в столице, возвращались в родные края, принося с собой заимствованные из столичного диалекта слова. С. Неверкла [6] выделяет следующие группы богемизмов, проникших в венский городской диалект.

1. Названия продуктов, блюд и напитков: *Bramburi* от чеш. *brambory* (рус. *картофель*), *Buchtel* от чеш. *buchta* (рус. *булочка*), *Klobasse* от чеш. *klobása* (рус. *колбаса*), *Kolatsche* от чеш. *koláč* (рус. *калач*, *булочка*), *Powidl* от чеш. *povidla* (рус. *повидло*) и т. д.

2. Чешские фамилии *Březina*, *Novák*, *Trávniček*, *Blažková*, *Macháček* стали использоваться в устойчивых выражениях или как обозначения

определенного типа людей: *Na servus Brežina!* (выражение неприятного удивления, эквивалент русского разг. «Здрасьте!» или «Ну приехали!»), *Er ist immer der Nowak* (про человека, которого всегда выставляют дураком, обводят вокруг пальца), *Erzählen Sie das Frau Blaschke!* (когда кто-то рассказывает невероятные вещи), *Trawnitschek* – воплощение мелкого буржуа, *Machatschek* – обозначение деятельного лидера (видимо, произошла ассоциация с немецким глаголом *machen*).

3. Интерференция в синтаксисе под влиянием чешского, в частности в использовании субстантивных и глагольных конструкций с предлогами, например: *auf* (вместо *in*) *Urlaub fahren* от чеш. *jet na dovolenou*, *auf* (вместо *an*) *j-n denken* от чеш. *myslet na někoho*, *Vorbereitungen auf* (вместо *für*) *etw.* от чеш. *přípravu na něco*, *sich auf* (вместо *an*) *j-n erinnern* от чеш. *vzpomenout si na někoho*, *auf* (вместо *über*) *j-n vergessen* от чеш. *zapomenout na někoho*, *auf* (вместо *an*) *der Universität*, *auf dem* (вместо *im*) *Konzert sein* от чеш. *na univerzitě*, *na koncertě*, *beim* (вместо *am*) *Tisch sitzen* от чеш. *sedět u stolu*.

4. Устойчивые выражения, калькированные с чешского языка и получившие распространение только в Вене: *Ohne Arbeit gibt es keine Kolatschen* от чеш. *bez práce nejsou koláče* (рус. *хочешь есть калачи, не лежи на печи*), *die Kinder spielen sich* от чеш. *děti si hrají* (рус. *дети играют*), *die Patschen strecken* от чеш. *natáhnout bačkory* (рус. *откинуть манки*), *es steht sich dafür* от чеш. *stojí za to* (рус. *это того стоит*), *seine sieben Zwetschgen packen* от чеш. *sbalit si svých pět švestek* (рус. *собрать свои пожумки*), *das geht nicht aus* от чеш. *to nevyjde* (рус. *не выйдет, не получится*) [6].

Что касается влияний австрийского варианта немецкого языка, то здесь также в первую очередь стоит упомянуть лексические заимствования: чеш. *maturita* от австр. *Matura*, чеш. *karfiol* от австр. *Karfiol*, чеш. *angrešt* от австр. *Agrasel*, чеш. *rybíz* от австр. *Ribisel*, чеш. *hadr* от австр. *Hader* [6].

После Первой мировой войны и образования независимого государства Чехословакия чешский (наряду со словацким) становится государственным языком, немецкий вытесняется из всех сфер, несмотря на то, что доля немецкого населения остается достаточно высокой (30,6%). Эпоха образования этнонациональных государств в регионах, некогда входивших в состав Австро-Венгрии (Чехия, Словакия, Венгрия, Румыния, страны Балканского полуострова),

сделала массовый билингвизм своей жертвой, поскольку национальный язык является необходимым спутником национального государства и главным средством конструирования национальной идентичности. В Чехии создание национального государства (пусть даже общего со словаками) привело к установлению на два десятилетия ситуации диглоссии среди немецкого населения. В этот период чешский пуризм продолжает свой крестовый поход против германизмов. Рупором пуристов стал основанный в 1916 г. и выпускающийся до сих пор журнал *Naše řeč* («Наша речь»). Если в то время, когда работали редакторы Й. Зубаты (J. Zubatý) и В. Эртле (V. Ertl) (ученики Я. Гебауэра, основателя исторической школы в чешском языкознании), пуризм носил относительно сдержанный характер, то в 1929–1930 гг. при Й. Халлере (J. Haller) можно было снова наблюдать наступление на сохранившееся в немецком языке немецкое наследие, продолжавшееся до 1932 г., когда члены Пражского лингвистического кружка (В. Матезиус, Б. Гавранек, Р. Якобсон и Я. Мукаржовски) выступили с серией докладов, в которых агрессивный пуризм оценивался негативно, поскольку, как считали члены кружка, он расшатывал стабильность языковой системы. После этого события активный пуризм в научной среде начал угасать.

Оккупация нацистской Германией Судетов (1938) и создание временного протектората Богемии и Моравии (1939) вновь вызвали всплеск антинемецких настроений в обществе. Сравнительно нейтральное отношение чехов к немецкому языку сменяется ненавистью. По окончании Второй мировой войны около 3 млн судетских немцев были изгнаны из Чехословакии, немногие оставшиеся на ее территории из-за «железного занавеса» оказались отрезанными от Германии и Австрии и до окончания «холодной войны», по сути, образовывали языковой остров. Это событие ознаменовало конец массового немецко-чешского билингвизма на территории Чехии. В связи с крайне агрессивным настроением чехов и словаков по отношению к немцам, тем, кто не был изгнан по декрету Бенеша в 1946 г. (это были в основном шахтеры и рабочие-специалисты, необходимые на производстве, а также члены смешанных немецко-чешских семей), приходилось скрывать свое немецкое происхождение и владение немецким языком, поэтому многие судетские немцы избегали употребления родного языка даже в быту и часто специально не передавали

его знание своим детям. Это привело к резкому сокращению распространности индивидуального билингвизма. После прекращения существования коммунистической системы, воссоединения Германии и интеграции Германии и Чехии в Европейский Союз сохранившееся в Чехии немецкоязычное меньшинство вновь стало контактировать с немецкоязычными странами, однако о «воскрешении» массового билингвизма в будущем речь уже вряд ли может идти.

В настоящее время на территории Чехии проживают около 20 тыс. немцев (по данным на 2011 г.), что составляет всего 0,2 % от общей численности населения. Немецкий приобрел статус иностранного языка, по популярности значительно уступающего английскому, несмотря на достаточно негативное отношение чехов к немцам, удерживающего вторую позицию. Это объясняется прочными экономическими связями Чехии с Германией и Австрией, а также большим количеством немецких и австрийских туристов в Чехии. Массовый немецко-чешский билингвизм, некогда бывший основной характеристикой языковой ситуации Богемии и Моравии, в XX в. ушел в прошлое, но немецкое меньшинство, проживающее, в основном, в регионах, пограничных с Баварией, Саксонией и Австрией, а также в Праге, остается двуязычным, в том числе благодаря смешанным бракам. В целом языковую ситуацию этих регионов можно обозначить как диглоссию: чешский язык является официальным государственным языком, высоким по статусу и охватывающим все общественные сферы, немецкий, по всей видимости, служит языком межличностного общения в семье, а также в пределах немецкоязычной диаспоры.

Что касается состояния чешского языка, то, несмотря на многолетние усилия пуристов очистить родной язык от германизмов, эти попытки далеко не полностью увенчались успехом, так как многие слова и конструкции прочно «вжились» в чешский язык и стали его неотъемлемой частью. До сих пор в чешском продолжают существовать такие немецкие заимствования, калькирования и полисемантические слова, многозначность которых развилась под влиянием немецких эквивалентов, а также перенесенные из немецкого языка грамматические конструкции – это наследие, оставленное почти тысячелетним массовым билингвизмом, может представлять поле для научных изысканий в разных областях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Berger Tilman*. Tschechisch-Deutsche Sprachbeziehungen zwischen intensiven Kontakt und puristischer Gegenwehr // Unsere sprachlichen Nachbarn in Europa. Die Kontaktbeziehungen zwischen Deutsch und seinen Grenz-nachbarn (Hrsg. C. Stolz). – Bochum 2009. – S. 133–159.
2. *Bielfeld H. H.* Die slawischen Wörter im Deutschen. – Zentralantiquariat der Deutschen Demokratischen Republik, Leipzig, 1982. – 388 S.
3. *Blahak B.* Regionalismen in Franz Kafkas Deutsch am Beispiel seines Romans „Der Prozess“ // Sbornik prací filozofické fakulty brněnské univerzity. – R. 9. – 2004. – S. 182–198.
4. *Jelínek M.* Der Purismus in der Entwicklung der tschechischen Schriftsprache im 19. Und 20. Jahrhundert // Deutsch-tschechische Sprachbeziehungen. Germanismen, Personennamen, Ortsnamen. – Regensburg : Roder Verlag, 2000. – S. 9–64.
5. *Nekula Marek*. Franz Kafkas Sprache und Sprachlosigkeit // Brücken N.F. 15. – 2007. – S. 99–130.
6. *Newerkla S.* Bohemismen (und Slowakismen) in Wien (und Österreich)// Tribüne – Zeitschrift für Sprache und Schreibung. – 3/2009. – Wien, 2009. – S. 8–13.
7. *Newerkla S.* Sprachkontakte Deutsch – Tschechisch – Slowakisch. – Wien : Frankfurt am Main, 2011. – 780 S.
8. *Skála E.* Deutsch-tschechischer Bilinguismus // Sprachwandel und Sprach-geschichtsschreibung. – Düsseldorf (Sprache der Gegenwart. Bd, 41), 1977. – S. 260–279.
9. *Šlosar D.* Deutsch-tschechische Sprachkontakte // Deutsche und Tschechen. Geschichte. Kultur. Politik / Hrg. von W. Koschmal, M. Nekula, J. Rogall, Verlag C. H. Beck. – München, 2003. – S. 148–155.

УДК 81'34

Д. А. Зимарин

кандидат филологических наук,
ст. преподаватель кафедры фонетики немецкого языка
факультета немецкого языка МГЛУ; e-mail live25@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ РИТМУ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются современные способы обучения ритму иностранного языка, в том числе с помощью компьютерной программы. Успех коммуникации в основном зависит от навыка переключения между различными ритмическими структурами. Этот навык не является врожденным и требует тренировки.

Ключевые слова: фонетика; ритм; спонтанная речь; речевой ритм.

D. A. Zimarin

Ph.D., Senior Lecturer, Department of German Phonetics,
the Faculty of German, MSLU; e-mail live25@yandex.ru

MODERN METHODS OF TEACHING THE RHYTHM OF A FOREIGN LANGUAGE

The article deals with modern ways of training the speech rhythm of a foreign language, especially with the help of a computer programme. The success of communication depends mainly on the skill of switching between different rhythmical structures. This skill is not inborn and requires training.

Key words: phonetics; rhythm; spontaneous speech; speech rhythm.

При изучении иностранного языка особое внимание следует уделять освоению его ритма. Различные языки имеют различные ритмические структуры, например русскоязычные студенты, изучающие немецкий язык, должны уметь перестраиваться с ритма родного языка (легато) на ритм изучаемого языка (стаккато). От умения переключаться с одного ритма на другой часто зависит успех коммуникации. Освоение аутентичной ритмической структуры ведет к ослаблению акцента.

Цель статьи состоит в определении наиболее эффективных методов обучения ритму иностранного языка.

Формирование интонационно-произносительной нормы изучаемого языка, другими словами устранение акцента, является целью

практической фонетики. Акцент мы рассматриваем как особенности произношения, свойственные говорящему на неродном языке [3]. Причиной возникновения акцента является интерференция (воздействие русской фонетической системы на фонетическую систему изучаемого языка при обучении носителей русского языка иностранному [4]. Акцент может проявляться как на произносительном (артикуляционном) уровне, так и на ритмическом. Проявление акцента на ритмическом уровне часто зависит непосредственно от акцента на произносительном уровне. Например, долгота и краткость гласных в немецком языке, в отличие от русского, играет главную роль в построении ритма. Поэтому в первую очередь обучающийся должен почувствовать эту разницу, чтобы в дальнейшем самостоятельно исправлять свои ошибки.

Во многих учебниках программа постановки произношения построена от звука к предложению, таким образом обучающиеся тренируют произношение отдельных звуков, слов, а потом предложений. Так как речь состоит в основном из предложений, следует тренировать произношение слов непосредственно в предложениях. На начальной стадии обучения можно отрабатывать ритмическую структуру на простых предложениях, постепенно переходя к сложным, а затем к текстам. Тренировка ритмической структуры изначально на предложениях позволит обучающемуся в дальнейшем облегчить построение грамматической структуры. Как уже было отмечено выше, успех коммуникации на неродном языке зависит от переключения с одной ритмической структуры на другую. Это переключение важно не только для преподавателей, но и для переводчиков. Если не тренировать ритм в начале обучения, то возрастает опасность того, что обучающемуся будет уже сложнее перестроиться с ритма родного языка на ритм изучаемого.

В практике обучения иностранному языку существует большое количество упражнений на отработку ритма. Вот некоторые из них, предлагаемые Н. Д. Климовым [2] для постановки ритма немецкого языка:

1. Подготовительные упражнения

- а) студенты слушают несколько пар слов, в которых одно слово произносится с акцентом, а другое без ритмического акцента. Студенты должны назвать слово, произносимое без акцента;

- б) студентам предлагается прослушать несколько групп слов и указать, какие слова произносятся без акцента;
 - в) предлагается прослушать текст с сильным ритмическим акцентом, затем студент должен объяснить, какие фонетические средства отличают данный прослушанный текст от прочитанного без ритмического акцента.
2. *Упражнения, направленные на автоматизацию ритма речи*
- а) студентам предлагается прослушать скороговорки, а затем повторить их в таком же темпе;
 - б) студенты читают небольшие тексты, которые требуют определенного темпа, специальной расстановки пауз и различных акцентных групп, что требует различного ритмического оформления.
3. *Упражнения для выделения ударного слога*
- а) студентам предлагается прочитать словосочетания или составные слова с утрированным выделением ударного слога: *die-UM-weltverschmutzung; in-der-SCHU-le...*;
 - б) студентам предлагается прочитать сначала только ударный слог, соблюдая все фонетические правила (длительность, интенсивность), а затем весь речевой блок: *die HAUSaufgaben machen*.
4. *Упражнения для паузации*
- а) студенты делят предложенный текст на речевые блоки, размечая паузы между ними. Затем читают текст, учитывая отмеченные паузы. Приблизительно на каждой 2-секундной паузе интонация должна подниматься;
 - б) студенты слушают диалоги и пытаются повторить за дикторами, учитывая ритм и темп. Затем повторяют все предложения с увеличенными вдвое паузами. Темп внутри речевых блоков должен оставаться неизменным.
5. *Упражнения для тренировки свободной речи*
- а) студенты составляют предложения и произносят их с учетом аутентичного ритма;
 - б) студенты импровизированно рассуждают на заданную тему с учетом ритма изучаемого языка.

Для более наглядного обучения ритму иностранного языка можно использовать компьютерную программу Quick Read. Она предназначена для обучения быстрому чтению и бесплатна, это облегчает условия ее использования при обучении. Данная программа позволяет устанавливать длину каждой паузы, а также показывает графически длину каждого слога. Программа имеет бегущую строку, что помогает контролировать время, отведенное на проговаривание речевого блока [1].

*Упражнения с помощью программы Quick Read
для отработки навыка речевого ритма*

Студентам предлагается прочитать уже знакомый текст с помощью программы. На экране появляется текст, заранее размеченный для данной программы. Студент пытается его прочитать с заданными в программе темпом, паузами и ударными слогами. Ударные слоги выделяются графически (*ich heiÙe Klaus. Guten Tag*).

Студентам предлагается прочитать слова или словосочетания с помощью программы. Ударные слоги выделяются графически. На каждое слово отведено определенное количество времени.

Предложенное упражнение было опробовано при обучении студентов I и II курсов, изучающих немецкий язык. Анализ результатов показал, что улучшение ритма наблюдается у большинства студентов – как на I, так и на II курсе. Применение программы Quick Read будет наиболее эффективным в комплексе различных упражнений. Одним из преимуществ данной программы является возможность работы в домашних условиях, так как текст заранее подготовлен преподавателем (разбит на паузальные группы, выставлен темп и отмечены ударные слоги). К тренируемому тексту можно прилагать аудиозапись для сравнения результатов произношения студента и немецких дикторов.

В процессе обучения необходимо также тренировать ритм спонтанной речи при смене коммуникативной ситуации:

1. Студентам предлагается спонтанно описать слово, не называя его, на описание отводится определенное количество времени. По истечении времени студент описывает следующее слово.
2. Студентам предлагается описать ряд картинок, на это задание отводится определенное время. В процессе описания могут задаваться наводящие или дополнительные вопросы.

3. Студентам предлагается список терминов, пословиц или поговорок, которые они и должны объяснить за определенное время. Выражение собственного мнения и рассуждение на тему предложенного материала приветствуется.

Таким образом, используя приведенные выше упражнения, можно в кратчайшие сроки устранить акцент и добиться стабильности ритма речи обучающихся в любой коммуникативной ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зимарин Д. А.* Влияние коммуникативной ситуации на изменение ритма немецкой речи: экспериментально-фонетическое исследование : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2012. – 142 с.
2. *Климов Н. Д.* Zur Bewusstmachung rhythmischer Strukturen // Hirschfeld U. (Hrsg.). Aussprache. Fremdsprache Deutsch 12. – P. 23–25.
3. *Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов. – М. : Эксмо, 2008. – 944 с.
4. *Норк О. О., Милокова Н. А.* Фонетика немецкого языка. Практическое пособие для учителей средней школы. – М. : Просвещение, 1976. – 176 с.

УДК 81:004.738.5

В. А. Митягина

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и практики перевода института филологии и межкультурной коммуникации, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград; e-mail: mityagina@mail.ru

ПЕРЕВОД КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИ-, ТРАНС- И МЕЖКУЛЬТУРНОГО ТУРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Целью данной статьи является уточнение социокоммуникативной роли перевода как фактора формирования межкультурного туристического дискурса на основе анализа немецко- и русскоязычных текстов интернет-сайтов туристических компаний. Рассматриваются особенности перевода этих текстов.

Ключевые слова: международный туризм; комплексный характер туристического дискурса; вербальный контент; туристический интернет-дискурс; межкультурная коммуникация; перевод.

V. A. Mityagina

Advanced Doctor (Philology), Professor; Head of the Department of Theory and Practice Translation, Institute of Philology and Cross-cultural Communication, Volgograd State University, Volgograd; e-mail: mityagina@mail.ru

TRANSLATION AS A FACTOR IN POLY-, TRANS- AND CROSS-CULTURAL TOURISM DISCOURSE FORMATION

The article aims at specifying the role of translation as a factor in cross-cultural tourism discourse formation based on German and Russian texts posted on tourist companies' websites. Problems of translating such texts are analysed.

Key words: international hospitality and tourism; complex nature of tourism discourse; verbal content; travel Internet discourse; cross-cultural communication; translation.

Логические рассуждения о дифференциации культуры и цивилизации заводит в тупик феномен международного туризма. Как феномен цивилизации туризм является современной массовой формой организации путешествий и реализует потребности личности, связанные с диверсификацией возможностей и компетенций. Наряду с технологиями, изменившими традиционное восприятие времени и пространства (Интернет, сотовая связь), он реализует такие характеристики социокультурной реальности, как мобильность, виртуальность,

визуальность, акцентирование потребительских приоритетов. Туризм иллюстрирует реакцию социума на возможности, предлагаемые новыми технологиями для осуществления различных потребностей, и именно поэтому причастность к их удовлетворению стала одним из значимых статусных показателей современной личности. Многочисленные виды туризма являются отражением разнообразия интересов разных социальных групп, и в этой конгруэнтности коммуникация в сфере туристических практик является фокусным выражением туризма как феномена культуры.

Туризм, в первую очередь, в своей международной реализации, создает основы признания Другого: межкультурный туристический дискурс формируется в пространстве коммуникации, которая возможна только при условии готовности этносоциумов к диалогу, интеграции, в конечном итоге, к глобализации, потому что в туристической деятельности находит выражение одобрение сосуществования культур в индивидуальном опыте.

Туристический дискурс отличается синтетическим, гибридным характером, обусловленным многомерностью целей, тем, ценностей и разнообразием участников процессов взаимодействия. Гибридность туристического дискурса вне влияния интернет-коммуникации отмечает Н. В. Филатова, которая в поиске ответа на вопрос о типологическом статусе туристического дискурса констатирует его безусловную связь с рекламным дискурсом, рассматривает «проблему его генезиса: представляет ли он собой полифоническое соединение различных дискурсов, или является результатом их “скрещивания” (гибридизации)?» [7, с. 42]. Данную точку зрения разделяет и Н. А. Тюленева [5]. Вывод о том, что туристический дискурс представляет собой особый подвид рекламного дискурса, характерной чертой которого является гибридный характер отдельных компонентов макроструктуры воплощающих его текстов [7, с. 46], являет собой, безусловно, компромиссный вариант ответа. Анализ текста путеводителя позволил Н. В. Филатовой обнаружить признаки исторического и искусствоведческого дискурсов, синтез которых и обеспечивает комплексный характер туристического дискурса [6].

Отметим, что сложность данного коммуникативного феномена проявляется в переводе как дискурсивно обусловленном культурном трансфере [4, с. 60]. Растущее в геометрической прогрессии

количество видов туризма – традиционные оздоровительная и познавательная (экскурсионная) сферы достаточно сложно могут инкорпорировать деловой, спортивный, аграрный, гастрономический, военный, этнографический, археологический туризм и другие виды и подвиды названных вариантов организованного отдыха по интересам. Коммуникация в указанных сферах формирует специальные дискурсы, и современное развитие языков, проблемы межкультурной коммуникации и разработки особой технологии перевода, прежде всего, в интернет-пространстве, становятся исследовательскими объектами инициального характера. Традиционное изучение проблем передачи в переводе лексических, семантико-стилистических, этнолингвистических и лингвокультурологических особенностей контактирующих языков [1, с. 554] дополняют исследования ставших актуальными во всех видах перевода форм выражения коммуникативных табу и запретов [2, с. 52–53]. Таким образом, глобальный туристический дискурс как результат перевода являет собой значимый для получения данных, релевантных в осмыслении трендов развития коммуникации.

Представляется необходимым привести статистические данные, касающиеся роли текстов, созданных в результате перевода в направлении «русский язык↔немецкий язык».

1. По данным ресурса Internet World Stats основными пользователями Интернета по состоянию на 30 июня 2016 г. являются носители английского и китайского языков (26,3 % и 20,8 % от всех пользователей, соответственно), русского – 2,9 % (8-е место), французского – 2,8 % (9-е место), немецкого – 2,3 %, (10-е место) (<http://www.internetworldstats.com/stats7.htm>).

2. Процентные показатели по языкам, которые используются в контенте web-сайтов, несколько иные. Очевидным является доминирование английского языка: по результатам исследования, проведенного сервисом W3Techs австрийской компании Q-Success, по состоянию на 1 августа 2016 г. 53 % всех сайтов использовали английский язык (в апреле 2013 г. – 54,8 %), а восемь языками, которые используются хотя бы на 2 % сайтов, являются русский, немецкий, японский, испанский, китайский, французский, португальский, итальянский (<https://q-success.at/>).

Глобализацию (интернационализацию) контента всех реализуемых в интернет-пространстве дискурсов обеспечивает, таким образом,

английский язык, а ведущую роль в локализации контента играют языки, формирующие так называемую «ведущую десятку».

Применительно к заявленной проблеме отметим, что Европа уже второй век лидирует как объект туристических потоков, Германия принимает 10 % всех туристов, занимая третье место в мире после Испании и Франции, а сами немцы составляют 19 % путешествующих. Россия, по данным за 2015 г., занимает скромное 45-е место в списке из 141 страны, но динамично продвигается в рейтинге [3].

Обратимся к сопоставительному анализу контента, предлагаемого русскоязычным и немецкоязычным туристам на сайтах туристических информационных порталов, агентств и компаний.

Официальный туристический портал Берлина *visitBerlin* (www.visitberlin.de) является одним из крупнейших немецких многоязычных виртуальных проектов в сфере туризма и предлагает информацию для гостей столицы на 13 языках, включая китайский, арабский и японский. Иконическое оформление контента, посвященного достопримечательностям, почти полностью совпадает на всех языках. Безусловно, имеет место сокращение объема отдельных рубрик на всех языках, кроме исходного немецкого и глобального английского. Каковы особенности перевода на русский язык (www.visitberlin.de/ru)?

1. Безусловно, ведущее место в этом направлении локализуемого перевода занимает компрессия.

Сокращаются как целые тексты, так и их фрагменты, и не всегда элиминация оправдана. Так, нет на русском языке информации о Германно-русском музее Берлин-Карлхорст, созданном 10 мая 1995 г. в историческом здании, где был подписан акт о капитуляции вермахта. Есть информация на немецком языке, есть и на английском, с локализованным дополнением о тематической выставке в музее, посвященной 50-летию визита Дж. Кеннеди в Берлин и дополнением о визите Н. Хрущева в Берлин:

In the topical presentation, “50th Anniversary of John F. Kennedy in Berlin”, the museum discusses the reaction of the USSR and the visit of Soviet president Khrushchev to Berlin (www.visitberlin.de/en/spot/deutschrussisches-museum-berlin-karlshorst-german-russian-museum).

Отметим, что, в принципе, информационному portalу можно было бы ограничиться сноской на сайт музея, который, являясь совместным проектом Германии и России, представлен на немецком, русском

и английском языках (www.museum-karlshorst.de/ru.html). Вероятно, коммуникативно-прагматический фактор перевода уступает политико-прагматическим рамкам информационного пространства.

Не меньшее удивление вызывает компрессия, связанная с передачей прецедентной информации, значимой для знакомства с Берлином:

<p>Museumsinsel</p> <p>Das Welterbe der Kultur in Berlin</p> <p>www.visitberlin.de/de/ort/museumsinsel</p>	<p>Музейный остров</p> <p>Мировое культурное наследие</p> <p>www.visitberlin.de/ru/spot/muzeinyi-ostrov</p>	<p>Museum Island</p> <p>The world heritage of culture</p> <p>www.visitberlin.de/en/spot/museum-island</p>
<p>Die Museumsinsel in Berlin ist</p> <p>(1) ein grandioses Gesamtkunstwerk mit</p> <p>(2) fünf weltweit renommierten Museumsbauten, die in einem</p> <p>(3) außergewöhnlichen Ensemble versammelt sind. Zu den Highlights der Ausstellungen auf der Museumsinsel zählen u.a. die Nofretete und der Pergamonfries</p>	<p>Берлинский Музейный остров – это северная оконечность острова Шпреинзель, на которой расположен</p> <p>(1) грандиозный архитектурный ансамбль,</p> <p>(2) включающий пять музеев с мировым именем, собранных в</p> <p>(3) необычайную композицию</p>	<p>Berlin's Museum Island is (1) a magnificent work of art in its own right, an (3) extraordinary ensemble of (2) five world-renowned museums on an island in River Spree right in the heart of Berlin's city centre. The many highlights include the bust of Nefertiti and the Pergamon Altar</p>

Сравнение фрагментов на немецком и русском языке позволяет констатировать компрессию в комплексе с семантическим перераспределением, реализованным с помощью лексических и грамматических трансформаций. В тексте на немецком языке представлена важная для немецкоязычного посетителя сайта информация о том, что в берлинских музеях можно увидеть такие шедевры мировой культуры, как *Пергамский алтарь* и *бюст Нефертити*. В тексте на русском языке этих данных нет, информация дана только в соответствующих частях гипертекста, посвященным отдельным музеям, однако вторичный текст на английском содержит указание на главные шедевры

Музейного острова. Авторы сайта называют себя *рекламными агентами Берлина (Wir sind die Berlin-Werber!)* и в соответствии с правилами локализации рекламного текста должны четко следовать правилу максимального учета прагматики получателя. Почему в русскоязычном варианте локализованных переводов указано местоположение *Музейного острова – северная оконечность острова Шпреинзель?* Отметим, что этой детали нет в большинстве европейских версий. Прагматика локализационных замен такого плана требует отдельного исследования, как и логика политизированных добавлений, как например, в тексте о Памятнике и Центре документации «Берлинская стена»:

<p>www.visitberlin.de/de/ort/gedenkstaette-berliner-mauer</p> <p>Dokumentationszentrum</p> <p>Die anschauliche Ausstellung im Dokumentationszentrum zeigt die Geschichte des Mauerbaus 1961 und die Situation in der geteilten Stadt. Ein Aussichtsturm bietet einen eindrucklichen Blick auf die erhaltenen Teile der Grenzanlage. Der Turm ist täglich von 9.30 Uhr bis 16.30 Uhr geöffnet.</p>	<p>www.visitberlin.de/ru/spot/pamyatniki-i-tsentr-dokumentatsii-berlinskaya-stena</p> <p>Центр документации</p> <p>Наглядная экспозиция в центре документации показывает историю возведения Стены в 1961 году и ситуацию в разделенном городе. С вышки открывается впечатляющий вид на сохранившиеся части пограничных сооружений и памятник, который напоминает о разделении города и жертвах коммунистической тирании.</p>
---	--

Контент ограничен жесткими рамками сайта, и вставка в русскоязычный текст придаточного предложения *о памятнике, который напоминает о разделении города и жертвах коммунистической тирании*, имеет место за счет пропуска информации о графике работы вышки. Текст туристического портала, рекламирующего Берлин как туристический объект, выполняет, таким образом, наряду с информативной и оперативной функциями эмотивную, экспрессивную функцию. Изменение коммуникативно-функциональной программы текста, безусловно, связано со сменой адресата и своей тенденциозностью наводит на мысль о том, что перевод выполнен достаточно давно, в начале 90-х гг., когда демократические процессы формировали общую систему ценностей, и апелляция к ним создавала общее социокommunikативное

пространство. Современный мир преодолевает другие вызовы, и глобальный поликультурный туристический дискурс как никакой другой ориентирован на расширение этого пространства, поэтому добавление информации в русле коммуникативно-прагматического выполнения перевода может быть релевантным только с учетом актуального ситуативного контекста. Отметим, что помехи в формировании пространства многоязычного туристического дискурса создают и тексты перевода, выполненные с ошибками разного плана.

Роль Калининградской области, как уникального в истории России и Германии региона, сложно переоценить, и преодоление прошлого – сложная и многоплановая проблема, решению которой эта туристическая дестинация могла бы способствовать. Тексты, представленные на портале Регионального информационного центра туризма Калининградской области (*visit-kaliningrad.ru/*), свидетельствуют о том, что, к сожалению, имеет место традиционное пренебрежение качеством вербального контента:

<i>visit-kaliningrad.ru/</i>	<i>visit-kaliningrad.ru/de/</i>
1. Калининградская область – самая западная часть России, один из красивейших и необычных регионов страны	1. Kaliningrader Gebiet ist der westlichste Teil Russlands und wohl <u>die schönste und auffallende</u> Region des Landes
2. Еще в начале XX века курорты, расположенные на территории области, были очень популярны для отдыха европейской аристократии	2. <u>Kurorten</u> auf dem Territorium des Gebiets sind schon <u>seit 20.</u> Jahrhundert sehr <u>populär für die Erholung</u> der europäischen Aristokratie
3. Город или деревня, усадьба или избушка, завтрак в номер или спальный мешок – выбор проживания в Калининградской области за Вами!	3. Ob am Wochenende oder in den Ferien, mit Freunden oder mit der Familie – in Kaliningrad finden Sie Unterkünfte verschiedener Kategorien und Preisklassen für jede Aufenthaltsdauer

Безусловно, негативное впечатление производят грамматические и речевые ошибки, допущенные и в исходном тексте, и в тексте

перевода на немецкий язык (см. примеры 1 и 2). Извечный вопрос «кто виноват» здесь не требует долгих поисков: виноваты редакторы и переводчики сайта. К сожалению, достаточно часто имеет место неадекватная оценка значимости качества текста в презентации региона, компании, проекта и т. п., и ошибки изначально программируют на отрицательное восприятие содержания текста. Отметим, что на портале представлены и фрагменты, выполненные в полном соответствии с нормами коммуникативно-прагматического перевода (пример 3). Создается впечатление эклектичности гипертекста, что также не способствует успешному формированию межкультурного дискурса в пространстве данного туристического портала. Сайты такого рода призваны выполнить инициальную функцию: их посетители в большинстве случаев – это не опытные путешественники, хорошо знающие цель планируемой поездки, а те, кто впервые планирует посетить регион.

Интересными для анализа являются тексты, предлагаемые туроператорами, двуязычный контент которых формирует билингвальный коллектив сотрудников: таковыми являются русскоязычные туристические бюро в Германии, многие из них в последние годы стали признанными лидерами в своей сфере. Вербальный контент высокого качества предлагает, например, компания LEVITIN REISEN:

www.levitin.de/de/info/company/	www.levitin.de/info/company/
1. IHR REISESPEZIALIST FÜR GUS-LÄNDER UND MEHR	1. ВЕДУЩИЙ ТУРОПЕРАТОР ГЕРМАНИИ
2. REISEVERANSTALTER seit 1996	2. 1996–2016 НАМ 20 ЛЕТ
3. LEVITIN REISEN – FÜHRENDER REISEVERANSTALTER DEUTSCHLANDS	3. LEVITIN REISEN – ВЕДУЩИЙ ТУРОПЕРАТОР ГЕРМАНИИ
4. Interkon Travel Service GmbH (Levitin Reisen) ist ein russischsprachiger Reiseveranstalter in Deutschland mit einem breitem Spektrum an Reiseangeboten, welches sowohl Inbound- als auch Outbound-Tourismus miteinbezieht	4. Interkon Travel Service GmbH / Levitin Reisen – многопрофильный русскоязычный туроператор Германии, который специализируется как на въездном, так и на выездном туризме

<p>5. Das Unternehmen operiert erfolgreich seit 1996 auf dem deutschen Tourismus Markt und ist seither bekannt als «Levitin Reisen» - der Reiseveranstalter für Städte-Reisen innerhalb Deutschlands und Europa</p>	<p>5. На туристическом рынке Германии компания успешно работает с 1996 года и все эти годы является владельцем бренда Levitin Reisen – организатора экскурсионных туров по Германии и Европе</p>
<p>6. Momentan ist der Markenname Levitin Reisen nicht nur ein Brand, sondern ein standfester Begriff von einem intelligenten Arbeitsstil und hoher Qualität der angebotenen Dienstleistungen</p>	<p>6. На сегодняшний день марка Levitin Reisen – это не просто бренд, это устойчивое понятие, определяющее интеллигентный стиль работы и высокое качество предоставляемых услуг</p>
<p>7. Warum wir?</p> <ul style="list-style-type: none"> • Professionelles Team in Russland und Deutschland; • Ein breites Angebot an Ausflugsprogrammen • Langjährige Geschäftskontakte in ganz Europa; • Das ideale Preis-Leistungsverhältnis • Rechtzeitigkeit und Genauigkeit der Bearbeitung von Bestellungen; • Einmaliges Reisebuchungssystem on-line 	<p>7. Почему мы?</p> <ul style="list-style-type: none"> • Профессиональный коллектив в России и в Германии • Богатый ассортимент авторских экскурсионных программ • Наличие многолетних деловых контактов по всей Европе • Идеальное соотношение цены и качества • Своевременность и четкость обработки заказов • Уникальная система бронирования туров on-line

Презентационный текст компании производит благоприятное впечатление в обеих языковых версиях. Автор исходного текста на немецком языке и переводчик владеют языковыми средствами туристического дискурса, транслят представляет собой хороший результат коммуникативно-прагматического перевода. Предложенные соответствия отражают ориентированность компании на русскоязычных гостей Германии и немецко- и русскоязычных туристов, заинтересованных в разных турах, от небольших туров выходного дня до морских круизов.

На русском языке подчеркнута роль компании как *ведущего туроператора Германии* (1, 3), поскольку для русскоязычного получателя текста важно знать, что это надежная фирма с хорошей репутацией. Это усиливает информация о том, что *нам 20 лет* (2), а на исходном немецком языке номинация более развернутая, важная для участников выездного туризма: наряду с тем, что (3) *Levitin Reisen – führender Reiseveranstalter Deutschlands* (3), присутствует еще одна характеристика (1) *Ihr Reisespezialist für GUS-Länder und mehr / Организатор Ваших путешествий в страны СНГ и не только* (перевод наш. – В. М.). В функциональном переводе на русский язык презентация компании как *ведущего туроператора Германии* становится доминантной.

Отметим весьма удачное использование приемов перераспределения семантических компонентов и развертывания в переводе, которые предпринимаются с целью использования узуально адекватной специальной лексики в дискурсивных коллокациях:

- (4) ein russischsprachiger Reiseveranstalter in Deutschland mit einem breitem Spektrum an Reiseangeboten – *многопрофильный русскоязычный туроператор Германии.*
- (7) ein breites Angebot an Ausflugsprogrammen. – *Богатый ассортимент авторских экскурсионных программ.*

Соответствия единиц специальной лексики отличаются актуальностью и дискурсивной конвенциональностью:

- der Inbound- und Outbound-Tourismus / *вездной и выездной туризм;*
- das ideale Preis-Leistungsverhältnis / *соотношение цены и качества;*
- Reisebuchungssystem on-line / *система бронирования туров on-line.*

Как билингвальная и бикультурная компетенция создателей немецко-русского контента сайта компании LEVITIN REISEN «работает» в переводе текста, созданного для русскоязычного получателя, знакомого с целью путешествия? Одно из предложений туроператора – недельное пребывание в сочинском санатории (см. далее).

<p>http://www.evitin.de/trip/show/?id=5519</p>	<p>http://www.evitin.de/tour/show/sochi-reise-sommer/</p>
<p>ОТДЫХ И ЛЕЧЕНИЕ В СОЧИ</p>	<p>SOCHI „EINE REISE INS SOMMER“</p>
<p>Санаторий «Южное взморье» – санаторно-курортный комплекс «Знание»</p>	<p>Heilstätte „Yuzhnoye vzmor'ye“</p>
<p>7 ночей в отеле с 3-разовым питанием Отдых на море и лечение</p>	<p>7 Ночи в отеле с Vollpension Erholung am Meer, Heilbehandlung und Ausflüge</p>
<p>1 tag. Вылет из Германии. Трансфер. Размещение по наличию мест – в Санатории «Южное взморье» или в санаторно-курортном комплексе «Знание» на берегу Черного моря. Ужин в ресторане отеля. Отдых. Санаторий «Южное взморье» – одна из лучших здравниц черноморского побережья, располагающая широкими возможностями для отдыха и оздоровления круглый год. Лечебно-диагностическая база медицинско-го центра оснащена новейшим оборудованием. В центре работает квалицированный медицинский персонал. Санаторий «Южное взморье» предлагает для гостей роскошные и комфортабельные номера, высокий уровень сервиса и широкий спектр услуг. Здравница расположена на живописной территории дендро-парка в 11,5 гектаров с беседками и фонтанами. Собственный оборудованный галечный пляж, открытый и крытый бассейн с морской подогретой водой, теннисные корты, тренажерные залы позволят провести отпуск активно. Аниматоры и развлекательные программы добавят положительных эмоций. Санаторий «Южное взморье» по праву считается центром культурной жизни Адлера, на площадке здравницы проходят концерты звезд эстрады. Инфраструктура санатория позволяет успешно проводить деловые встречи и презентации. Санаторий находится в центре Адлера, в 2 км от аэропорта и железнодорожного вокзала</p>	<p>1 tag. Transfer. Unterbringung in die Heilstätte „Yuzhnoye vzmor'ye“, einer der besten Heilkuren an der Schwarzmeerküste, die das ganze Jahr für sie geöffnet ist. Das Gesundheitszentrum verfügt über die neuesten Technologien und den qualifizierten Personal. Das Sanatorium bietet ihnen komfortable Zimmer, guten Service und einen breiten Spektrum an Dienstleistungen. Die Heilstätte befindet sich auf dem Arboretum mit 11,5 Hektar Fläche mit eigenen Gartenlauben und Fontänen, sowie eigener Kiesstrand, Schwimm- und Freibad mit aufgeheiztem Meerwasser, Tennisplätze und Fitnesssäle. Dies alles ermöglicht ihnen aktiv ihren Urlaub zu gestalten. Positive Emotionen garantieren unsere Animatoren und verschiedenen Unterhaltungsprogramme. Das Sanatorium zählt zu Recht zu den zentralen kulturellen Orten Adlers, da es auch Konzerte auf der Fläche der Heilstätte veranstaltet werden. Durch eine gut angelegte Infrastruktur können hier auch Businessstreffen und Präsentationen veranstaltet werden. Der Kurort befindet sich zentral und ist 2 km vom Flughafen und Bahnhof entfernt. Süd-Meer, Süd-Sonne, Südküste erwarten euch! Abendessen im hotel-eigenen Restaurant</p>

Следует подчеркнуть, что исходный текст в два раза больше транслята, потому что предлагает историю санаторно-курортного комплекса «Знание», в который входит санаторий «Южное взморье»: это больше тридцати лет успешной работы в области реабилитационной медицины, специализация комплекса – болезни сердечно-сосудистой системы, опорно-двигательного аппарата, периферической и центральной нервной системы. В тексте названы имена ученых, космонавтов, известных людей, которые, как и более 270 тыс. других, отдыхали и лечились в этом санаторном комплексе. Этот андеграунд значим для русскоязычных туристов, которые собираются совершить ностальгический тур по знакомым местам, но не релевантен для избравших Сочи в качестве цели недельного путешествия с возможностью совершить экскурсии и получить набор лечебных процедур немецкоязычных гостей. В тексте выделены жирным шрифтом фрагменты, которых нет в сравниваемых версиях: «звездность» выступающих на концертах в комплексе относительна для немецких туристов, как и детали размещения, поскольку условия размещения прописаны в договоре, и указание на данную вариативность в рекламно-информационном тексте не соответствует конвенциям таких текстов в немецкой лингвокультуре. Чужеродным элементом является и добавление *Süd-Meer, Süd-Sonne, Südküste erwarten euch!* / Южное море, южное солнце, южное побережье ждут вас! (перевод наш. – В. М.) Обращение на *ihr* (ты во множественном числе), а не на *Sie*, не соответствует всему тексту, описывающему 7-дневную программу пребывания с использованием только вежливой формы: *Ihre Prozeduren erwarten sie heute nach dem Frühstück*. Орфографические «странности» типа *1 tag* или *sie* – не редкое явление в интернет-дискурсе, поэтому не сравнимы с допущенной вставкой по степени нарушения конвенционального единства текста.

В целом, тексты хорошо выполняют свою коммуникативную функцию, и успех компании в туристической отрасли в течение продолжительного времени, безусловно, объясняется и ее отношением к созданию и переводу текстов официального сайта.

Таким образом, можно говорить о чрезвычайно высокой социокоммуникативной ответственности гипертекстов туристического Интернет-дискурса: они выполняют роль «портала» в другую страну, визитной карточки данного инокультурного пространства. Качество

контента туристического сайта (его вербальные и иконические компоненты) становится, таким образом, гарантией успеха межкультурной коммуникации агентства как отправителя текста и интернет-пользователя как его получателя. Перевод формирует многоязычный туристический дискурс, предлагая локализованный текст на родном для получателя языке во всей полноте его стилистических, лингвопрагматических, лексических, грамматических и лингвокультурных характеристик. Интернет выступает в качестве мультиплицирующего интерактивного пространства, которое успешно и эффективно умножает информационно-коммуникационный потенциал функционирующих текстов, и туристический дискурс приобретает синтетический, комплексный, транс-, поли- и межкультурный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гацалова Л. Б., Мартазанов А. М., Парсиева Л. К.* К проблеме эквивалентного перевода лексико-фразеологических единиц // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 3. – С. 554–561.
2. *Гусейнова И. А.* Институциональные аспекты межкультурной коммуникации // Культурно-языковая реальность: философское и регионоведческое измерение. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2012. – С. 26–31. – (Вестник Московского государственного лингвистического университета; вып. 11 (644). Сер. Философия и культурология).
3. *Кульгачев И. П., Низовцева А. И.* Россия в мировом рейтинге по индексу конкурентоспособности путешествий и туризма // Молодой ученый. – 2016. – № 6. – С. 477–483.
4. *Новикова Э. Ю.* Дискурсивно обусловленный культурный трансфер в переводе путеводителя // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2014. – № 3 (22). – С. 60–66.
5. *Толенева Н. А.* Лингвокогнитивные стратегии позиционирования и продвижения туристических услуг в российской и англо-американской рекламе : дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2008. – 269 с.
6. *Филатова Н. В.* Жанровое пространство туристического дискурса // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова «Филологические науки». – 2012. – № 2. – С. 76–82.
7. *Филатова Н. В.* Туристический дискурс в ряду смежных дискурсов: гибридикация или полифония? // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – 2012. – № 3. – С. 41–46.

УДК 81'34

Д. Т. Поздеева

аспирант кафедры фонетики английского языка ФАЯ МГЛУ;
e-mail: da_pozdeeva@mail.ru

СЛОВЕСНОЕ УДАРЕНИЕ В КАНАДСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: НОРМА И УЗУС

В статье представлен сопоставительный анализ кодифицированных норм ритмической структуры отдельных слов в британском, американском и канадском вариантах английского языка. Кроме того, описаны результаты акустического исследования речи 68 носителей канадского варианта, направленного на выявление реально используемых акцентных структур слов, в ходе которого было установлено, что канадцы ориентируются, в основном, на американскую модель постановки ударения.

Ключевые слова: словесное ударение; кодифицированная норма; канадский вариант английского языка; ритмическая структура слова.

D. T. Pozdeeva

Post-graduate student, Department of English Phonetics,
Faculty of English Language, MSLU;
e-mail: da_pozdeeva@mail.ru

WORD STRESS IN CANADIAN ENGLISH: NORM AND USAGE

The article presents a comparative analyses of the codified rules of separate words' rhythmic structures in British, American and Canadian Englishes. Moreover, the results of the acoustic study of 68 Canadian speech samples aimed at revealing the rhythmic word structures used in real speech is offered here. The study has shown that Canadians use mainly American rhythmic models.

Key words: word stress; codified rules; Canadian English; rhythmic word structure.

Введение

В течение последних десятилетий в научной литературе активно прорабатывается вопрос об автономности канадского варианта английского языка. При этом в центре внимания лингвистов оказываются разные аспекты языка: региональная дифференциация английского языка в Канаде, диахронический обзор канадского варианта как колониально-го преемника британского варианта английского языка, а также явления в английском языке, позволяющие разграничить его варианты.

Дж. Чэмбэрс [9] отмечает, что для большинства людей канадский вариант английского языка является разновидностью, скорее, американского, нежели британского английского, хотя во времена правления королевы Виктории предполагалось, что жители Канады как государства, сохранившего тесную связь с Великобританией после американской революции 1776 г., должны, помимо прочего, использовать и британский вариант языка. К середине XIX в. изменения, произошедшие в языке канадцев, описывались как «незаконные и вульгарные инновации» [8, с. 2]: сегодня такой комментарий можно расценивать как резко негативную оценку наблюдаемых явлений. В числе основных событий, повлекших за собой американизацию канадской речи, автор выделяет две волны иммиграции в Канаду (в основном из Нью-Йорка и Пенсильвании) – 1784 и 1791 гг. В ответ на эти действия с 1830 по 1860 гг. около 300 тыс. британцев были отправлены в Канаду для укрепления позиций Великобритании. Но, как отмечает Дж. Чэмбэрс, им пришлось настраиваться на тогда уже устоявшиеся основы канадского варианта, в частности следить за тем, чтобы их дети использовали в речи только канадский вариант. Таким образом, опираясь на приведенные данные, мы можем предположить, что к концу XIX в. уже началось обособление и самостоятельное развитие канадского варианта английского языка.

У. Эвис [4] описывает канадский вариант английского языка как гибрид, «смесь» американского и британского вариантов, который в то же время включает в себя явления, характерные только для канадского варианта.

Нельзя также забывать о том, что язык – это живое, постоянно меняющееся явление, подверженное различным влияниям. С. Долинжер и С. Кларк в работе «Об автономности и однородности канадского варианта английского языка» («On the Autonomy and Homogeneity of Canadian English») [10] отмечают, что в период с 1980-х до начала 1990-х гг. лингвисты склонялись к тому, что возросшее влияние американского варианта привело к американизации канадского варианта английского языка, и отличие между ними настолько несущественно, что их можно объединить в так называемый североамериканский вариант английского языка. Позднее, к середине 1990-х гг., была проведена реформа канадской орфографии, предписывающей использование канадского варианта для написания

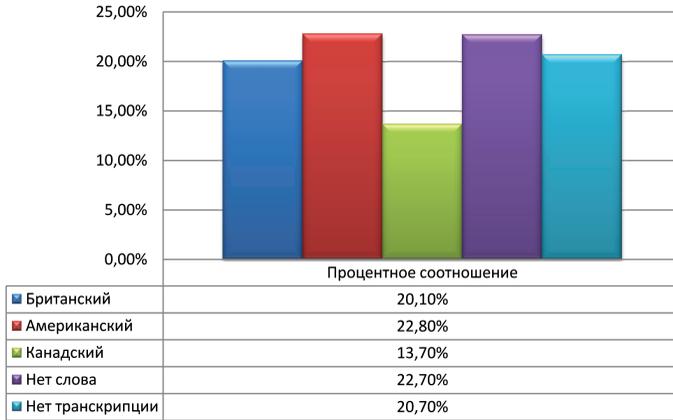

Рис. 1. Распределение канадской акцентной нормы

отдельных слов. Ранее, в 1967 г., был издан *Dictionary of Canadian English: The Senior Dictionary* [11], за ним в 1998 г. последовал *Canadian English Dictionary* [7]. Совокупность этих событий можно рассматривать как завершение кодификации канадского варианта английского языка.

Тем не менее закрепление нормы того или иного языкового явления не гарантирует того, что оно будет соблюдаться всеми носителями языка или его варианта. В данной работе была предпринята попытка сравнения кодифицированной нормы акцентной структуры отдельно взятых слов и их реального употребления носителями канадского варианта английского языка, а также соотнесения акцентных структур слов в британском, американском и канадском вариантах.

Методология исследования

В качестве основы для сопоставительного анализа был использован список слов, отобранных для эксперимента Е.А. Бурой [1], в котором она рассматривала несовпадающие акцентные модели слов в британском и американском вариантах английского языка на материале 16-го издания словаря Д. Джоунза *English Pronouncing Dictionary* (2003). Изучение канадского варианта проводилось при помощи 2-го издания словаря *Canadian Oxford Dictionary* под редакцией К. Барбер [8]. Всего в эксперименте было проанализировано 1384 слова.

На первом этапе эксперимента был проведен сравнительный анализ кодифицированной нормы акцентных структур слов в трех вариантах английского языка при помощи *English Pronouncing Dictionary* (2003) и *Canadian Oxford Dictionary* [8]. Полученные результаты можно представить в виде следующей схемы (см. рис. 1).

По итогам эксперимента было получено пять групп слов; канадская акцентная модель совпадает с: 1) британской или 2) американской моделью, 3) имеет структуру, отличную от обоих вариантов; 4) отсутствует, так как слово не представлено в словаре и 5) отсутствует, так как слово представлено в словаре без транскрипции.

Особый интерес представляет сопоставление первых трех групп. Разница в количестве слов, акцентная структура которых совпадает с британским или американским вариантом, составила всего 2,7% с преобладанием американского. Таким образом, мы можем предположить, что норма канадского английского предписывает использование британского и американского вариантов примерно в равной пропорции. Что касается третьей группы, в которую попали слова с канадской акцентной структурой, то она менее многочисленна (13,7%), но уже сам факт ее существования говорит о том, что английский язык в Канаде не является лишь сочетанием британской и американской нормы, он обладает достаточной степенью автономности, которая проявляется в том числе и на уровне ритмической организации речи.

В четвертую группу попали имена собственные, а также сложные слова, отличающиеся низкой частотностью употребления. Степень частотности была установлена с использованием корпуса *Canadian English Corpus* [6], включающим в себя не только печатные тексты различных жанров, но и устную речь. Общий объем корпуса составляет 50 млн слов. Следует также отметить, что после проведения корпусного анализа было установлено, что 93,5% слов обладают частотностью $\leq 0,0005\%$ (от общего объема корпуса). В последнюю группу попали, наоборот, высокочастотные слова, поэтому здесь можно сделать два вывода: 1) либо канадская акцентная норма для этих слов еще не сформировалась, что маловероятно; 2) либо выбор британской, американской или собственно канадской модели не является принципиальным для носителей этого варианта языка.

Вторым этапом эксперимента стал аудиторский анализ 68 образцов спонтанной монологической речи канадцев из десяти регионов:

Альберта, Британская Колумбия, Манитоба, Нью-Брансуик, Ньюфаундленд, Новая Шотландия, Онтарио, остров Принца Эдуарда, Квебек и Саскачеван. Возраст информантов – от 12 до 75 лет. Общее время звучания – 2 часа 10 минут. Информанты рассказывали о себе; о месте, в котором живут; об интересных событиях из жизни.

Результаты анализа

В результате проведенного анализа в речи информантов было найдено 10 слов (17 употреблений) из первоначальной выборки. Такой скромный результат также объясняется низкой частотностью исследуемых единиц речи. Тем не менее полученные данные позволяют делать выводы о тенденциях, присущих ритмической структуре канадского варианта английского языка. Ниже приводятся сведения о сопоставлении кодифицированных вариантов и реального употребления акцентных моделей.

Таблица 1

Выборка слов без транскрипции в канадском словаре

Слово	Британский словарь	Американский словарь	Канадский словарь	Канадская речь
Elsewhere	,'-'	'--	–	'--
Somebody	'---	'--'	–	'- --
				'- --
Adults	'--	-'-	–	,'-'

Как мы видим, полученные данные удалось распределить по двум группам: в первую (см. табл. 1) попали *elsewhere*, *somebody* (два употребления), *adults* – высокочастотные слова, представленные в канадском словаре без транскрипции. Таким образом, возможно сопоставить реальное употребление этих единиц речи только с британским и американским кодифицированными вариантами. В трех случаях из четырех (*elsewhere*, *somebody* × 2) акцентная модель произносимого слова совпадает с американским вариантом, и в одном случае (*adults*) она отличается и от британского, и от американского вариантов: на первом слоге появляется второстепенное ударение. Полученные результаты можно представить в виде следующей схемы (см. рис. 2).

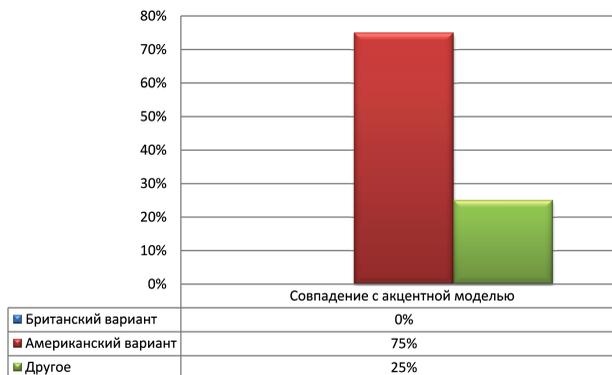

Рис. 2. Совпадение акцентных моделей в реальной речи с британским и американским кодифицированными вариантами

Во вторую группу попали слова, представленные в канадском словаре с транскрипцией: *researching*, *electricity*, *Waterloo*, *garage*, *celebratory*, *glace*, *Newfoundland*. На каждом из них стоит остановиться более подробно.

Таблица 2

Выборка слов с транскрипцией в канадском словаре

Слово	Британский словарь	Американский словарь	Канадский словарь	Канадская речь
Research(ing)	- ' _	' _ _	' _ _	' _ - (-)
Electricity	' _ - ' _ - -	- ' _ - ' _ - -	' _ - ' _ - -	- ' _ - ' _ - -
Waterloo	' _ - ' _	' _ - -	- - ' _	' _ - - ' _ - -
Garage	' _ _	- ' _	- ' _	- ' _
Celebratory	' _ - - ' _ - -	' _ - - - -	' _ - - - -	' _ - - - -
Glace	' _ _	- ' _	' _ _	- [gleis] -
Newfoundland	- ' _ - -	' _ - -	' _ - - ' _	' _ - - ' _ - - ' _ - - ' _ - -

Несмотря на то, что словарный вариант слова *research* отличается от формы, употребленной информантом в речи, сопоставление акцентных моделей в данном случае возможно, поскольку формообразующий суффикс *-ing* не оказывает влияния на ритмическую структуру слова. Как видно из таблицы 2, кодифицированные нормы в американском и канадском вариантах для данного слова совпадают – главное ударение падает на второй слог, но в реальном употреблении на первом слоге появляется второстепенное ударение.

Ритмическая структура слова *electricity* демонстрирует интересную тенденцию: ее кодифицированные варианты совпадают в британском и канадском словарях (, - - ' - - -), в то время как реальная речь ориентирована на американский вариант (- , - ' - - -).

Слово *Waterloo* попадает в группу речевых единиц, ритмическая структура которых различается в трех вариантах. В то же время позиция главного ударения в канадском и британском кодифицированных вариантах совпадает (на предпоследнем слоге), но в британском существует еще и второстепенное ударение на первом слоге. В речи информантов эта речевая единица встретила дважды, в обоих случаях ритмическая структура совпадает с американским кодифицированным вариантом.

Варианты структуры слова *garage* совпадают как в американском и канадском словарях, так и в реальном употреблении: главное ударение падает на второй слог, тогда как в британском варианте – на первый.

Пятисложное слово *celebratory* является единственным примером, в котором позиции главного и третичного ударений совпадают в канадском словаре и в речи информантов (' - - - , - -). Кроме того, здесь есть ритмическая тенденция, характерная для канадского варианта в целом.

Одинаковые словарные варианты слова *glace* встречаются в британском и канадском словарях – здесь главное ударение падает на первый слог, а в американском – на второй. В то же время канадцы произносят его как [gleis], т. е. структура слова становится односложной, и вопрос о позиции ударения перестает быть актуальным.

В речи трех информантов встретилось пять употреблений слова *Newfoundland*; ритмическая структура оказалась неизменной в каждом из них: главное ударение падает на первый слог, как и в кодифицированной американской модели. Что касается двух других вариантов,

в британском существует только главное ударение на предпоследнем слоге, а в канадском – второстепенное на первом и главное на последнем слогах.

Как видим, ритмическая структура многих слов в речи канадцев ориентирована в большей степени на американские акцентные модели, несмотря даже на то, что позиция ударения в канадской произносительной норме часто является совершенной иной. Результаты данной части эксперимента представлены ниже (см. рис. 3).

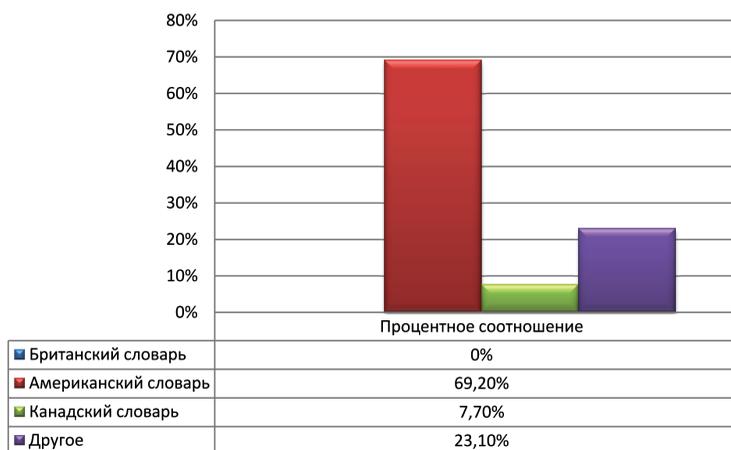

Рис. 3. Совпадение акцентных моделей в реальной речи канадцев с тремя кодифицированными вариантами

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие **выводы**.

1. С точки зрения кодифицированной нормы ритмическая структура слов в канадском варианте английского языка ориентируется примерно в равной степени и на британский, и на американский варианты. Кроме того, значительная часть слов имеет канадскую, т. е. отличную от двух других вариантов, ритмическую структуру.

2. С точки зрения употребления слов в речи в подавляющем большинстве случаев говорящие пользуются американским вариантом, несмотря на то, что канадский словарь в качестве нормы предлагает иные акцентные модели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурая Е. А. Акцентуация в британском и американском вариантах английского языка: конвергенция или дивергенция? // Фонетика и фонология дискурса. – М. : Рема, 2010. – С. 23–41. – (Вестник Моск. гос. лингвист. ун-та, вып. 1 (580). Сер. Языкознание).
2. Постникова Л. В., Бурая Е. А., Галочкина И. Е., Шевченко Т. И. Типология вариантов фонологической системы английского языка: монография / под ред. Т. И. Шевченко. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2012. – 194 с.
3. Шевченко Т. И. Социофонетика. Национальная и социальная идентичность в английском произношении. – М. : Ленанд, 2015. – 232 с.
4. Avis W. S. The English Language in Canada // Current Trends in Linguistics / ed. by Th. Sebeok. – 1973. – Vol. 10/1. – P. 43–51.
5. *Boberg Ch.* The English Language in Canada. Cambridge. – Cambridge University Press, 2010. – 272 p.
6. Canadian English Corpus. – URL : <http://corpus.byu.edu/can/>
7. Canadian English Dictionary / ed. by K. Barber. – 1st ed. – Oxford University Press, 1998.
8. Canadian English Dictionary / ed. by K. Barber. – 2nd ed. – Oxford University Press, 2004.
9. Chambers J. K. “Lawless and Vulgar Innovations”: Victorian Views on Canadian English // Focus on Canada / ed. by Sandra Clarke. – John Benjamins Publishing Company, 1993. – P. 1–26.
10. Clarke S., Dollinger S. On the Autonomy and Homogeneity of Canadian English // World Englishes. – 2012. – Vol. 31, No 4. – P. 449–466.
11. Dictionary of Canadian English: The Senior Dictionary / ed. by Walter S. Avis, P. D. Drysdale, R. J. Gregg and M. H. Scargill. – Toronto : Gage, 1967.

УДК 811.111.'276.6:34

Т. В. Ускова

кандидат филологических наук, профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права юридического факультета; e-mail:t-uskova@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА АНГЛОЯЗЫЧНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО АКТА

В статье систематизируются особенности структуры текста англоязычных законодательных актов, а также рассматриваются некоторые причины их возникновения.

Ключевые слова: английский юридический язык; закон; законодательный акт; термин.

T. V. Uskova

Ph.D., Professor, the Chair of Linguistics and Professional Communication in the Law, Law Faculty, MSLU; e-mail: t-uskova@bk.ru

STRUCTURAL PECULIARITIES OF THE TEXT OF ENGLISH LANGUAGE LAWS

The article summarizes structural peculiarities of the text of English language laws and considers certain reasons of their existence.

Key words: legal English; law; draft; term.

Тексты английских законов давно приобрели печальную славу благодаря своим многословным, но расплывчатым формулировкам, сложным конструкциям и синтаксису, бессмысленным повторениям и архаизмам. По мнению юристов, все это позволяет достичь точности, однозначности, а также включить в текст закона все возможные варианты. Однако неспециалисты считают подобный подход некой уловкой, цель которой – не позволить человеку, не имеющему юридического образования, понять содержание текста. Истина, как обычно, лежит где-то посередине.

Чтобы оценить, насколько действительно текст английского закона сложен, необходимо рассмотреть, какие коммуникативные задачи пытаются решить юристы при составлении положений того или иного закона.

Текст закона всегда максимально обезличен и деконтекстуализирован, в том смысле что его иллокутивная сила остается неизменной

и не зависит от того, кто является адресантом или адресатом. Основная функция данного текста является директивной, т. е. направлена на то, чтобы наложить определенные обязанности и предоставить определенные права. Принимая во внимание постоянное стремление человека избежать исполнения возложенных на него обязанностей и расширить предоставленные ему права, перед законодателем стоит сложная задача сформулировать обязанности, права, разрешения и запреты настолько точно, насколько это позволяют лингвистические средства. Таким образом, текст закона должен включать в себя все возможные варианты поведения человека и учитывать все возможные обстоятельства [1, с. 136].

Процесс создания законодательного акта также отличается от создания любого другого текста тем, что текст закона создается парламентским составителем законопроекта на основе тезисов, выдвинутых в ходе парламентской дискуссии, в которой он никогда не принимает участия [1, с. 137]. То же можно сказать и об адресате законодательного акта. Любой законодательный акт адресован широкому кругу лиц, но на самом деле его читателями оказываются юристы и судьи, на которых лежит задача интерпретировать положения данного документа для простых граждан. В результате парламентский составитель законопроекта оказывается в сложной ситуации, с одной стороны, он должен полностью учесть пожелания членов парламента, с другой – использовать лингвистические и дискурсивные стратегии, чтобы обеспечить читательской аудитории то, что К. Кандлин называет «уравновешиванием интерпретативной возможности» [2, с. 114]. Добиться этого очень сложно; по мнению А. Калдвелла, выдающегося юриста-практика, «очень трудно загнать судью в угол, из которого ему не удастся сбежать» (цит. по: [3, с. 366]). Чтобы добиться этого, автор законопроекта должен сделать так, чтобы лица, которым предстоит интерпретировать положения законопроекта не имели возможности их двоякой интерпретации, причем положения законопроекта должны быть четкими и ясными. Однако, поскольку положения законопроекта будут применяться в реальной жизни, их интерпретация зависит от фактов определенного дела, следовательно, будет отличаться от того, что хотел сказать законодатель.

Рассмотрим различные виды положений закона, используемые при составлении законопроекта. Б.-Л. Гуннарсон различает три вида законодательных норм [6, с. 84].

1. Правила, предполагающие некие действия (*action rules*). Данные правила применяются в соответствии с определенным набором случаев. Цель данных правил – налагать обязанности и обязательства, предоставлять права, запрещать определенные действия, предписывать полномочия отдельным членам или органам исполнительной власти, либо сформулировать закон, либо формы наказания, налагаемое за определенные действия. Типичный пример:

A peace officer or any other person, may, without a warrant, arrest an offender when the offense is committed in his presence or within his view, if the offense is one classed as a felony or as an offense against the public peace [5, с. 1].

2. Правила, предполагающие некие условия (*stipulation rules*). Данные правила определяют сферу применения определенного законодательного акта или его раздела. Например:

Art. 62.408. NONAPPLICABILITY. This subchapter does not apply to a person without a reportable conviction or adjudication who is required to register as a condition of parole, release to mandatory supervision, or community supervision [4, с. 73].

3. Правила, представляющие собой дефиниции (*definition rules*). Основная цель данных правил – дать определение терминам, которые будут использоваться в тексте законодательного акта. Например:

Art. 62.001. DEFINITIONS. In this chapter:

- (1) «Department» means the Department of Public Safety.
- (2) «Local law enforcement authority» means, as applicable, the office of the chief of police of a municipality, the office of the sheriff of a county in this state, or a centralized registration authority [4, с. 1].

В некоторых случаях данные правила-дефиниции выходят за рамки своей основной цели, дать определение, и, по мнению Дж. Свейлс, являются «the Law itself *tout court*» (просто-напросто закон) [7, с. 109]. Он приводит пример из законодательства Судана, дающего определение «похищения человека»:

Whoever takes or entices any minor, under fourteen years of age if a male or under sixteen years of age if a female, or any person of unsound mind out of the keeping of the legal guardian of such minor or person of unsound mind without consent of such guardian or conveys any such minor or person of unsound mind beyond the borders of the Sudan without the consent of some person legally authorized to consent such removal, is said to kidnap such a minor or person of unsound mind [7, с. 109].

По мнению Дж. Свейлс, поскольку данная дефиниция перечисляет восемь способов, которыми можно похитить человека, она таким образом является законом [там же, с. 110].

Помимо коммуникативной задачи текста англоязычного законодательного акта, он отличается некоторыми синтаксическими особенностями, среди которых можно назвать длину предложения. Например, В. Бхатия приводит пример раздела законодательного акта, состоящего из 271 слова, причем среднее предложение научно-публицистического текста состоит из 27,6 слов [1, с. 141].

Другой особенностью англоязычного законодательного акта является его именной характер, т. е. использование имен существительных значительно чаще, чем в повседневном употреблении. Рассмотрим пример из австралийского Закона о завещаниях 1997 г. Раздел 19 данного закона гласит:

Construction of the law applying to wills

- (1) In determining whether a will has been executed in conformity with a particular law, regard must be had to the formal requirements of that law at the time of execution, but account may be taken of a later alteration of the law affecting wills executed at that time, if the alteration enables the will to be treated as properly executed.
- (2) If a law in force outside Victoria is applied to a will, a requirement of that law that special formalities must be observed by testators of a particular description or that the witnesses to the execution of a will must have certain qualifications, is to be taken to be a formal requirement only, despite any rule of that law to the contrary [8, с. 14].

В данном примере мы встречаем восемь случаев номинализации. Использование номинализации позволяет автору добиться большей точности, а также включить все варианты, что необходимо при создании законодательного акта. Кроме того, номинализация позволяет сделать положения закона более компактными, хотя это может приводить к сложностям в их интерпретации [1, с. 142].

Многие исследователи англоязычных юридических текстов относят предложные комплексы к характерным особенностям данных текстов [1; 2; 4]. Комплекс представляет собой следующую структуру: предлог + существительное + предлог (Preposition + Noun + Preposition). Типичными примерами данного комплекса являются следующие фразы: *for the purpose of*; *in respect of*; *in conformity with*; *in*

pursuance of; by virtue of и др. По словам представителей профессионального сообщества, использование предложных комплексов вместо отдельных лексических единиц, например, *by virtue of* вместо *by* или *in accordance with* и *in pursuance of* вместо *under* позволяет избежать неточностей и двоякого толкования юридического текста.

Перечисленные выше особенности англоязычных законодательных актов присущи и другим англоязычным юридическим документам. Однако, в последние десятилетия наметилась тенденция к их упрощению. Это связано со стремлением авторов продемонстрировать лояльность по отношению к лицам, не являющимся юристами, и тем самым позволить избежать двоякого толкования текста законодательного акта, сохранив при этом его содержание неизменным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bhatia V.* Cognitive structuring in legislative provisions// Gibbons J. Language and the law. – Routledge, 2014. – С. 136–155.
2. *Candlin C. N.* The communicative teaching of English: principles and an exercise typology. – London : Longman, 1981. – 229 p.
3. *Chin A., Choi A.* Law, Social Sciences, and Public Policy: Towards a Unified Framework. – NUS Press, 1998. – 390 p.
4. Code of Criminal Procedure. Chapter 62. Sex Offender Registration Program. – URL : <http://www.statutes.legis.state.tx.us/?link=PE>
5. Code of Criminal Procedure. Chapter 14. Arrest Without Warrant. – URL : <http://www.statutes.legis.state.tx.us/?link=PE>
6. *Gunnarsson B.-L.* Functional comprehensibility of legislative texts: Experiments with the Swedish act of parliament // Text and Talk in Professional Contexts. – ASLA:s scriftserie 6: Uppsala, 1984. – С. 71–105.
7. *Swales J. M.* Aspects of Articles Introductions // Aston ESP Research Report. – No. 1. – Birmingham, U.K. : Language Studies Unit, University of Aston, 1981. – С. 98–121.
8. Wills Act 1997 No. 88 of 1997 : Authorised Version incorporating amendments as at 10 March 2015. – URL : [http://www.legislation.vic.gov.au/domino/Web_Notes/LDMS/LTObject_Store/ltobjst9.nsf/DDE300B846EED9C7CA257616000A3571/BD951DDDE3E50A57CA257E0000027C23/\\$FILE/97-88aa031%20authorised.pdf](http://www.legislation.vic.gov.au/domino/Web_Notes/LDMS/LTObject_Store/ltobjst9.nsf/DDE300B846EED9C7CA257616000A3571/BD951DDDE3E50A57CA257E0000027C23/$FILE/97-88aa031%20authorised.pdf)

УДК 81'34

Т. И. Шевченко, Т. В. Сокорева

Шевченко Т. И., доктор филологических наук,
профессор кафедры фонетики английского языка ФАЯ МГЛУ;
e-mail: tatashevchenko@mail.ru

Сокорева Т. В., ст. преподаватель, соискатель
кафедры фонетики английского языка ФАЯ МГЛУ;
e-mail: Jey-T@yandex.ru

СОЦИОФОНЕТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ВАРИАТИВНОСТЬ РЕЧЕВОГО РИТМА

В работе представлены методологический и фонетический аспекты изучения ритма, релевантные для социофонетики. На основе принципов и методов российской фонетической школы, современного зарубежного опыта и собственного корпусного анализа американской речи выявляются характеристики речевого ритма в типологическом, социокультурном и социодемографическом планах. Поэтапно раскрывается значимость факторов региона и возраста для межличностной и внутриличностной вариативности ритма.

Ключевые слова: ритм; просодия; вариативность; типология; социофонетика; регион; возраст; гендер.

T. I. Shevchenko, T. V. Sokoreva

Shevchenko T. I., Doctor of Philology, Professor,
Professor of English Phonetics Department, Faculty of Humanities
and Applied Sciences, MSLU; e-mail: tatashevchenko@mail.ru

Sokoreva T. V., Senior Lecturer, English Phonetics Department,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU;
e-mail: Jey-T@yandex.ru

SPEECH RHYTHM VARIATION: A SOCIOPHONETIC PERSPECTIVE

The paper is concerned with methodology and phonetics of speech rhythm research, relevant for sociophonetics. Based on the principles and methods applied in the Russian school of phonetics and recent research abroad, as well as an American corpus analysis data, are the typological, sociocultural and sociodemographic speech variance characteristics. In a step-by step analysis the relevance of region and age for inter-speaker and intra-speaker rhythm variation is revealed.

Key words: rhythm; prosody; variation; typology; sociophonetics; region; age; gender.

Введение: природа речевого ритма, определение, единицы

Основные методологические принципы описания речевого ритма и его связь со всеми элементами просодии, характерные для российской фонетической школы, изложены в трудах Л. В. Щербы, Л. В. Златоустовой, А. М. Антиповой, О. Ф. Кривновой, В. В. Потапова, которые опираются на понимание ритмической природы «речи-мысли» (термин Л. В. Щербы, подхваченный О. Ф. Кривновой [8; 2]) и состоят, согласно А. М. Антиповой, в следующем [1]:

- ритм – периодичность сходных и соизмеримых единиц;
- ритм формируется всеми элементами просодии: длительностью речевых единиц, изменениями высоты тона, громкости и качества голоса;
- ритм образует иерархию единиц: слог, ритмическая группа (стопа), синтагма, сверхфразовое единство;
- ритм варьирует стилистически: в прозе на первый план выступает синтагма и сверхфразовое единство, в поэзии – стопа и строка.

Дальнейшее применение этих принципов к текстам различной прагматической направленности, в частности к воздействующей речи в сфере бизнеса, позволило нам уточнить, в какой мере ритм когнитивно объединяет такие содержательные стороны речи, как семантико-синтаксическая категория слов и новизна информации, с ритмической структурой синтагмы, с определенной позицией слова в синтагме. В частности, концентрация просодических максимумов в финальной позиции синтагмы обеспечивает *предсказуемость* появления ключевых слов через определенные промежутки времени благодаря их *выделенности* [7; 5]. Ритм, таким образом, способствует восприятию смысла речи.

К сказанному можно добавить правила ритмической организации на уровне структуры *слов* в разных языках мира: делимитативная и кульминативная функции словесного ударения также способствуют восприятию речи через идентификацию слов благодаря их ритмической структуре.

Таким образом, мы можем дополнить существенные характеристики речевого ритма следующим образом:

- ритм – чередование просодически сильных и слабых элементов в речи, которое способствует *выделению* (проминантности)

- важной информации; *предсказуемость* ее появления с определенной периодичностью обеспечивает восприятие смысла речи;
- ритм – средство организации структуры слова через словесное ударение, характерное для морфологически различных слов в конкретных языках, способствует *идентификации слов* в потоке речи, т. е. также обеспечивает понимание смысла речи.

Последние десятилетия предыдущего столетия были отмечены особым интересом к изучению ритма благодаря разработке новой и относительно простой методики сопоставления ритма в различных языках и диалектах, которая позволила уточнить классификацию языков, их *типологию*. Анализ ритма различных языков, например английского и испанского [12], а также диалектов одного языка, в частности британского и сингапурского вариантов английского языка [14; 23], с помощью метода PVI (pairwise variability index – индекс парной вариативности) показал, что ритмические различия опираются на длительность гласных в попарно сопоставляемых слогах. Чем сильнее различие по длительности в языках и вариантах, где есть «тяжелые» и «легкие» слоги, тем выше индекс вариативности [16].

В результате сопоставления многих языков выяснилось, что в зависимости от фонологических и фонотактических средств каждого конкретного языка его можно разместить по шкале, в большей или меньшей степени приближающей этот язык к акцентному, т. е. тактосчитающему языку. На крайних полюсах этой шкалы оказались такие прототипические тактосчитающие языки, как английский, нидерландский и немецкий, а также тайский, в отличие от прототипических слогосчитающих языков – испанского, французского, итальянского. В этом состоит «новая парадигма ритма», как ее назвал К. Колер [11; 20; 26].

Обращение к слоговому составу языков, прежде всего к длительности гласных и согласных, включая их сочетания и кластеры, показало, что гласные и согласные, чередуясь в речи по определенным законам фонотактики данного языка, также выступают, на наш взгляд, в качестве *единиц ритма*. Эти элементарные единицы присутствуют в речи на любом языке, поэтому на характер их сочетаний реагируют даже такие наивные носители языка, как грудные дети, способные отличить ритм русского языка от французского, но не способные отличить ритм английского языка в сравнении с нидерландским. Не случайно также,

что скопление гласных одного ряда (ассонанс) или согласных одного способа образования шума (аллитерация) выступают как средства ритмизации в художественном тексте, прежде всего в поэзии.

Итак, начиная с гласных и согласных, *единицы речевого ритма* включают также: слог, ритмическую группу (стопу), синтагму (интонационную фразу) и сверхфразовое единство. Они составляют иерархию ритмических единиц.

Социокультурная и социодемографическая вариативность ритма

Наряду со стилистическим и типологическим направлениями в изучении вариативности речевого ритма в исследовательской практике наметились направления, важные для *социофонетического* изучения просодии. Ритмический строй речи, как показали эти исследования, изменяется в зависимости от языковых контактов носителей языка с представителями другой культуры, другого языка. Это явление особенно интересно наблюдать в речи билингвов, у которых два языка в равной или разной степени представлены в речевом репертуаре (и существуют когнитивно). Примером может служить речь на английском языке жителей Уэльса.

Эффект такого взаимодействия двух просодических систем на одной территории может проявиться с течением времени. Так, сопоставляя звукозаписи речи афроамериканских рабов с речью современных афроамериканцев, обнаружили переход от слогового строя к тактосчитающему, превосходящему по степени выделения акцентуемых слогов даже евроамериканцев [25]. В Новой Зеландии, напротив, четко проявилось продвижение в сторону слогового ритма у белого населения переселенцев из Европы под влиянием слогового ритма местного населения маори [24].

Социокультурная вариативность ритма одного языка в пределах одной страны была показана на примере актерской речи на китайском языке. Ритм, таким образом, служит созданию сценического художественного образа [10].

Отмечая факты межличностного варьирования речевого ритма, мы не находим доказательства того, как ритм может меняться в течение жизни одного человека, т. е. во внутриличностном плане. А между тем только через речь конкретных индивидуумов мы можем

проследить тенденции изменения ритма для большого речевого сообщества. О том, что ритм родного языка усваивается очень рано, говорят авторы-психолингвисты в сфере возрастной фонологии, хотя нам не известны специальные данные по рассмотрению развития именно ритмических характеристик речи. Известна работа, в которой сопоставлялись ритмические характеристики детей и их матерей, которые говорят на английском и французском языках [17]. Французские дети в возрасте четырех лет и их мамы обнаружили больше сходства в ритме речи (слоговом), чем английские дети с ритмом (тактосчитающим) своих матерей. Поскольку ранее было известно, что первоначально ритм речи младенцев носит слоговой характер, мы можем предположить, что тактосчитающий ритм усваивается позже, чем слоговой.

Характер развития просодических характеристик речи, по мере взросления и старения, подробно, но довольно противоречиво, по данным разных исследователей, описан для американского варианта английского языка [13; 4; 22]. Так, в частности, приводятся данные как расширения, так и сужения высотного диапазона голоса [18; 22]. Однозначно отмечается только замедление темпа речи с возрастом, но и по этому вопросу есть данные о том, что не всегда замедление темпа связано со скоростью артикуляции; важную роль играют паузы, длительность которых увеличивается в пожилом возрасте [там же].

Социодемографические данные о темпе речи, обусловленном территорией проживания, также не однозначны: в американском варианте английского языка выявлено замедление скорости артикуляции по мере продвижения на юг, но именно на самом Юге США значительную роль в создании эффекта замедленного темпа речи играют паузы. Ряд экспериментальных работ свидетельствует о замедлении темпа как с паузами (речевой темп), так и без них (скорость артикуляции) [19; 22].

Влияние темпа и диапазона на общее впечатление о характере ритма существенно, поскольку мы исходим из понимания ритма как выделенности периодически повторяющихся сильных элементов на фоне слабых элементов, т. е. проминантности, распределенной во времени. Расширение диапазона, увеличение или замедление скорости артикуляции, как и изменения интенсивности, могут способствовать выделению отдельных элементов на фоне других. Если ритмический рисунок согласуется со смыслом, как мы ранее показали на примере

убеждающей речи [7], то речь становится особенно выразительной, ритмически согласованной с прагматикой.

Для социофонетического подхода к вариативности ритма важно и то, как внутриличностная вариативность проявляется в зависимости от социально-статусных характеристик собеседников. На примере видеозаписи популярных ведущих американского телевидения проявляется *ситуативная* адаптация ведущих к каждому гостю программы, у которых они берут интервью [6]. Показателями такой социальной аккомодации могут быть самые разные просодические изменения высотно-мелодического, темпорального и тембрального характера, в том числе и те, которые участвуют в создании эффекта ритмичности речи.

Особый интерес при изучении социодемографических признаков ритма представляют гендерные особенности развития и затухания просодической выразительности речи, связанной с возрастом. Например, в литературе отмечается, что мужчины пожилого возраста в большей степени склонны испытывать понижение слуха [22], что может сказаться на темпе и уровне громкости речи, а, следовательно, на ритме тоже. Женщины среднего возраста обладают самым широким диапазоном голоса по сравнению с молодыми и пожилыми [3; 22].

В первых двух разделах мы дали краткий обзор современных направлений в изучении ритма, его определения и единиц анализа. Обнаружив значительный пробел и противоречия относительно внутриличностной вариативности речевого ритма в течение жизни человека, мы проводим ряд поэтапных исследований интересующего нас предмета изучения. Степень сохранения ритмических характеристик речи, как и их развитие с возрастом, имеет непосредственное влияние на распознавание слов, на понимание смысла речи, т. е. для успешной межличностной коммуникации и создания позитивного имиджа говорящего.

Метод, материал, цель исследования

Планируя этапы экспериментального компьютерного анализа, мы считаем необходимым, по возможности, учесть и нейтрализовать воздействие ряда факторов, способных повлиять на рассмотрение ритмических характеристик речи. К таким требованиям относятся:

- единство стиля (телефонный разговор по заранее выбранной теме);

- единство региона проживания в одной группе (согласно классификации У. Лабова [21], Север, Северный Мидленд, Южный Мидленд, Юг);
- принадлежность к одной возрастной группе (молодой, средний, зрелый возраст);
- равное количество мужчин и женщин в региональной группе;
- сопоставимый уровень образования (выпускник колледжа);
- равное количество слогов от начала разговора.

Этим требованиям отвечает подобранный нами небольшой корпус звучащего материала из американского корпуса телефонных переговоров Switchboard-1, который аннотирован и снабжен скриптами [15]. Аннотация включает следующую атрибуцию участников переговоров: регион проживания, возраст участника, уровень образования.

В каждой из четырех региональных групп – по две женщины и два мужчины, всего по четыре человека. По возрастному признаку на данном этапе сформированы две группы: молодого (20–39 лет) и среднего (40–59 лет) возраста, в каждой по 16 человек с равным представительством регионов и гендера (четыре региона по четыре человека), общее количество участников – 32 человека. Образование – выпускник колледжа.

Время звучания от начала разговора нормализовано по количеству слогов – 21 слог у каждого говорящего, общее количество слогов – 672.

Анализирующая программа – Praat, v. 5.3.03. [9].

Статистические программы: ANOVA, MINITAB. Вид анализа – дисперсионный (однофакторный, двухфакторный), корреляционный.

Цель исследования – на основании измерений длительности всех слогов, а также дифференциации длительности ударных слогов относительно безударных в речи жителей четырех регионов США, участников телефонных переговоров, выявить путем сопоставительного и статистического методов анализа следующее:

- степень влияния региона проживания на скорость речи жителей США в двух возрастных группах;
- характер возрастных изменений темпа при переходе от молодого возраста к среднему;
- направление изменения степени выделенности ударных слогов на фоне безударных в зависимости от перехода от молодого возраста к среднему.

Согласно нашей гипотезе, решение поставленных задач призвано:

- снять неопределенность относительно замедления темпа речи по мере продвижения с севера США к югу;
- подтвердить ранее установленные факты замедления скорости речи с возрастом;
- выявить тенденцию уменьшения либо сохранения контраста между длительностью ударных и безударных слогов при переходе от молодого возраста к среднему.

Параметры измерения: средняя длительность всех слогов (далее – СДС), ср. длительность ударных слогов, ср. длительность безударных слогов, отношение длительности ударных слогов к длительности безударных в каждой региональной группе и в каждой возрастной группе.

Этапы анализа: аудиторский анализ звучащего материала, выполненный тремя фонетистами-преподавателями английского языка с большим опытом; акустический компьютерный анализ с помощью программы Praat; статистический анализ. В процессе аудиторского анализа были проставлены ударения (акценты), отмечены границы синтагм и интонационных фраз. Согласие относительно места ударений – 91,5 %. Длительность ударных и безударных слогов замерялась вторым автором, при этом границы слогов проверялись визуально и на слух. Соотношение длительности ударных слогов к длительности безударных вычислялось путем деления среднестатистических показателей по данным параметрам.

Результаты и обсуждение

В результате анализа было установлено:

- несмотря на вариативность скорости речи (СДС) в говорении жителей четырех регионов США, этот показатель оказался статистически незначим – как для группы молодых, так и для группы жителей среднего возраста; вариативность СДС оказалась статистически незначима и по двум возрастным группам в совокупности (см. табл. 1);
- изменение скорости речи при переходе от молодого возраста к среднему статистически значимо: СДС увеличивается (188ms vs. 218 ms, т. е. в среднем на 16%) (см. рис. 1);
- длительность ударных слогов с возрастом увеличивается: 231 ms vs. 287 ms, т. е. в среднем на 24% (см. рис. 2);

Таблица 1

**Показатели СДС у представителей четырех регионов
двух возрастных групп по отдельности и вместе взятых (мс)**

	Возраст	Юг	Южный Мидленд	Северный Мидленд	Север
Среднее значение (Медиана)	Молодой	181 (148)	199 (182)	191 (148)	180 (172)
	Средний	195 (152)	228 (202)	232 (214)	219 (193)
	Молодой и Средний	188 (151)	213 (190)	211 (188)	199 (184)

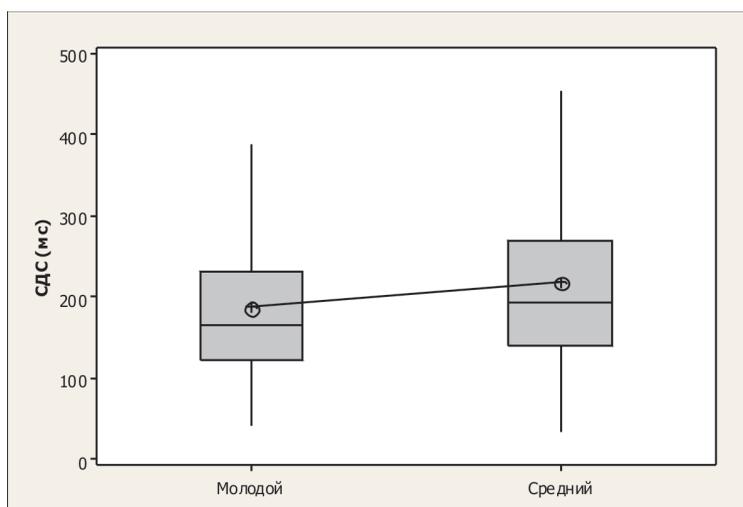

Рис. 1. Распределение значений СДС у представителей
молодого и среднего возрастов (мс)

– длительность безударных слогов также значительно увеличивается с возрастом: 155 ms vs. 171 ms, т. е. возросла на 10%, (см. рис. 2); длительность безударных слогов при этом значимо меняется по регионам, противопоставляя Юг двум регионам: Северному Мидленду и Южному Мидленду;

– соотношение длительности ударных к длительности безударных слогов не только сохраняется, но и проявляет тенденцию к увеличению

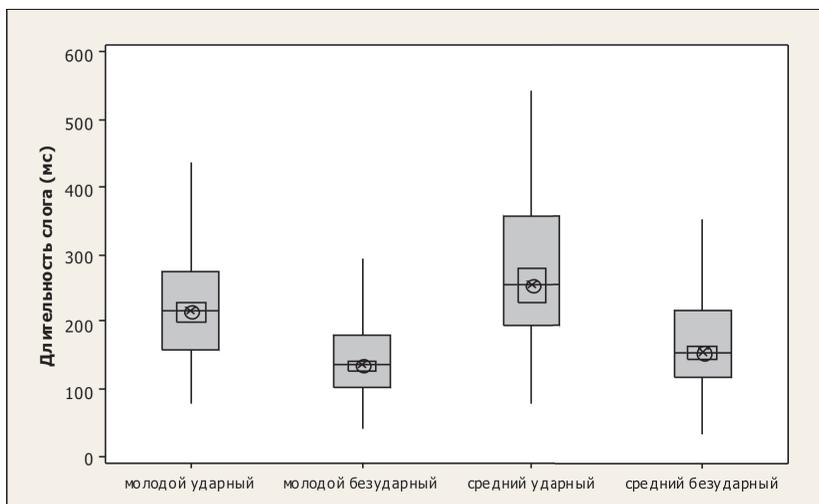

Рис. 2. Распределение значений длительности ударного и безударного слогов у представителей двух возрастов

при переходе от молодого возраста к среднему в трех региональных группах из четырех: в среднем 1,5 vs. 1,7, т. е. на 13 % больше, однако это увеличение оказалось статистически не значимо. Выявленная тенденция особенно ярко проявилась на Юге, где увеличение длительности ударных слогов с возрастом сочеталась с менее значительным увеличением длительности безударных слогов. Своеобразие другого региона, Северного Мидленда, проявилась в том, что только в этом регионе контраст не увеличился.

Изложенные доказательства и их интерпретация имеют несомненную важность для социофонетики, в рамках которой происходит постоянный отбор методов сбора материала, поиск надежных методик обработки полученных данных. Так, в частности, возникает возможность пересмотра широко применяемой стратегии изучения развития языка как замены одних произносительных вариантов другими, через анализ групповых данных представителей различных поколений, т. е. изучения изменения языка «в видимом времени». Дело в том, что наряду со сравнением речи разных поколений, мы одновременно вторгаемся в сферу внутриличностной вариативности, связанной с развитием фонологической, включая просодическую, системы языка

отдельных индивидуальностей на разных этапах взросления и старения, а также с вариативностью, связанной с изменением социального окружения.

Второе методологически важное наблюдение относится к роли статистики в оценке значимости выявленных изменений. Специальное экспериментально-фонетическое исследование показало, что человеческое восприятие, направленное на регистрацию изменения темпа речи, способно отмечать изменения, составляющие 5% от исходного уровня скорости говорения [27]. Цитируя эти данные, американские фонетисты с удовлетворением отмечали, что искомое различие в скорости артикуляции в одном из городов штата Висконсин (Север), с одной стороны, и штата Северная Каролина (Юг) – с другой, составляет 8% [19]. Тем не менее полученное нами отличие в 13% между средней длительностью ударных и безударных слогов в двух возрастных группах оказалось статистически незначимо. Очевидно, что валидные статистические данные должны опираться на еще более представительный корпус участников коммуникации, но остается неясным, в какой мере статистические результаты будут соотноситься с данными по изучению человеческого восприятия. Показатель «едва заметного различия» в скорости говорения (JND – Just Noticed Difference), равный 5%, как нам представляется, вступает в противоречие с математической статистикой.

Заключение

Анализ просодических показателей речи 32 жителей США, репрезентирующих четыре региона и две возрастные группы, убедительно показал, что в данном ограниченном узком корпусе, тщательно подобранном по сходству воздействующих факторов стиля телефонных переговоров, условий записи, территории проживания, уровня образования и принадлежности к определенной возрастной группе, не подтвердились ранее установленные факты значимого замедления темпа речи при передвижении с севера на юг.

Замедление темпа речи с возрастом, которое реализуется как за счет увеличения длительности ударных слогов, так и за счет длительности безударных, подтвердилось.

Контраст по длительности между ударными и безударными слогами не только сохраняется в трех регионах из четырех, но

и увеличивается. Таким образом выделенность ударных слогов относительно безударных, которая составляет основу тактосчитающего ритма, также сохраняется в среднем возрасте. Увеличение этого контраста, однако, применительно ко всему узкому корпусу оказалось статистически незначимым.

Проведенное исследование может быть продолжено на большем объеме материала и с привлечением большего количества просодических параметров, которые способствуют выделению ударных слогов в потоке речи: высотно-мелодическому компоненту интонации, изменениям интенсивности и качества голоса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Антипова А. М.* Ритмическая система английской речи. – М. : Высшая школа, 1984. – 120 с.
2. *Кривнова О. Ф.* Ритмизация и интонационное членение текста «в процессе речи-мысли» (опыт теоретико-экспериментального исследования) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2007. – 53 с.
3. Сокорева Т. В. Опыт сопоставления различных методик изучения ритма (на материале речи американских женщин) // Фонетика: проблемы и перспективы // Фонетика: проблемы и перспективы. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 233–251. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 1 (687). Сер. Языкознание).
4. *Шевченко Т. И.* Комбинаторика просодических параметров темпа американской речи: социокультурный аспект // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова ; под ред. А. В. Архипова и др. – М. : Языки славянских культур, 2008. – С. 681–689.
5. *Шевченко Т. И.* Типология ритма: теоретические и прикладные аспекты. Актуальные вопросы теоретической и прикладной фонетики : сб. ст. к юбилею О. Ф. Кривновой / под ред. А. В. Архипова, И. М. Кобозевой (отв. ред.) и др. – М. : ООО «Буки-Веди», 2013. – С. 436–444.
6. *Шевченко Т. И.* Социофонетика: национальная и социальная идентичность в английском произношении. – Изд. 2-е, доп. – М. : ЛЕНАНД, 2016. – 240 с.
7. *Шевченко Т. И., Садовникова Н. А., Сибилева Л. Н.* Ритм и смысл просодии дискурса: когнитивный подход и статистика // Фонетика, фонология и межкультурная коммуникация. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2012. – С. 175–187. – (Вестн. Мос. гос. лингвист. ун-та; вып. 1 (634). Сер. Языкознание).
8. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. – Л. : Наука, 1974. – 428 с.

9. *Boersma P., Weenink D.* Praat: doing phonetics by computer [Computer program]. 2015. Version 5.3.80. – URL : <http://www.praat.org/> (retrieved 05April 2015).
10. *Callier P.* Social Meaning in Prosodic Variability // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. – 2011. – Vol. 17. – No 1. – P. 41–50. – URL : repository.upenn.edu/.../viewcontent.cgi?
11. *Crystal D.* The Past, Present and Future of English Rhythm. – 1996. – URL : http://www.davidcrystal.com/DC_articles/English46
12. *Dauer R. M.* Stress-timing and syllable-timing reanalyzed // Journal of Phonetics. – 1983. – Vol. 11. – No 1. – P. 51–62.
13. *Dellwo V.* Rhythm and Speech Rate: A variation coefficient for ΔC . – 2006. – URL : eprints.ucl.ac.uk/15122/1/15122.pdf
14. *Deterding D.* Measurements of Rhythm: a Comparison of Singapore and British English // Journal of Phonetics. – 2001. – Vol. 29. – No 2. – P. 217–230.
15. *Godfrey J., Holliman E.* Switchboard-1 Release 2 LDC97S62. Web Download. – Philadelphia: Linguistic Data Consortium, 1993.
16. *Grabe E., Low E. L.* Durational variability in Speech and the Rhythm Class Hypothesis // Papers in Laboratory Phonology 7 / C. Gussenhoven, N. Warner (eds). – 2002. – P. 515–546. – URL : http://www.homes.uni-bielefeld.de/gibbon/AK-Phon/Rhythmus/Grabe/Grabe_Low-reformatted.pdf
17. *Grabe E., Post B., Watson I.* The Acquisition of Rhythmic Patterns in English and French // Proceedings ICPhS. – San Francisco, 1999. – P. 1201–1204.
18. *Helfrich H.* Age markers in speech // K. Scherer, H. Giles (eds.). Social markers in speech. – Cambridge : Cambridge University Press, 1979. – P. 63–93.
19. *Jacewicz E., Fox R., O'Neil C., Salmons J.* Articulation rate across dialect, age and gender // Language variation and change. – V. 21, No 2. – 2009. – P. 233–251.
20. *Kohler K. J.* Rhythm in Speech and Language. A New Research Paradigm // *Phonetica*. – 2009. – Vol. 66. – No. 1–2. – P. 29–45.
21. *Labov W., Ash Sh., Boberg Ch.* The Atlas of North American English: Phonetics, Phonology and Sound Change. – Berlin, New-York : Mouton de Gruyter. – 2006. – 335 p.
22. *Linville S. E.* Vocal Aging. – San Diego : Singular Publishing Group, 2001. – 320 p.
23. *Low E. L., Grabe E., Nolan F.* Quantitative Characterization of Speech Rhythm: Syllable-Timing in Singapore English // *Language and Speech*. – 2000. – Vol. 43. – No 4. – P. 377–401.
24. *Szakay A.* Rhythm and pitch as markers of ethnicity in New Zealand English // Proceedings of the 11th Australian International Conference on Speech Science & Technology / P. Warren and C. Watson. (eds). – 2006. – URL : 137.82.103.200/.../sites/.../szakay-assta06.p...

25. *Thomas E. R., Carter Ph. M.* Prosodic rhythm and African American English // *English World-Wide*. – 2006. – Vol. 27. – No 3. – P. 331–355.
26. *White L., Mattys S. L.* Rhythmic Typology and Variation in First and Second Languages. – 2007. – URL : eis.bris.ac.uk/.../White_Mattys_2007b.pdf
27. *Quene H.* On the just noticeable difference for tempo in speech // *Journal of Phonetics*. – 2007. – No 35. – P. 353–362.

УДК 81'34

И. И. Явиц

аспирант кафедры фонетики английского языка
факультета английского языка МГЛУ; e-mail: i1yavits@gmail.com

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА СТЕНДАП

Цель данной статьи – доказать просодическую выделенность юмора на примере живого выступления в жанре *стендап*.

Дан обзор современной литературы по вопросу просодии в юморе. Фонетический материал, собранный методами полевого исследования, обработан акустически и статистически. В работе доказывается выделенность юмора в профессиональных выступлениях.

Ключевые слова: стендап-комедия; юмор; смех; просодическая выделенность; шутка; просодия.

I. I. Yavits

Post-graduate student, Department of English Phonetics;
e-mail: i1yavits@gmail.com

PROSODIC FEATURES OF STAND-UP COMEDY

The aim of this article is to show the prosodic markers of humour in a live stand-up comedy show. The general survey on the topic is given at the beginning of the article. It is followed by acoustic and statistical analysis of phonetic material. The article states that prosodic markers of humour exist in performances of professional stand-up comedians.

Key words: stand-up comedy; humour; laughter; markers; joke; prosody.

Введение

В современных исследованиях юмора ученые стали больше внимания уделять просодии. Несмотря на то, что результаты исследований противоречивы, выявляется общая тенденция. Их цель – поиск ответа на вопрос: выделен ли юмор просодически?

Г. Уэллзом было выделено четыре категории фокуса: контрастный, главный, второстепенный и нулевой [8]. Во всех случаях просодическая выделенность осуществляется за счет использования следующих параметров: мелодический пик, максимальный тональный диапазон, сильное изменение ядерного тона, пик громкости, понижение громкости на следующем за фокусной единицей элементе, изменение скорости речи и паузы.

Основным просодическим показателем юмора профессиональными комиками и некоторыми исследователями считалась пауза перед основной фразой. С. Аттардо и Л. Пикеринг называют это заблуждением (Folk-theory) [3]. С помощью эксперимента, в котором 10 студентов рассказывают одну запланированную и одну спонтанную шутку, эти ученые опровергают обязательность наличия паузы перед ключевой фразой и увеличение темпа в ключевой фразе. По результатам исследования большая часть пауз оказалась незначительна (длительность менее 0,4 с), а выделенность ключевой фразы объяснялась ее финальной позицией [4], поэтому она произносилась ниже и чуть громче. В статье было рассмотрено четыре гипотезы:

1. Ключевая фраза имеет высшие точки громкости или ЧОТ.
2. Скорость речи в ключевой фразе отличается.
3. Ключевой фразе предшествует пауза длительностью не менее 0,6 с.
4. Ключевая фраза выделяется смехом произносящего шутку.

Ни одна из этих гипотез не подтвердилась. Авторы отмечают, что нужно исследовать выступления профессиональных комиков, поскольку индивидуальное умение рассказывать шутки может быть значительным фактором в исследовании [6]. К таким же выводам об интонационной невыделенности юмора пришел Т. Фленсон, исследовав бизнес-переговоры в бразильской деревне [5].

Это несколько противоречит акустическому исследованию американского сериала, проведенному А. Пурандаре и Д. Литман. Ученые пришли к выводу, что для юмористических высказываний характерны: ускоренный темп, паузы меньшей длительности, выше значения максимальных ЧОТ, диапазона и стандартного отклонения ЧОТ и громкости [7].

Анализируя комедийные фильмы, С. Н. Радостева пишет, что для ключевой фразы характерно использование паузы, изменение темпа и ритма произнесения, а также повышение или понижение тона голоса [1].

А. Аркакис, исследовав юмористические диалоги на греческом языке, обнаружил, что 97,6 % смешных синтагм оформлены паузами, тогда как для серьезных фраз этот показатель 56 %. В статье делается вывод об уменьшении громкости и скорости произнесения смешных высказываний [2].

Характеристики исследования

В отличие от других исследований интонации юмора, в данной работе исследуются живые выступления профессиональных стендап-комиков. Материал статьи – выступления различных комиков на международном фестивале Фриндж 2013–2014 гг. Тексты выступлений рассчитаны на мультикультурную англоязычную аудиторию старше 16 лет. Для исследования были отобраны выступления 20 малоизвестных комиков, возраст которых от 19 до 40 лет. Гендерное распределение: 18 мужчин и две женщины. Возрастные и гендерные пропорции, а также место проведения выступлений и аудитория являются типичными для исследуемой предметной области, что позволяет сделать вывод о репрезентативности данной выборки.

Формат мероприятия – бесплатное шоу со сбором пожертвований в конце выступления. Такая особенность обуславливает мотивированность комика, ведь заработок зависит от качества шоу. Запись производилась с помощью программы Smart Voice Recorder с частотой 16 кГц в закрытом помещении, в аудитории было 20–60 человек. Комики не знали, что их записывают, поэтому не адаптировали шоу для записи.

Принципы отбора шуток и инструментарий сбора данных

Основная цель стендап-выступления – смех аудитории. Поэтому в данной работе шутки исследуются совместно с реакцией аудитории. Продолжительность выступления комиков варьировалось от 30 минут до одного часа. Для данной работы были отобраны самые коммуникативно успешные шутки, т. е. те, за которыми следовал наиболее продолжительный и громкий смех – по пять лучших шуток из 20 выступлений разных комиков.

Электронно-акустический анализ был проведен с помощью компьютерной программы Praat (Версия 5.3.03). Поскольку запись производилась из зала, громкость была нормализована по значению в 65 Гц.

Исследуемые показатели и формулировка гипотез

В статье рассматриваются следующие темпоральные показатели:

1. Показатели длительности, с:
 - 1.1. Средняя длительность синтагм фона.
 - 1.2. Длительность ключевой фразы.

- 1.3. Длительность смеха.
- 1.4. Средняя длительность пауз фона.
- 1.5. Длительность паузы перед ключевой фразой.
- 1.6. Длительность паузы перед смехом.
2. Показатели ЧОТ, Гц:
 - 2.1. Средние значения ЧОТ фона.
 - 2.2. Средние значения ключевой фразы.
3. Показатели громкости, Дб:
 - 3.1. Средняя громкость фона.
 - 3.2. Средняя громкость ключевой фразы.
 - 3.3. Средняя громкость смеха.
4. Расчетные показатели контраста между фоном и ключевой фразой:
 - 4.1. Контраст между ЧОТ фона шутки и ЧОТ ключевой фразы, а также модуль этого параметра.
 - 4.2. Контраст между средней длительностью фона шутки и длительностью ключевой фразы, а также модуль этого параметра.
 - 4.3. Контраст между громкостью фона шутки и громкостью ключевой фразы, а также модуль этого параметра.
 - 4.4. Контраст между средней длительностью паузы фона шутки и длительностью паузы перед ключевой фразой, а также модуль этого параметра.
 - 4.5. Контраст между средней длительностью паузы фона шутки и длительностью паузы перед смехом, а также модуль этого параметра.
 - 4.6. Контраст между длительностью паузы перед ключевой фразой шутки и паузой перед смехом, а также модуль этого параметра.

Показатели скорости речи в рамках данной работы не рассматривались, это станет предметом исследования в других работах.

Гипотезы

1. Существует прямая зависимость между расчетными показателями контраста (ЧОТ, громкости) и показателями смеха (громкость и длительность).
2. Существует прямая зависимость между длительностью паузы и показателями смеха.

3. Существует обратная зависимость между расчетными показателями контраста и длительностью паузы между фоном и ключевой фразой.

4. Среди исследуемых признаков есть другие факторы, влияющие на показатели смеха.

Пример разбора шутки

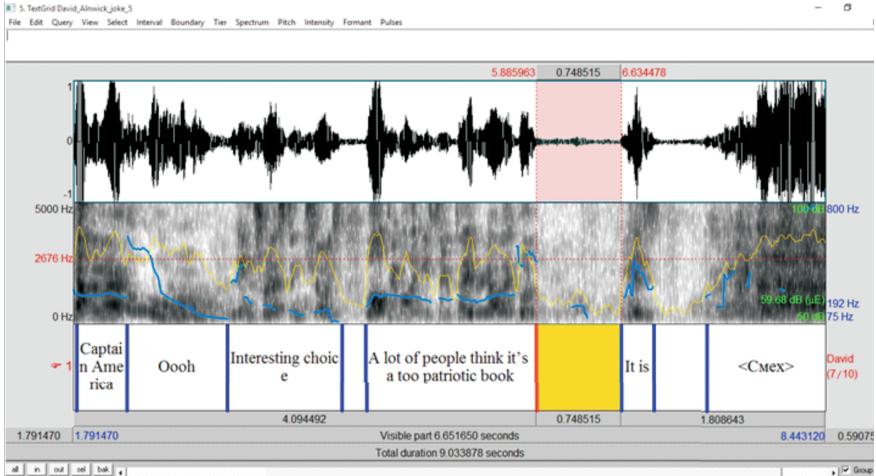

Рис. 1. Пример шутки, проанализированной средствами компьютерной программы PRAAT (версия 5.3.03)

Фон шутки (см. рис. 1)

1. Текст:

Captain America! Oh! Interesting choice. A lot of people think it's a too patriotic book...

2. Показатели:

Средняя ЧОТ – 228 Гц, средняя громкость – 65 Дб, средняя длительность синтагм – 1,5 с, средняя длительность пауз фона – 0,3 с.

Ключевая фраза

1. Текст:

«It is!»

2. *Показатели:*

Пауза перед ключевой фразой – 0,7 с, средняя ЧОТ – 198 Гц, средняя громкость – 66 Дб, длительность синтагмы – 0,3 с.

Смех

Показатели:

Пауза перед смехом – 0,5 с, громкость – 70 Дб, длительность – 1 с.

В данном случае интонация создает контраст между фоном и ключевой фразой. В фоне низкая шкала и высокий восходящий терминальный тон предполагают противопоставление, однако вместо этого ключевая фраза означает подтверждение с высоким нисходящим тоном. Пауза усиливает ожидание, и обман оказывается настолько хорошим, что задержка, прежде чем аудитория поймет, что их обманули, составляет 0,5 секунды.

Аналогичным образом были проанализированы все исходные данные по каждой шутке. Результаты были оформлены в виде таблицы. После этого таблица была проанализирована с помощью статистического пакета SPSS.

Статистическая обработка

1. Сначала были исследованы все признаки на предмет нормальности распределения методом Колмогорова-Смирнова. Все признаки оказались доступными для дальнейшего анализа, поскольку у всех характер распределения был определен как нормальный.

2. Далее для проверки гипотез зависимости был выбран метод расчета корреляционных коэффициентов Спирмена, поскольку регистрируемые значения описывались признаками разной размерности и разных единиц измерения (Гц, Дб, с...). Статистически значимым было принято значение коэффициента корреляции $> |0,3|$.

3. Значение коэффициента корреляции между длительностью паузы перед ключевой фразой и длительностью смеха получилось равным 0,340, что позволило сделать вывод о существующей прямой зависимости. Других сильных зависимостей на основании корреляционного анализа не выявлено.

4. Для того чтобы исследовать выборку более точно, был проведен кластерный анализ. Выборка была разделена на два кластера по сочетанию признаков «Длительность смеха» и «Громкость смеха».

Кластеризация была проведена с использованием метода Варда. Выборка разделилась на два кластера – 65 значений с более высокими показателями смеха и 35 – с более низкими (см. рис. 2).

В левой части рисунка 2 изображен первый кластер, в правой – второй. Видно, что за исключением некоторых выбросов, шутки с более высокими показателями смеха (первый кластер) получают при использовании комиком такого приема, как пауза перед основной фразой.

Далее был повторно проведен корреляционный анализ для данных первого кластера (кластера «успешных шуток»). Были выявлены две зависимости:

- значение коэффициента корреляции между длительностью паузы перед ключевой фразой и длительностью смеха получился равным 0,366, что позволило еще раз подтвердить вывод о существующей прямой зависимости;
- значение коэффициента корреляции между модулем контраста ЧОТ и громкостью смеха получился равным -0,320, что позволило сделать вывод о существующей обратной зависимости.

5. Для того чтобы понять, для всех ли комиков, шутки которых участвуют в выборке, одинаково выполняются / опровергаются гипотезы, было принято решение применить метод разностей.

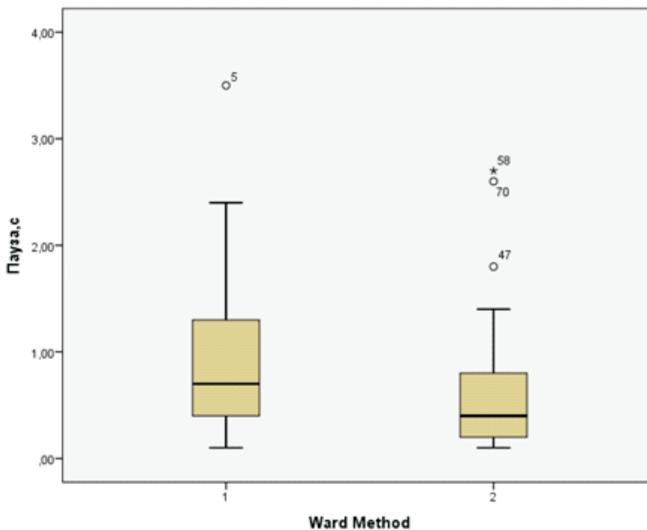

Рис. 2. Кластерный анализ по показателям смеха

делают паузу между фоном и ключевой фразой заметно больше, чем средняя длительность пауз фона.

- 5.2. Если построить график разностей между показателями ЧОТ фона и ключевой фразы (см. рис. 4), будет видно, что большинство успешных комиков пользуются приемом понижения тона голоса к концу шутки, что соответствует утверждению С. Агтардо и может объясняться финальной позицией ключевой фразы.
- 5.3. Абсолютные показатели громкости индивидуальны и не позволяют делать обоснованных выводов. Поэтому был построен график разностей (см. рис. 5) между показателями громкости фона и громкости ключевой фразы. Из графика видно, что большинство профессиональных комиков пользуются этим приемом снижения громкости, т. е. ключевая фраза произносится тише, чем фон шутки.

Заключение

Гипотеза 1. Существует прямая зависимость между расчетными показателями контраста (ЧОТ, громкости) и показателями смеха.

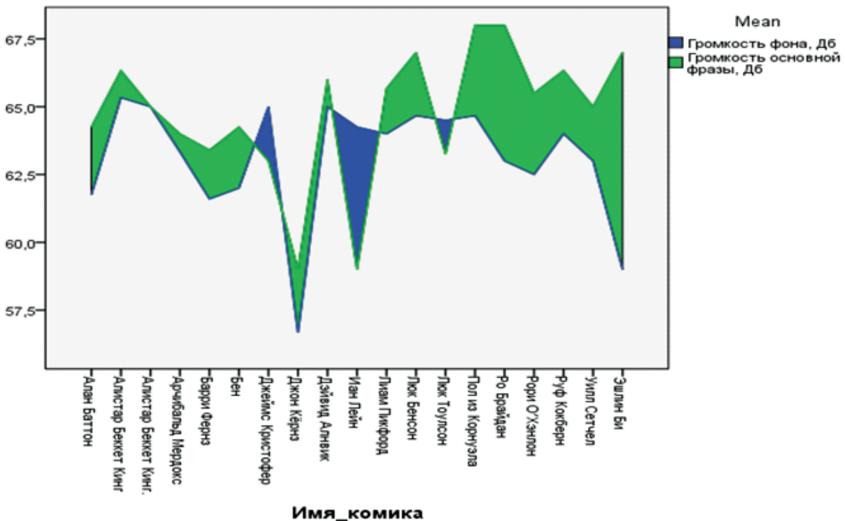

Рис. 5. График разностей между громкостью фона и громкостью ключевой фразы

Данная гипотеза полностью подтвердилась только по части показателя «Модуль контраста ЧОТ». Для наиболее успешных шуток наблюдается обратная зависимость между этим показателем и громкостью смеха. Было замечено, что большинство профессиональных комиков используют контраст между показателями фона и ключевой фразы как прием, а именно: контраст ЧОТ и контраст громкости наблюдается практически во всех исследуемых шутках.

Гипотеза 2. Существует прямая зависимость между длительностью паузы перед ключевой фразой и показателями смеха. Продолжительная пауза говорит о профессионализме комика и о владении собственным голосом как инструментом воздействия.

Гипотеза 3. Не обнаружено обратной зависимости между показателями контраста и длительностью паузы перед ключевой фразой. Прямая зависимость также не установлена.

Гипотеза 4. Среди исследуемых признаков есть другие факторы, влияющие на показатели смеха:

- выявлена прямая зависимость громкости смеха от длительности смеха;
- чем короче синтагмы, тем громче смех, что соответствует общему положению, что «в шутке не должно быть ничего лишнего».

Подводя итог вышесказанному, приходим к выводу, что в стендап-комедии просодическая выделенность юмора является компонентом хорошего выступления, а невыделенность следует рассматривать как отклонение от нормы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Радостева С. Н.* Просодические средства выражения юмора в английском языке // Фонетика: проблемы и перспективы. 2014. – С. 214–221. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 687. Сер. Языкознание).
2. *Archakis A., Giakoumelou M., Papazachariou D., Tsakona V.* The prosodic Framing of Humour in Conversational Narratives: Evidence from Greek Data // *Journal of Greek Linguistics*. – No 10. – P. 187–212.
3. *Attardo S., Pickering L.* Timing in the performance of jokes // *Humor – International Journal of Humor Research*. – Vol. 24, Issue 2. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2011. – P. 233–250.
4. *Attardo S., Pickering L. & Baker A. A.* Prosodic and multimodal markers of humor in conversation. *Pragmatics and Cognition // Prosody and Humor*. – № 55. – Amsterdam : John Benjamins, 2011. – P. 37–60.

5. *Flanson T., Bryant G. A., Barret H. C.* Prosody in spontaneous humour, evidence for encryption – Amsterdam : John Benjamins, 2011. – P. 37–60.
6. *Pickering L., Corduas M., Eisterhold J., Seifried B., Egglston A., Attardo S.* Prosodic markers of saliency in humorous narratives. – Routledge, 2009. – P. 27.
7. *Purandare A., Litman D.* Humor: Prosody analysis and automatic recognition for F*R*I*E*N*D*S* // Proc. EMNLP. – 2006. – P. 208–215.
8. *Wells H. G.* An Experimental Approach to the Interpretation of Focus in Spoken English : Intonation in Discourse – London : Croom Helm, 1986. – P. 53–75.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск 20 (759)
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка: Ю. Л. Герасимова
Дизайн обложки: А. Г. Проскураков

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 06.06.2016
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 10,4
Заказ № 1401

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru